

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

4

Выпуск (872)

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2023

1930

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITIES

4
Issue (872)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2023

1930

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 4 (872)

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
Г. Г. БОНДАРЧУК

доктор филологических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Беляков Д. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Бондарев А. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Бубнова Г. И.	доктор филологических наук, профессор (МГУ имени М. В. Ломоносова)
Воробьев В. В.	доктор филологических наук, профессор (РУДН)
Ганин В. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Глушак В. М.	доктор филологических наук, профессор (МГИМО(У) МИД РФ)
Голубина К. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Голубкова Е. Е.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Гусейнова И. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Евтушенко О. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Егорова О. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Захари Михайлов Захариев	доктор исторических наук, профессор (Болгария)
Захарова Н. В.	кандидат филологических наук (ИМЛИ РАН)
Зусман В. Г.	доктор филологических наук, профессор (НИУ ВШЭ в Нижнем Новгороде)
Ирисханова О. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Косиченко Е. Ф.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Космарская И. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Краева И. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Кузнецов В. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Малыгина И. В.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)
Осьминина Е. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Порохницкая Л. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Потапова Р. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Семина И. А.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Силантьев Р. А.	доктор исторических наук (МГЛУ)
Сомова Е. В.	доктор филологических наук, доцент (МПГУ)
Сорокина Т. С.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Толкачев С. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Травников С. Н.	доктор филологических наук, профессор (Гос. ИРЯ имени А. С. Пушкина)
Трыков В. П.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Харитончик З. А.	доктор филологических наук, профессор (Минский государственный лингвистический университет, Беларусь)
Хитина М. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Ченки А. Д.	доктор филологических наук, профессор (Vrije Universiteit, Нидерланды; МГЛУ)
Черноземова Е. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Янулевичене В.	доктор филологических наук, профессор (Университет им. Миколаса Ромериса, Вильнюс, Литва)

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 4 (872)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-chief
G. G. BONDARCHUK

Doctor of Philology, Professor

EDITORIAL BOARD

Belyakov D. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Bondarev A. P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Bubnova G. I.	Doctor of Philology, Professor (MSU)
Vorobiov V. V.	Doctor of Philology, Professor (RUDN)
Ganin V. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Glushak V. M.	Doctor of Philology, Professor (MGIMO)
Golubina K. V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Golubkova E. E.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Guseinova I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Yevtushenko O. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Egorova O. G.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Zahari Zahariev	Doctor of History, Professor (Bulgaria)
Zakharova N. V.	PhD in Philology, Leading Researcher (IWL RAS)
Zusman V. G.	Doctor of Philology, Professor (NRU "Higher School of Economics" in Nizhny Novgorod)
Iriskhanova O. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Kosichenko E. F.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Kosmarskaya I. V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kraeva I. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kuznetsov G. V.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Malygina I. V.	Doctor of Philosophy, Professor (MSLU)
Osmirina E. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Porokhnitskaya L. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Potapova R. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Semina I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Silantiev A. N.	Doctor of History (MSLU)
Somova E. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MPSU)
Sorokina T. S.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Tolkachev S. P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Travnikov S. N.	Doctor of Philology, Professor (Pushkin State Russian Language Institute)
Trykov V. P.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Kharitonchik Z. A.	Doctor of Philology, Professor (MinSLU, Republic of Belarus)
Khitina M. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Cienki A. J.	Doctor of Philology, Professor (VU, Amsterdam; MSLU)
Chernozemova E. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Januliviciene V.	Doctor of Philology, Professor (M. Romeris University, Vilnius, Lithuania)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Особенности устного дискурса пресс-конференций на итальянском языке БОРИСОВА Е. С., ЛАРИНА К. А.	9
Неоитальянский язык и его восприятие современными итальянскими писателями БЫСТРОВА Т. А.	16
Семантические и морфологические особенности новейшей лексики (на материале финского языка) ДЕМЕНТЬЕВА А. М., АВЦИНОВ В. М.	23
Истоки русского просторечия ЕГОРОВА С. С.	30
Новейшая шведская лексика: тематические группы, происхождение, особенности словообразования ЖИЛЬЦОВА Е. Л.	35
Датские модальные частицы и эмоциональные интенции говорящего КРЫЛОВА Э. Б.	42
Проблемы анкетирования при исследовании интертекстуальных свойств аллюзии в испаноязычных СМИ КУЗНЕЦОВ А. В.	50
Традиции и инновации в языке шведских средневековых законов (по материалам шведских исследований) МАТЫЦИНА И. В.	57
Индивидуально-авторский художественный концепт «таг / море» и его вербальная репрезентация в поэзии Софии де Мелло МАХОРТОВА В. А.	63
Семантическая адаптация заимствований (на материале коннотативных заимствований корейского языка) МОЗОЛЬ Т. С.	71
Синергия информативов текстового информативного кода (на материале произведения В. Скотта «Waverley; or 'Tis sixty years since») ОГНЕВА Е. А.	80
Анализ эмоциональных состояний в условиях цифровой коммуникации ПОТАПОВА Р. К., ПОТАПОВ В. В.	86
Потенциальное влияние баскского языка на формирование специфических лексико-грамматических явлений во французском языке ПЫЛАКИНА В. В.	97
Темпорально-аспектуально-таксисный комплекс как средство создания художественного диалога в драме (на материале пьесы Б. Шоу «Пигмалион») СОРОКИНА Т. С., ЕРОХИНА О. В.	104

СОДЕРЖАНИЕ

Типы контактных вариантов слов (на материале словацкого и чешского языков) УВАРОВА Ю. П.	113
Парадоксы «до» и «после» – структура и семантика сложноподчиненных предложений с союзами предшествования и следования в современном шведском языке и их перевод на русский язык ЧЕКАЛИНА Е. М.	120
Терминологические обозначения транскрипции как маркеры когнитивного стиля Е. Д. Поливанова ЩЕПАЛИН М. Д.	129
Гендерная адекватность в современном немецком языке ЮКЛЯЕВА Е. А.	135

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Джейн Остен в странах Латинской Америки: расширение литературного поля КОСТЫРЯ А. В.	142
Экзистенциальные мотивы в творчестве А. Битова 1960-х годов ШАНЬШАНЬ ЧЭНЬ.....	148

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Культурная идентичность иракских курдов: методологические подходы к изучению МАЛЫГИНА И. В., НЕКРАСОВА Т. П.	154
Диалог непересекающихся семиосфер в едином пространстве культуры МАСЛОВА А. В.	163

LINGUISTICS

Features of the Discourse of Italian Press Conferences BORISOVA E. S., LARINA K. A.	9
The Italian Neostandard through the Eyes of Contemporary Italian Literature BYSTROVA T. A.	16
Semantic and Morphological Features of Neologisms (based on the material of the Finnish language) DEMENTIEVA A. M., AVTSINOV V. M.	23
The origins of Russian vernacular EGOROVA S. S.	30
The Newest Swedish Vocabulary: Theme Groups, Origin, Word-Formation Features ZHILTSOVA E. L.	35
Danish Modal Particles and the Speaker's Emotional Intentions KRYLOVA E. B.	42
Intertextual Characteristics of Allusions in the Spanish Media: Survey Issues and Considerations KUZNETSOV A. V.	50
Traditions and Innovations in the Language of Medieval Swedish Laws (based on Swedish studies) MATYTSINA I. V.	57
The Individual Author's Concept «Mar / Sea» and Its Verbal Representation in the Poetry of Sophia de Mello MAKHORTOVA V. A.	63
Semantic Assimilation of Borrowings (focusing on connotative loans in Korean) MOZOL T. S.	71
Informants' Synergy of the Textual Informative Code (based on W. Scott's «Waverley; or 'Tis sixty years since») OGNEVA E. A.	80
Sentiment Analysis of Digital Communication POTAPOVA R. K., POTAPOV V. V.	86
The Potential Influence of the Basque Language on the Formation of Specific Lexico-Grammatical Phenomena in French PYLAKINA V. V.	97
Tense-Aspect-Taxis Complex as a Means of Forming a Drama Dialogue (a case-study of B. Shaw's "Pygmalion") SOROKINA T. S., EROKHINA O. V.	104

CONTENTS

Types of contact variants of words (based on the Slovak and Czech languages)	
UVAROVA J. P.	113
The Paradoxes of 'before' and 'after': The structure and Semantics of Complex Sentences with Subordinate Conjunctions of Anteriority and Posteriority in Modern Swedish and Their Translation into Russian	
CHEKALINA E. M.	120
Terminological Transcription Designations as Markers of E. D. Polivanov's Cognitive Style	
SCHEPALIN M. D.	129
Gender Adequacy in Modern German	
YUKLYAEVA E. A.	135

LITERARY STUDIES

Jane Austen in Latin America: Expansion of the Literary Field	
KOSTYRYA A. V.	142
Existential Motifs in the Work of A. Bitov in the 1960s	
SHANSHAN CHEN	148

CULTUROLOGY

The Cultural Identity of the Iraqi Kurds: Methodological Approaches to the Study	
MALYGINA I. V., NEKRASOVA T. P.	154
The Dialogue of Non-Intersecting Semiospheres in a Single Cultural Space	
MASLOVA A. V.	163

Особенности устного дискурса пресс-конференций на итальянском языке

Е. С. Борисова¹, К. А. Ларина²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹borisova.es@linguanet.ru, ²ka_larina@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности устной итальянской речи в пресс-конференциях, а также основные экстралингвистические факторы, влияющие на их форму и содержание. Интерес представляет двойственная природа жанра: несмотря на наличие вопросно-ответной части, которая утрачивает свою коммуникативную функцию и становится средством укрепления позиции оратора для более эффективного воздействия на аудиторию, пресс-конференции, по сути, монологичны, что доказывается проведенным статистическим анализом.

Ключевые слова: пресс-конференция, диалог, монолог, устный итальянский дискурс

Для цитирования: Борисова Е. С., Ларина К. А. Особенности устного дискурса пресс-конференций на итальянском языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4 (872), С. 9–15. DOI 10.52070/2542-2197_2023_4_872_9

Original article

Features of the Discourse of Italian Press Conferences

Elena S. Borisova¹, Kristina A. Larina²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹borisova.es@linguanet.ru, ²ka_larina@mail.ru

Abstract. The article reviews the particularities in the use of speech in press conferences in Italian, as well as the principal linguistic and extralinguistic factors influencing their form and content. The dual, namely dialogical and monological basis of this genre, makes it important to analyze its features. The case of interest is the dual nature of the genre: despite the presence of a dialogical part that loses its communicative function and becomes a means of strengthening the position of the speaker for a more effective impact on the audience, press conferences are mostly monological, the fact of which is proved by the statistical analysis.

Keywords: press conference, dialogue, monologue, oral Italian discourse

For citation: Borisova, E. S., Larina, K. A. (2023). Features of the discourse of Italian press conferences. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(872), 9–15. 10.52070/2542-2197_2023_4_872_9

ВВЕДЕНИЕ

Политизированный язык в Италии начали изучать еще на этапе формирования итальянского языка, поскольку сама история его возникновения была связана с прагматической необходимостью, а именно, с его значимостью как социополитического инструмента. Современный политический итальянский дискурс в первую очередь стремится к наиболее эффективному осуществлению коммуникации. Именно этот прагматический аспект повлиял на развитие пресс-конференций (далее ПК) как жанра устного политизированного дискурса.

Основная цель нашего исследования – изучение особенностей устного дискурса ПК на итальянском языке. Для этого необходимо выполнить следующие задачи:

- изучить диалогичные и монологичные особенности италоязычных ПК;
- выявить соотношение диа- и монологичных текстовых фрагментов и их прагматическую направленность;
- определить степень влияния письменной речи на устный публичный дискурс ПК в итальянском языке в зависимости от целей коммуникации.

Теоретической базой данной статьи послужили труды отечественных и зарубежных исследователей, связанные как с историей итальянского языка, так и с особенностями его современного развития: Н. Д. Арутюновой, Е. А. Земской, М. Н. Кожинной, М. Дардано, Т. Де Мауро, Л. Шпитцера и др., а также различные энциклопедические источники.

В качестве эмпирического материала отобраны видеозаписи семи современных италоязычных ПК общественно-политических деятелей: С. Маттарелла, Л. Ди Майо, М. Ренци, М. Драги, Дж. Конте и др. за период 2015–2022 годов, представленные в видеоформате и размещенные на официальном YouTube-канале Правительства Италии. Тематика выступлений связана со злободневными проблемами Италии в указанный период (политика, наука, экономика, военные конфликты и т. д.). Для анализа видеоматериалы были переведены в текстовый формат, объем которого составил около 17 тыс. слов.

Поскольку наиболее информативными в языковом плане являются монологическая и диалогическая части пресс-конференции, именно они и были использованы в исследовании.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО УСТНОГО ИТАЛОЯЗЫЧНОГО ДИСКУРСА

Согласно историку языка Туллио Де Мауро (1932–2017), на ранних этапах своего развития

итальянский язык был символом национального единства, а не средством коммуникации [De Mauro, 1963]. Роль итальянского языка как средства коммуникации возросла в XX веке благодаря развитию и распространению СМИ. В конце XX – начале XXI веков исследователи выделяют две его разновидности: национальную (*italiano standard*) и современную (*italiano neostandard* или *nuovo standard*) [Dardano, 2016].

Впервые о подробном разграничении итальянские лингвисты заговорили в середине 80-х годов XX века, а современное общепринятое обозначение *italiano neostandard* было предложено в начале 80-х годов социолингвистом Газетано Берруто [Асодова, 2022]. Сейчас данная терминология используется не только в фундаментальных трудах по итальянистике, но и в учебниках итальянского языка для иностранцев¹.

Развитие итальянского языка как средства коммуникации повлекло за собой появление в нем значительного числа заимствований из диалектов и других языков. Н. Г. Закутская и И. В. Побегайло отмечают, что в последние годы усиливается влияние англицизмов [Закутская, Побегайло, 2014], выделились и развиваются социолекты. Современный вариант итальянского языка открыт к изменениям синтаксиса и грамматики в направлении упрощения, тяготеет к устной речи и подвержен влиянию массовой культуры. Так, итальянский лингвист Маурицио Дардано охарактеризовал современную версию итальянского языка как «разновидность языка, упрощенную в отношении морфологии и синтаксиса, имеющую предрасположенность к заимствованию черт устной речи, открытую к влиянию языков профессионального общения, индифферентную к воздействию классического литературного итальянского языка и отдаляющуюся от кодифицированной итальянской речи, преподаваемой в школах»² [Dardano, 2016, с. 201–202].

УСТНАЯ И ПИСЬМЕННАЯ РЕЧЬ В ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Устная речь является «первичной формой существования языка, более ранней по времени возникновения, чем речь письменная» [Стилистический энциклопедический словарь, 2011, с. 567]. Ее основные характеристики – неподготовленность, линейность, необратимость, информативность, ответственность, связь с физическим временем произнесения речи.

¹ См., например, Nuovo Contatto C1 / Volume C1 / a cura di R. Bozzone Costa et al. Torino: Loescher Editore, 2013.

² Зд. и далее перевод К. А. Лариной.

В стилистическом энциклопедическом словаре русского языка разграничиваются устно-разговорная речь (для повседневного общения) и устная публичная речь (в выступлениях перед аудиторией). Некоторые исследователи относят последнюю к книжной кодифицированной речи, поскольку тексты подобного рода практически всегда имеют письменный первоисточник. Вместе с тем устная публичная речь «существенно отличается от письменной, функционирующей в соотносительных жанрах (доклад – статья, лекция – раздел в учебнике и т. п.). Различия обусловлены спецификой устно-речевой коммуникации, особенностями порождения и восприятия устной речи», которой «противопоказаны многие яркие черты письменной речи: употребление многокомпонентных сложных предложений, обилие вводных и вставных конструкций, причастных и деепричастных оборотов» [Стилистический энциклопедический словарь, 2011, с. 567].

Письменной, как известно, называют речь, изображенную с помощью специальных знаков на какой-либо поверхности [там же]. В отличие от устной, она характеризуется четко заданной темой высказывания и его точным развертыванием, избегает двусмысленности и неопределенности при интерпретации. Это проявляется в неизменяемой структуре текста, порядке следования элементов высказывания, выборе лексики и подборе грамматических средств.

Для устной речи характерна меньшая когерентность, что часто связано с экстралингвистическими факторами. Е. А. Земская выделяет среди них паузы, а также различные паралингвистические приемы, например, мелодику, к которой можно отнести интонацию, динамику, темп, регистр, тембр, мимику, жесты, язык тела [Земская, Китайгородская, Ширяев, 1981]. Устная речь больше опирается на речевую ситуацию, и это может привносить элемент двусмысленности и незавершенности.

Основными лингвистическими характеристиками устной речи являются «повторы, уточнения, ассоциативные вставки, употребление предложений неусложненной структуры, использование тропов и сравнений, приемов адресации речи, языковых средств субъективно-модального и эмоционально-оценочного характера, разговорных элементов» [Стилистический энциклопедический словарь, 2011, с. 567].

Для итальянского языка, как и для русского, характерны перечисленные выше факторы. В плане грамматики в устном италияязычном дискурсе, как отмечает М. Дардано, наблюдается тенденция к использованию настоящего времени (*presente indicativo*) вместо будущего (*futuro semplice*) и периодически вместо прошедших времен (*passato prossimo*, *passato remoto*). Также в устном итальянском дискурсе

часто употребляются личные местоимения, которые, однако, по нормам итальянской грамматики следует избегать, если они компенсируются личными окончаниями глаголов. Яркой особенностью итальянского синтаксиса в спонтанном дискурсе является «сегментация сложных предложений на короткие или даже очень короткие фразы», в следствие чего появляются «повторы, обеспечивающие когерентность устной речи» [Dardano, 2016, с. 202–203].

Таким образом, на основе проведенного теоретического анализа при рассмотрении дискурса итальянских ПК особое внимание следует уделить речевой избыточности, т. е. повторам, уточнениям и пояснениям, выраженным различными грамматическими и синтаксическими средствами.

ДИАЛОГИЧЕСКАЯ И МОНОЛОГИЧЕСКАЯ РЕЧЬ В ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Согласно стилистическому энциклопедическому словарю, в устной речи по количеству участников коммуникации и по поставленным коммуникативным задачам традиционно выделяются диалогическая речь (несколько участников коммуникации) и монологическая речь (один спикер) [Стилистический энциклопедический словарь, 2011]. По степени подготовленности устная речь может быть спонтанная, например в беседах, интервью, выступлениях в дискуссии, и подготовленная, например в лекциях, докладах, выступлениях, отчетах [Азимов, Щукин, 2009].

Диалогической форме речи, «которая характеризуется сменой высказываний (реплик) двух или нескольких (полилог) говорящих и непосредственной связью высказываний с ситуацией» [Стилистический энциклопедический словарь, 2011, с. 44], свойственны прерывания, наложения, обрывания реплик. При этом диалог преимущественно является примером неподготовленной речи. М. Дардано характеризует ее как «*parlato-parlato*» – «полностью устная» [Dardano, 2016, с. 203], тем самым подчеркивая ее спонтанность и стихийное развитие в процессе коммуникации. Вопросительные и побудительные предложения среди стимулирующих реплик, повторы и переспросы в реагирующих репликах, синтаксическая неполнота реагирующих реплик, компенсируемая за счет предыдущего высказывания¹, – всё это универсальные характеристики диалога.

Монолог, в свою очередь, представляет собой тематическое, лексическое и синтаксическое единство. Монологическая речь, в отличие от диалогической, обладает гораздо большей степенью

¹ URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01008006278>

традиционности при выборе языковых, композиционных и других средств, имеет, как правило, более сложное синтаксическое построение по сравнению с репликами в диалоге. В определенных случаях монолог базируется на письменном материале (заметки, графики, план выступления), который затем частично воспроизводится спикером. В таком случае подразумевается неспонтанная подготовленная устная речь, к которой можно также отнести воспроизведение заученного текста или его зачитывание. В этом случае проявляются черты письменной речи. Однако заготовки спикера должны быть удобны для восприятия и обладать определенными качествами для выполнения прагматической задачи. Для этого они могут содержать краткие синтаксически неосложненные предложения и частое повторение темы. Подготовленную в виде написанного текста монологическую речь М. Дардано называет «*parlato-recitando*», что в переводе соответствует устной зачитываемой речи [Dardano, 2016].

ПК представляют собой сочетание монолога и диалога, в которых, в зависимости от формы и цели коммуникации, прослеживаются черты как спонтанной, так и подготовленной устной речи. Поэтому для детального понимания особенностей подобного вида дискурса следует остановиться на ее характерных чертах. Это позволит определить количественное и качественное соотношение диалогических и монологических особенностей в ПК, а также выделить наличие в данном жанре признаков не только устной, но и письменной речи.

СТРУКТУРА ИТАЛОЯЗЫЧНЫХ ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЙ

Традиционно ПК состоит из шести частей: открытие и представление ораторов, вступительное слово ведущего (в его роли обычно выступает секретарь или пресс-атташе), выступления спикеров (информационные сообщения), вопросы и ответы, закрытие и неофициальная часть.

Выступления спикеров представляют собой только монолог оратора или ораторов (если их несколько). Часть вопросов и ответов преимущественно представляет собой диалог (или чаще полилог) и состоит из собственно вопросов журналистов и ответов спикеров. Остальные части обусловлены регламентом мероприятия и обычно не попадают в публичный доступ.

В рассмотренных нами материалах прослеживалась указанная тенденция к сокращению структуры: на видеозаписях представления спикеров и банкет, входящие в протокольную часть, полностью опускаются (в выступлении В. В. Путина и Дж. Конте, например, есть только информационная

и вопросно-ответная части). Это связано с тем, что неофициальная часть не несет информационной ценности для широкой аудитории, на которую рассчитаны ПК, а представлением выступающих часто занимаются сами спикеры в целях экономии ресурсов и времени (*...e voglio passare in primis la parola a Silvio Brusaferrero e poi [a] professor Locatelli*). Например, в ПК *Covid-19, conferenza stampa Speranza, Locatelli, Brusaferrero*, как и во многих других, состав ораторов известен заранее и указан в самой теме мероприятия.

СООТНОШЕНИЕ МОНОЛОГА И ДИАЛОГА В ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯХ

Несмотря на наличие диалогической части, ПК тяготеет преимущественно к монологической речи. Свидетельством этому могут быть следующие закономерности: сокращение структуры и неравное распределение монолога и диалога.

Среди изученных материалов из семи конференций полноценная структура прослеживалась только в трех (ПК В. В. Путина и Дж. Конте 2018 и 2019 годов, С. В. Лаврова и Л. Ди Майо 2019 года), остальные четыре состояли исключительно из информационного сообщения. С нашей точки зрения, подобное сокращение структуры в указанных случаях не может быть обусловлено внешними факторами, например ограниченным временем записи или особенностями монтажа видео, поскольку тексты были логически завершены и сопровождалась этикетными формулами прощания. Так, Р. Сперанца в заключении выступления поблагодарил слушателей и поздравил их с Рождественскими праздниками:

Quindi, grazie, grazie a tutti, anche per me è l'occasione utile per augurare a tutti buone festività natalizie.

Средний объем диалогической и монологической частей в исследуемых материалах примерно одинаков (на три конференции объемом около 10,5 тыс. слов приходится около 5 800 слов в вопросно-ответной части, что в среднем составило 55 %). При этом в самой диалогической части наблюдается тенденция к ведению монолога – реплики ораторов гораздо информативнее и длиннее реплик журналистов. Так, объем ответов спикеров в среднем составил 79 % от общего объема части вопросов и ответов, что дает основание не считать равными позиции коммуникантов (журналист только задает тему для дальнейшего монолога спикера, но не выступает в качестве полноценного коммуниканта). Таким образом, в большинстве реплик (в том числе и по объему) в этой части на самом деле представляет собой монолог. Кроме того, в 80 %

случаев (8 из 10) на один вопрос приходились ответы обоих ораторов, что также подтверждает сказанное выше. Таким образом, отношение монолога к диалогу в исследованных материалах в среднем следующее: 88 % для конференций с обеими частями и 93 % для всех материалов, участвовавших в выборке. При этом средняя длина предложения в обеих частях была примерно равной: 22 слова для монологической части (с разбросом от средних значений в 15,7 слов до 32,2 слов) и 18,3 слова для диалогической части. Следует обратить внимание, что при подсчетах в первой части наблюдается погрешность в сторону сокращения длины предложений (например, разбивка сложных предложений на более простые), связанная с тем, что записывание текста велось с устного источника, и интонация спикера не всегда в полной мере давали представление о завершении фразы. В таких случаях мы руководствовались логической завершенностью фразы и упрощали длинные периоды. В диалогической части паралингвистические явления (например, изменение темпа и ритма речи, паузирование) проявлялись ярче, чем в предыдущем случае.

В целом для передачи основного информационного сообщения в ПК достаточно монологической части. Вкрапления диалога в монолог способствуют усилению воздействия оратора на аудиторию. То, что монолог и диалог в устной публичной речи имеют разные задачи, считает и Т. Б. Трошина [Стилистический энциклопедический словарь, 2011]. Она отмечает, что диалогичность речи связана с функцией общения, монологичность – с функцией сообщения. При этом в устной публичной речи, к которой причисляют ПК, монологическая форма может содержать в себе элементы диалога, что обозначает совмещение функций сообщения, общения и воздействия.

Преобладание монолога в ПК предполагает наличие ярко выраженных его черт в обеих частях выступления. В первую очередь речь идет о подготовленности текста. Так, если в информационной части материал возможно полностью проработать заранее (и в некоторых случаях даже прочитать с листа), во второй спикер сталкивается с необходимостью импровизировать.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ЧАСТЬ ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ

Монологическая часть ПК имеет много черт, характерных для устной письменной речи, поскольку устная публичная речь предусматривает заблаговременную подготовку текста. Исходя из этого, основными особенностями монологической части ПК являются конструкции, характерные для письменной

речи: большое количество прецизионной информации и сложные синтаксические структуры.

В среднем на 1 тыс. слов здесь приходится около 13 характерных для письменной речи конструкций. К ним относятся, например, пассивные формы (*si sono chiusi, si affermano, non può esservi*), конъюнктивы (*possiate, sia avvenuto*), аналитические глагольные формы (*aver visitato*), термины (*fisica delle particelle elementari, bosone di Higgs, stabilimento dell'erogazione del gas*), этикетные формулы (*Voglio ringraziarvi moltissimo per la calorosa accoglienza...; Siete una delle grandi eccellenze del Paese...*), цитирования и отсылки к авторитетным источникам, включая предыдущих спикеров (*come ci ricorda il Professor Parisi...*).

Для монологической части также характерно использование прецизионной информации, например, имен собственных, числовых данных и уже рассмотренных специальных терминов. Наиболее частотными являются обращения, обычно клишированные: *Presidente Marsilio, Signora Ministra Messa, Commissari Legnini e Gisonni, Sindaco Biondi, Prefetto Torracco, Signori Parlamentari, Presidente Zoccoli, Direttore Previtali, Professor Parisi, care ricercatrici e cari ricercatori! Voglio ringraziarvi moltissimo per la calorosa accoglienza qui e nel laboratorio*. Статистические и количественные данные (*35% degli iscritti, circa 2.000 nuovi progetti, 6,9 miliardi di euro*), как и другая прецизионная информация, указывают на основательную подготовку спикера по данной теме, а также на его желание усилить перлокутивный эффект.

Отличительной особенностью итальянского дискурса ПК является также использование большого числа этикетных формул, которые являются «приемом, нацеленным на то, чтобы умиротворить слушателя и донести до него тему своего сообщения» [Spitzer, 2013, с. 126].

Предложения в первой части ПК представляют собой сложные синтаксические структуры, насыщенные сочинительной и подчинительной связью, деепричастными и причастными оборотами, однородными членами и т. д. Это также связано с практикой заблаговременной подготовки текста выступления. Так, в следующем предложении, части которого соединяются как сочинительной, так и подчинительной связью, встречаются уточнение, герундиальный и инфинитивный оборот и два эксплицитных придаточных (определятельное и обстоятельственное):

Lo ha ricordato nel 2010 un'altra grande scienziata, Margherita Hack, parlando dell'importanza di aver avuto genitori che non le avevano trasmesso comportamenti legati a stereotipi di genere, come anche Lei ha detto poco fa.

ВОПРОСНО-ОТВЕТНАЯ ЧАСТЬ ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ

Диалогическая структура вопросно-ответной части делает невозможной полную проработку ответа спикером, так как тематика каждого сообщения (в рамках повестки дня) задается извне. В связи с этим вторая часть имеет больше характерных черт, связанных с устной речью. Среди них можно выделить: упрощенный синтаксис, использование междометий и пауз хезитации, а также риторические фигуры.

Междометия, слова-паразиты, паузы хезитации, конструкции, обеспечивающие связность текста, встречались в исследованных текстах повсеместно, но в первую очередь сопровождали паралингвистические явления, такие как паузирование и изменение темпа и ритма речи. Эти особенности проявлялись гораздо ярче, чем в монологической части, что указывало на меньшую степень подготовленности оратора.

Для данной части характерно использование неполных и неосложненных предложений, присущих диалогу как разговорному жанру. Часто экономия слов наблюдается в «технической» части выступления – журналистов обычно представляют довольно кратко (*Sia "Russia Oggi" – Пусть будет «Россия сегодня»*). Риторические фигуры, такие как параллелизмы, повторы, риторические вопросы, встречаются в условно неподготовленной ораторской речи. При этом предложения, их содержащие, обычно длиннее среднего показателя. Параллелизмы не только способствуют большей экспрессивности речи, но и дают возможность создавать более объемные предложения, наличие которых в диалогической части помогает спикеру увеличить свой авторитет и привлечь внимание аудитории к теме. Как отмечает Лео Шпитцер, отсутствие параллелизма в диалоге объясняется отсутствием общих интересов между говорящим и слушающим [Spitzer, 2013]. Часто в данных случаях встречаются повторы, обеспечивающие связность текста и оставляющие спикеру время для формулирования мысли и высказывания. Также повторы помогают привлечь внимание к тезису и аргументации.

Учитывая превалирующую монологичность ПК, следует принимать во внимание сложные синтаксические конструкции в выступлениях ораторов, что связано с тяготением итальянского языка к гипотаксису.

В качестве иллюстрации перечисленных выше риторико-синтаксических особенностей вопросно-ответной части ПК хотелось бы привести следующее высказывание:

Il vero grande tema è che il conflitto in Libia non è solo un conflitto tra le parti libiche ma vede troppe

interferenze, e quindi anche qualsiasi iniziativa bilaterale, a cui si assiste in queste ore, dovrebbe rientrare sempre nell'alveo della conferenza di Berlino, e non perché la conferenza di Berlino sia la più importante di tutte, non c'è una presunzione di superiorità europea nel voler risolvere la questione libica, ma se tutti gli attori di quella conferenza e anche chi non partecipano, sono tutti impegnati a preparare i lavori e a lavorare quindi a un punto di... di intesa sul cessate il fuoco, è importante non promuovere fughe in avanti o essere artefici di fughe in avanti.

Интересным является тот факт, что параллельные конструкции связывают каждое ключевое понятие со следующим. Это помогает говорящему переключать внимание аудитории с одной темы на другую, а также убрать фокус с недостаточно проработанной в условиях спонтанной речи аргументации, поскольку сложные синтаксические конструкции плохо воспринимаются слушателем. При этом повторы часто помогают спикеру избежать прямого ответа путем его имитации [Spitzer, 2013].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило определить основные характерные особенности ПК на итальянском языке. В ходе работы был выполнен статистический анализ, который показал преобладание монолога в италоязычном дискурсе ПК. Авторы заметили, что несмотря на кажущуюся моно-диалогическую двойственную природу ПК, ее диалогическая часть в связи с неравными ролями коммуникантов практически сводится к монологу спикеров. Для передачи основного информационного сообщения было достаточно монологической части, поскольку возможность проработки текста позволяет полностью раскрыть тему и обозначить позицию спикера. Таким образом, диалог в данном жанре италоязычного дискурса утрачивает свою коммуникативную функцию и становится средством укрепления позиции оратора для более эффективного воздействия на аудиторию.

Несмотря на тот факт, что ПК является устным жанром, влияние письменной речи на ее язык велико в силу ее монологической природы и связано с разной степенью подготовки спикера к частям выступления. Двойственная моно-диалогическая структура этого жанра повлияла на неравномерное распределение в ней черт устной и письменной речи. При этом степень влияния письменной речи на аудиторию также зависит от тематики конференции – так, выступления на острые социальные темы тяготеют к письменному тексту гораздо меньше, чем выступления информативного характера.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. De Mauro T. Storia linguistica dell'Italia unita. Bari: Editori Laterza, 1963.
2. Dardano M. Manuale di linguistica italiana. 2° edizione. Bologna: Zanichelli, 2016.
3. Асадова К. А. Эволюционные процессы в итальянском языке Интернета: лексика и словообразование. Филологические науки в МГИМО. 8 (1), 2022. С. 8–18. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-1-30-8-18>
4. Закутская Н. Г., Побегайло И. В. Проблемы английских заимствований в современном итальянском языке // Вестник Воронежского государственного университета, 2014. Вып. 4. С. 58–62.
5. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожиной. 2-е изд., стереотип. М.: Флинта: Наука, 2011.
6. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981.
7. Азимов Э. Г., Шукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР, 2009.
8. Spitzer L. Lingua italiana del dialogo / A cura di C. Caffi e C. Segre. Milano: il Saggiatore, 2013.

REFERENCES

1. De Mauro, T. (1963). Storia linguistica dell'Italia unita. Bari: Editori Laterza.
2. Dardano, M. (2016). Manuale di linguistica italiana. 2° edizione. Bologna: Zanichelli.
3. Asadova, K. A. (2022). Evolutionary Processes in the Italian Language of the Internet: Vocabulary and Word Formation. Filologicheskie nauki v MGIMO, 8(1), 8–18. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-1-30-8-18> (In Russ.)
4. Zakutskaja, N. G., Pobegajlo, I. V. (2014). English borrowings in modern Italian. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 4, 58–62. (In Russ.)
5. Kozhina, M. N. (ed.). (2011). Stilisticheskij jenciklopedicheskij slovar' russkogo jazyka (2011) = Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language. 2nd ed., stereotyped. Moscow: Flinta, Nauka. (In Russ.)
6. Zemskaja, E. A., Kitajgorodskaja, M. V., Shirjaev, E. N. (1981). Russkaja razgovornaja rechi. Obshhie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis = Russian colloquial speech. General questions. Word formation. Syntax. Moscow: Nauka. (In Russ.)
7. Azimov, Je. G., Shhukin, A. N. (2009). Novyj slovar' metodicheskikh terminov i ponjatij (teorija i praktika obuchenija jazykam) = A new dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of language teaching). Moscow: IKAR. (In Russ.)
8. Spitzer, L. (2013). Lingua italiana del dialogo. A cura di C. Caffi e C. Segre. Milano: il Saggiatore.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Борисова Елена Сергеевна

кандидат филологических наук

и.о. заведующего кафедрой итальянского языка переводческого факультета

Московского государственного лингвистического университета

Ларина Кристина Александровна

аспирант, преподаватель кафедры итальянского языка переводческого факультета

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Borisova Elena Sergeevna

PhD (Philology), Acting Head of the Italian Language Department

Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Larina Kristina Aleksandrovna

Postgraduate Student, Lecturer of the Italian Language Department

Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

09.01.2023
11.02.2023
01.03.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 811.131.1
DOI 10.52070/2542-2197_2023_4_872_16

Неоитальянский язык и его восприятие современными итальянскими писателями

Т. А. Быстрова

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
tassina@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается обеднение итальянского языка и отражение этого процесса в современной итальянской литературе. Итальянский языковой стандарт подвергается постепенному преобразованию и сдвигается в сторону неостандарта как в устной, так и в письменной речи. В статье выделена специфика итальянского неостандарта и приводятся примеры языковых изменений из современной литературы. Теоретический материал опирается на новейшие исследования итальянских лингвистов, языковой материал взят из итальянских романов, опубликованных с 2007 по 2022 год.

Ключевые слова: современный итальянский язык, неоитальянский стандарт, итальянская литература, итальянский стандартный литературный язык

Для цитирования: Быстрова Т. А. Неоитальянский язык и его восприятие современными итальянскими писателями // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 4 (872). С. 16–22. DOI 10.52070/2542-2197_2023_4_872_16

Original article

The Italian Neostandard through the Eyes of Contemporary Italian Literature

Tatiana A. Bystrova

*Russian State University for Humanities, Moscow, Russia
tassina@yandex.ru*

Abstract. This article deals with the problem of the impoverishment of the Italian language and its reflection in contemporary Italian literature. The “Italiano standard” is undergoing a gradual transformation and is shifting towards the neostandard in both oral and written speech. The article highlights the main features of the Italiano neostandard and gives examples of how contemporary literature responds to such linguistic changes. The linguistic material is taken from Italian novels published between 2007 and 2022, as well as from contemporary linguistic studies published in Italy.

Keywords: modern Italian, Italiano neostandard, Italian literature, Italiano standart

For citation: Bystrova, T. A. (2023). The Italian neostandard through the eyes of contemporary Italian literature. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(872), 16–22. DOI 10.52070/2542-2197_2023_4_872_16

ВВЕДЕНИЕ

Проблема обеднения итальянского языка всё чаще становится предметом рефлексии не только лингвистов и литературоведов, но и писателей. Так, читая современную итальянскую литературу, представляется возможным выделить несколько принципиально важных моментов, связанных с изменениями, происходящими в итальянском языке в последние десятилетия. Задачами данного исследования являются краткое описание основных особенностей итальянского неостандартного языка и анализ рецепции случаев употребления неостандарта в современной итальянской литературе.

Обеднение литературного языка так или иначе происходит сегодня в разных культурах, однако именно на примере Италии этот феномен проявляется особенно остро, что обуславливает актуальность данного исследования. Разобщенность Италии, наличие большого количества диалектов, равно как и особенности внедрения стандартизированного языка обусловили постепенное отстранение от него современных итальянцев. Впрочем, и сами итальянцы тоже сильно изменились за последние десятилетия. Отсутствие научных трудов, посвященных рецепции неостандарта в итальянской литературе, равно как и разногласия в терминологии, лишь подтверждают необходимость подобной работы.

В качестве материала практической части исследования в настоящей статье привлекаются произведения современных итальянских писателей, таких как Альдо Нове, Сандро Веронези, Мария Грация Каландроне, Джузеппе Дженна, Джакомо Папи, Вальтер Сити и др. Теоретической основой исследования стали труды таких итальянских лингвистов и социологов, занимающихся анализом неостандартного итальянского языка, как Газтано Берруто, Манлио Кортеллаццо, Массимо Черрути и др.

ИТАЛЬЯНСКИЙ НЕОСТАНДАРТ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ

Как одну из тенденций в современной итальянской литературе, с одной стороны, и в лингвистических исследованиях – с другой, следует отметить открытое противопоставление итальянского стандартного литературного языка (*Italiano standard*) так называемому неоитальянскому языку (*Italiano neostandard*). Прежде всего, следует рассмотреть, что же понимается под неостандартным итальянским языком. Как отмечает Л. И. Жолудева, в российской терминологии этому понятию до сих пор не найдено эквивалента [Жолудева, 2020]. Долгое время для данного явления существовали различные концепции и термины [Асадова, 2022]. Так,

например, некоторые лингвисты склонны понимать неостандартный язык как «*italiano regionale colto medio*», т. е. стандартный итальянский язык с региональными особенностями, используемый в повседневном общении, но есть и другие трактовки.

Термин «*Italiano neostandard*», укрепившийся в итальянской лингвистике в последнее время, был предложен Газтано Берруто в 1987 году и позднее уточнен [Berruto, 2006]. Берруто создал наглядную модель, обобщенно демонстрирующую процессы рестандартизации итальянского языка на современном этапе его развития, «которая позволила систематизировать разрозненные и многообразные наблюдения, касающиеся специфики современного итальянского узуса и его расхождений с кодифицированной нормой, и объяснить, почему в узус порой возвращается давно забытое старое» [Жолудева, 2022, с. 793].

Действительно, первоначально неостандарт захватил пространство устной речи, однако благодаря распространению мобильных телефонов и Интернета постепенно распространился и в письменной речи, вплоть до того, что теперь угрожает захватить и художественную литературу. Говоря о сегодняшнем предпочтении итальянцами неостандарта в ущерб стандарту, Микеле Кортеллаццо отмечает, что нормированный итальянский язык не подходит для неформальных ситуаций и не обладает всей полнотой функциональных возможностей, требующихся в современном мире. Стилистические средства, которыми он располагает, подходят, скорее, для торжественных выступлений и лирической поэзии, но не для переписки в чатах или реплик комедийных фильмов [Cortelazzo, 2007]. Итальянский стандарт, подчеркивает Кортеллаццо, вводился искусственно, заменяя диалекты, которые в ряде регионов были широко употребительны, в том числе и в письменной форме (например, венецианский или сицилийский). Однако Б. Ширетти утверждает, что повсеместная деградация стандартизированного итальянского языка отмечается одновременно с деградацией диалектов. «Обеднение итальянского языка, столь активно популяризовавшегося в последние годы, было предопределено и не должно слишком удивлять»¹, – заявляет Ширетти [Sciretti]. По подсчетам итальянских лингвистов неостандартный язык в последние годы занимает значительно больше языкового пространства, чем *Italiano standard* за счет того, что охватывает широчайший спектр языковых средств разнообразной стилистической окраски, включая разговорно-маркированные [Berruto, Cerruti, 2019].

¹ Эд. и далее, кроме отдельно оговоренных случаев, перевод наш. – Т. Б.

Лексические и грамматические особенности неостандарта до сих пор подвергаются изменениям, поскольку узус не стоит на месте. Однако среди характерных признаков Italiano neostandard можно отметить, например, крайне редкое использование конъюнктива за счет расширения сферы употребления имперфекта индикатива (*se potevo lo facevo*); прономинальное употребление некоторых глаголов (*volerci, smetterla, prendersela* и т. п.); использование местоименной частицы *ci* в функции актуализатора (*oggi c'è il compleanno di Maria*); вынос дополнения влево или вправо (*a me mi dispiace...*); многофункциональный коннектор *che* (*guarda che è impossibile, li ho visti che si litigavano*), двойной дейксис (*quello là*), вопросительные предложения, вводимые конструкцией *come mai*, расщепленные вопросы (*chi è che hai visitato? com'è che ti chiami?*) и т. д.¹ При этом, как было отмечено, в неостандарте присутствуют явления, типичные для спонтанной устной речи, например, плеонастическое употребление *ci* (*questo non ci c'entra*) или рассогласование по числу (*un centinaio comprano*) и другие просторечные элементы.

НЕОИТАЛЬЯНСКИЙ ЯЗЫК И НЕОИТАЛЬЯНЦЫ В СОВРЕМЕННОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Несмотря на преобладание в устной форме, неостандартный язык активно внедряется в письменную речь не только в форме коротких сообщений, переписки (которые, скорее, имитируют устную речь) и записей в социальных сетях, но и через художественную литературу, как переводную, так и оригинальную. Не стоит также упускать из вида признаки территориальной вариативности фонетического рисунка в устной речи, что также находит отражение в художественной литературе при желании писателя охарактеризовать речь персонажа. Лексические и грамматические особенности неостандарта проявляются при передаче устной речи героев, и даже в ряде случаев в речи рассказчика.

В 1990-е годы в итальянской литературе неостандартный язык использовался, скорее, с провокационными художественными целями. Так, например, неостандарт активно задействуется в произведениях авторов группы «Молодые каннибалы» как язык молодежи, образцом для которой служит язык телевизионной рекламы. В частности, в рассказе «*Complotto di famiglia*» («Семейный заговор») из сборника Альдо Нове «Супервубинда» происходит смешение прямой и косвенной речи во внутреннем монологе повествователя, выбираются максимально простые, наиболее часто

употребляемые единицы лексики, а также исчезают знаки препинания:

Va bene proviamo facciamo prima vediamo com'è ero stupito come li hai conosciuti le ho detto ho incontrato lei mi ha proposto lo scambio è una coppia molto bella proviamo andiamo mi ha detto» (Aldo Nove, Complotto di famiglia). – Лады устроим дашь-на-дашь только я что-то не въеду где ты их наколола говорю ну типа встретила где да встретила говорит вот она и толкнула мне про обмен парным-то опытом сам увидишь погребли чего там говорит (*пер. Геннадия Киселева*)².

В других рассказах также применяется подобный прием, с одной стороны, чтобы показать хорошую реакцию, с другой – ее стилистическую и лексическую примитивность. Быстрый темп речи и нечеткость произношения – одна из характеристик итальянцев, общающихся на неостандарте:

Oppure sto qua a Firenze vado dal parrucchiere con Magalli le amiche dicono guarda Maria è con Magalli è davvero Magalli chissà come lo ha conosciuto se è davvero Magalli gurati se è così e io mi stringerei al suo petto lo prenderei sotto braccio per andare in San Frediano con la luna piena a comperare una pizza napoletana al taglio» (Aldo Nove, A letto con Magalli). – Или нет лучше тут во Флоренции пойти с Магалли к парикмахеру подружки скажут глянь-ка это же Мария с Магалли говорю тебе точно Магалли и когда только успели познакомиться неужели он да он а я как прильну к нему возьму под руку и прямиком в Сан Фредьяно а в небе луна огромная и мы берем по неаполитанской пицце в нарезку (*пер. Геннадия Киселева*).

Разумеется, вместе с языком меняются и ценности общества, что также находит отражение в художественных произведениях. Еще Пьер Паоло Пазолини в «Лютеранских письмах» (1975) отмечал, что вместе с приходом американской культуры и буржуазного образа жизни, итальянцы подверглись антропологической мутации, которая значительно изменила не только их привычки и ценности, но и сам язык. Пазолини считал, что это явление произошло между 1960 и 1970 годами. По мнению поэта и режиссера, решающую роль в распространении как ошибочных ценностей, так и обедненного неостандартного языка сыграли всеобщее среднее образование и телевидение. «Телевидение... играет важнейшую роль в формировании человека, поскольку ... подает нам примеры определенного поведения и жизни как таковой. И хотя ведущие,

¹ Подробнее см.: [Жолудева, 2020]

² Зд. и далее при переводе сохранена пунктуация оригинала.

комментаторы, и прочее отребье пытаются о чем-то говорить совершенно чудовищным языком, на самом деле истинный язык телевидения сродни языку вещей: это – чистая прагматика, не подразумевающая альтернатив, дискуссий и противодействий» [Pasolini, 2014, с. 49].

В 1970-е годы Пазолини особенно сокрушался об исчезновении народного языка римских окраин, подчеркивая, что пролетариат и люмпены утратили способность говорить на диалекте и обучились у буржуа недоязыку, который гораздо беднее диалекта. Он считал, что дети рабочих научились у детей буржуа новому языку и говорят теперь на нем неистово и исступленно [Pasolini, 2014]. Этих новых «буржуа» родом из пролетариата Пазолини считал наиболее опасными социальными элементами, признаком культурной деградации страны. Сегодня социологами, лингвистами и писателями активно используется определение «неоитальянцы», в котором отразились все отрицательные признаки, замеченные Пазолини в молодежи 1970-х годов. «Неоитальянцы» – это люди, оторвавшиеся от истоков и ценностей родной культуры, но взамен не приобретшие ничего, кроме пустых штампов. Они также лишились родного языка (диалекта), но не смогли овладеть всем богатством литературного стандарта. Именно их язык и ценности стремились отобразить «молодые каннибалы».

Неостандарт также становится средством сатирического изображения современного общества и языком антиутопии. Так, Джузеппе Дженна в романе 2007 года «Италия Де Профундис» («Italia De Profundis») становится наследником Пазолини и стремится развенчать пороки современного итальянского общества, включая неоитальянские ценности и неоитальянский язык:

...l'orrore dei dialoghi di neoitaliani ... che provengono dal Veneto, da Milano, da Torino, da Firenze, dalle Marche, da Napoli, dalla Sicilia. <...> Giustizialismo e strafottenza e odio verso lo Stato, ambizione al consumo. Parlano solo di cose, di soldi. E di sesso (Giuseppe Genna, *Italia De Profundis*). – Ужасные диалоги неоитальянцев родом из Венето, Милана, Турина, Флоренции, Марке, Неаполя, Сицилии. Они оправдывают, ненавидят и вместе с тем игнорируют государство, стремятся к потреблению. Их разговоры только о вещах и о деньгах. И о сексе.

В представлении Дженны образцовым неоитальянцем оказывается предприниматель из города Лечче, похожий на Джорджа Клуни, выражающийся примитивными потребительскими формулами со сниженной лексикой (*la marea di figa* – горы телочек, *e sono anche bravino* – я в этом рублю и т. п.).

Также Дженна подчеркивает неграмотность и бедность языка своих соотечественников, называя язык, на котором говорит большинство итальянцев «гниющим организмом» и стилистически противопоставляет его языку повествователя (роман написан в жанре автофикшн), намеренно употребляя устаревшую, сложную лексику, сильно контрастирующую с языком описываемых персонажей:

...stiamo andando a Cefalù, non a Palm Springs. **Ausculto i battiti della lingua altrui**, gli errori di grammatica, questo **organismo in disfacimento** che è la lingua media parlata, l'italiano della hall di Linate (Giuseppe Genna, *Italia De Profundis*). – Мы едем в Чефалу, а не в Палм-Спрингс. Я внемлю пульсации языка окружающих меня людей, грамматическим ошибкам, гниющему организму «среднестатистического разговорного языка», итальянскому языку холла аэропорта Линате.

ПРОБЛЕМА ГРАМОТНОСТИ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Проблема неграмотности и незнания итальянцами собственного языка, пренебрежения грамматической и стилистической нормой, поднимается многими современными авторами. В автобиографическом романе 2021 года Мария Грация Каландроне подчеркивает, какое значение в ее семье в 1970-е годы придавалось грамотности. Мать, учительница итальянской литературы, в детстве наказывала дочь за употребление разговорных конструкций, которые теперь уже воспринимаются как норма. Так, например, употребление относительного местоимения *che* вместо *quale* с определенным артиклем считалось матерью неприемлемым:

Maria Grazia, non ripetere «che», sostituisci con «il quale, la quale» (Maria Grazia Calandrone, *Splendi come vita*). – Мария Грация, не употребляй «che», заменяя его «il quale, la quale».

И действительно, в самом романе упомянутая связка *che* в значении «который» не употребляется, предпочтение отдается *il quale, la quale*.

Интересный эпизод на тему грамматических ошибок встречается в романе Сандро Веронези «Колибри», в 2020 году завоевавшем главную литературную премию Италии – «Стрега», главный герой, переписываясь в мессенджере с психиатром своей жены, исправляет его ошибки. В итальянском оригинале герой обращает внимание на употребление одной из местоименных конструкций неостандарта. Глава так и называется «Un auspicio sbagliato» («Ошибочная конструкция»). Ошибка

сделана в глаголе *auspicare*, которую психиатр употребляет с возвратной частицей:

Sono Carradori, l'ex psicoanalista della sua, immagino, ex moglie. **Mi auspico** di non recarle disturbo contattandola dopo tutto questo tempo, ... la preghierei di indicarmi un'ora nella quale posso chiamarla, domani o quando preferisci, perchè avrei bisogno di parlare con lei» (*Sandro Veronesi, Il Colibri*). – Это Каррадори, бывший психиатр вашей, думаю, бывшей жены. Надеюсь, что не побеспокоил вас, связавшись через такое продолжительное время. Прошу Вас указать мне, во сколько Вам будет удобнее созвониться, завтра, или когда, потому что мне нужно с Вами поговорить.¹

Доктор просит героя о встрече, в ответ же тот ставит условие – немедленно избавиться от допущенной ошибки, и тогда встреча состоится:

«Che ritiri immediatamente quel «**mi**» davanti ad «**auspico**» (*Sandro Veronesi, Il Colibri*). – Немедленно уберите это «ми» перед «ауспико».

В словаре Треккани², являющимся довольно авторитетным, в статье о глаголе *auspicare* отмечено, что его часто употребляют в возвратной форме, путая с глаголом *augurare*, который как раз требует в подобной конструкции местоименной частицы. Интересно при этом, что разговор персонажей передан в форме сообщений по мессенджеру, в соответствующей графике, подчеркивающей, что идет переписка по телефону. В дальнейшем, однако, герой Веронези извиняется за то, что исправил ошибку, подчеркивая, что в современном мире это выглядит нелепо. Позднее, объясняясь с доктором устно, он и сам использует подчеркнуто разговорную лексику, а также слова-паразиты:

Mi dica una cosa, dottor Carradori. Non si è **mica** offeso, ieri, per quella **faccenda** del **mi** auspico? Perchè io scherzavo, ma con questi messaggi **mica** si capisce quando uno scherza. Ci ho ripensato e la mia risposta mi è sembrata un po' cafona, dato che ci conosciamo appena (*Sandro Veronesi, Il Colibri*). – Скажите, доктор Каррадори, я же не обидел Вас вчера этими приколами с «**mi**»? Я ведь просто пошутил, но с этими дурацкими эсэмэсками и не поймешь... Просто я как бы подумал, что мой ответ мог Вам показаться несколько грубоватым, мы ведь друг друга почти не знаем.

¹ Отметим, что в официальной версии переводчик романа В Лукьянчук воспроизводит ошибку, обыгрывая отсутствие мягкого знака в инфинитивной форме глагола, однако это не в полной мере отражает ошибку, допущенную в оригинальном тексте.

² URL: <https://www.treccani.it/vocabolario/>

НЕОСТАНДАРТ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ АНТИУТОПИЧЕСКОГО РОМАНА

Наибольшего художественного выражения проблема распространения неостандарта достигает в романе Джакомо Папи «Il censimento al radical chic» («Национальный реестр радикальных интеллектуалов») 2019 года. В произведении представлена картина антиутопического будущего, где людей, выражающихся сложными и замысловатыми фразами и цитирующих классику, настигает народный самосуд. Впрочем, они преследуются и властями: в Италии будущего существует даже государственная должность гаранта упрощения итальянского языка. Текст, предлагаемый читателю, имитирует цензуру со стороны редактора, ответственного за упрощение языка: в нем присутствуют зачеркнутые фразы; слова, признанные сложными, заменены более простыми, имеются редакторские пометки с предлагаемыми вариантами замен. Среди зачеркнутых слов оказываются редко употребляемые лексемы: *reluttanza* (*магнитное сопротивление*), *farraginoso* (*беспорядочный, путанный*), *malarispota* (*грубый ответ*), *ponderato* (*вдумчивый*), а среди конструкций – гипотетический период с использованием форм конъюнктива. По поводу лексемы *sbiadito* (*ноблеклый*) цензура делает следующий комментарий: «Слишком вычурно, барочно, пахнет гимназией. Если убрать всю фразу, текст только выиграет».

Устная речь персонажей сильно стилизована и ориентирована в сторону полного упрощения и насыщена элементами неостандарта:

“Il censimento dei rom ha funzionato.” “Dici?” “**Be'**, in giro non se ne vedono più... Ti vien quasi nostalgia!” “**A me** nostalgia di **quelli lì** zero, guarda... Ma come funzionerà questo censimento lo hanno spiegato?” “Dice che basta l'autocertificazione.” “Ma **li** faranno i controlli, spero!” (*Giacomo Papi, Il censimento al radical chic*). – “С дисками постановка на учет сработала.” “Да ладно?” “Ну, по крайней мере, их больше нигде не найти. Я даже по ним скучаю!” “А я вот совсем не скучаю, веришь ли. А как будет идти эта перепись, хоть объяснили?” “Кажется, достаточно самому встать на учет.” “Но контролировать-то хоть будут, надеюсь?”

В произведении даже предлагаются новые варианты известных стихотворений, переписанные «цензорами» на разговорном неостандарте. Полное невежество современников представлено автором в сатирическом ключе, так что роман можно смело назвать сатирой на современных итальянцев.

Один из авторов-интеллектуалов, признанный сегодня живым классиком, Вальтер Сити, в работе 2021 года «Contro l'impegno nella letteratura» («Против педагогизма в художественной литературе») отмечает «стилистическую халатность» и пренебрежение самих современных писателей литературным языком в пользу нравоучительности и так называемой «педагогической функции»: «Писатели почувствовали, что их застали врасплох, они устыдились былого тяготения к формализму и стали упрямо пренебрегать стилистикой, относясь к ней с таким пренебрежением» [Siti, 2021, с. 115]. Со временем это привело к тому, что писательское мастерство заменила «идея», им транслируемая, которая должна нести некое «благо» обществу. Немногие писатели, отмечает Сити, владеют сегодня итальянским языком и обладают способностью выстроить текст с точки зрения литературной нормы.

Сити призывает читателей и коллег защищать итальянский язык и литературу, насколько это еще возможно. «Эпоха, в которую мы живем, предпочитает экономию времени в ущерб качеству, поверхностную междисциплинарность глубокому знанию одного предмета, а также прямое осуждение вместо вдумчивого анализа», – делает неутешительные выводы Сити, называя себя динозавром, пытающимся защитить одно из последних яиц когда-то великого итальянского языка [Siti, 2021, с. 147]. Отметим, что и Сити, подобно Пазолини и Дженне, поднимает тему генетической мутации итальянцев, а приставка *нео-* носит для него сугубо негативный оттенок: «Боюсь, что эта “неопедагогика” – всего лишь один из симптомов генетической мутации, в результате которой меняется само наше отношение со словами: в современном мире нет больше тишины, столь необходимой для рождения слова» [там же].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Неостандартный итальянский язык, активно вытесняющий литературный стандарт, в глазах современных писателей Италии является серьезной культурной проблемой. Если по мнению итальянских лингвистов можно говорить о демократизации языковой нормы, в художественных произведениях итальянских писателей обнаруживается тенденция к осуждению употребления конструкций и лексем неостандарта. Неостандарт в современной литературе представлен как неграмотная, обедненная речь, свойственная носителям таких идей, как консумизм, вещиизм, людям, для которых предел мечтаний – это попасть на экраны телевизоров.¹ Также неостандарт служит яркой характеристикой персонажей, не знакомых с культурой и историей родной страны и не желающих ее знать (неоитальянцев). Итальянские писатели ставят в своих произведениях такие проблемы, как замена традиционно возвышенных, богатых, изысканных литературных форм языка в пользу более разговорных, зачастую грамматически примитивных и лексически сниженных; предпочтение иноязычных заимствований и переводческих калек вместо лексем, свойственных возвышенной и поэтической речи; неграмотная письменная и устная речь большинства соотечественников; восприятие неграмотности как нормы и чувство стыда и неловкости, возникающего у человека, исправляющего ошибку; отказ самих авторов от использования изысканных стилистических приемов в пользу усредненного, однообразного, обедненного языка.

¹ Роль телевидения в обеднении итальянской культуры и рецепции данной проблемы в современной итальянской литературе следует посвятить отдельное исследование.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Жолудева Л. И. К вопросу о понятии *italiano neostandard* // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. № 2 (82). С. 499–506.
2. Асадова К. А. Эволюционные процессы в итальянском языке Интернета: лексика и словообразование // Филологические науки в МГИМО. 2022. № 1 (30). Т. 8. С. 8–18.
3. Berruto G. Sociolinguistica dell'Italiano contemporaneo. Roma: Carocci, 2006.
4. Жолудева Л. И. Итальянский литературный язык в свете теории языкового варьирования Э. Косериу // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: теория языка, семиотика, семантика. 2022. № 3. Т. 13. С. 784–799.
5. Cortelazzo M. Evoluzione della lingua, percezione del cambiamento, staticità della norma // Lingua scuola e società. I nuovi bisogni comunicativi nelle classi multiculturali / a cura di E. Pistolesi. Trieste: Ist. Gramsci, 2007. P. 47–55.
6. Sciretti B. Lingua italiana e dialetto a scuola // SPL comitato per la Salvaguardia dei Patrimoni Linguistici. URL: <https://patrimonilinguistici.it/dialetto-a-scuola/>
7. Berruto G., Cerruti M. Manuale di sociolinguistica. Milano: UTET Università, 2019.

8. Pasolini P. Lettere luterane. Milano: Garzanti, 2014.
9. Siti W. Contro l'impegno. Riflessioni sul Bene in letteratura. Roma: Rizzoli, 2021.

REFERENCES

1. Zholudeva, L. I. (2020). K voprosu o ponyatii italiano neostandard = On the issue of the concept of neostandard. Bulletin of Kemerovo State University, 2(82), 499–506. (In Russ.)
2. Asadova, K. A. (2022). Evolyucionnye processy v ital'yanskom yazyke Interneta: leksika i slovoobrazovanie = Evolutionary processes in the Italian language of the Internet: lexicon and word formation. Filological sciences at Moscow State Institute of International Relations, 1(30), 8, 8–18. (In Russ.)
3. Berruto, G. (2006). Sociolinguistica dell'Italiano contemporaneo. Roma: Carocci.
4. Zholudeva, L. I. (2022). Ital'yanskij literaturnyj yazyk v svete teorii yazykovogo var'irovaniya E. Koseriu = Italiano Neo-Standard in the Light of E. Coseriu's theory of language variations. Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series Theory of Language, Semiotics, Semantics, 3(13), 784–799.
5. Cortelazzo, M. (2007). Evoluzione della lingua, percezione del cambiamento, staticità della norma. Lingua scuola e società. I nuovi bisogni comunicativi nelle classi multiculturali (pp. 47–55). Trieste: Ist. Gramsci.
6. Sciretti, B. (s.a.). Lingua italiana e dialetto a scuola. SPL comitato per la Salvaguardia dei Patrimoni Linguistici. <https://patrimonilinguistici.it/dialetto-a-scuola/>
7. Berruto, G. Cerruti, M. (2019). Manuale di sociolinguistica. Milano: UTET Università.
8. Pasolini, P. P. (2014). Lettere luterane. Milano: Garzanti.
9. Siti, W. (2021). Contro l'impegno. Riflessioni sul Bene in letteratura. Roma: Rizzoli.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Быстрова Татьяна Александровна

кандидат филологических наук, доцент кафедры европейских языков
Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bystrova Tatiana Alexandrovna

PhD (Philology), Assistant Professor at the Linguistics Department
Russian State University for the Humanities

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	26.12.2022	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	21.01.2023	
	01.03.2023	

Семантические и морфологические особенности новейшей лексики (на материале финского языка)

А. М. Дементьева¹, В. М. Авцинов²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹aleksandra.dementieva@gmail.com, ²avtsinov2004@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются результаты семантического и морфологического анализа неологизмов 2010–2022 гг., проведенного на материале финского языка. Выделяется несколько тематических групп новых слов – «защита окружающей среды», «социальное устройство», «культурные явления», «пища» и др. Проанализированы особенности и этапы заимствования новой лексики. Также исследованы основные словообразовательные модели неологизмов. Результаты могут использоваться в сравнительной лексикологии.

Ключевые слова: лексикология, неологизм, заимствование, композит, словосложение

Для цитирования: Дементьева А. М., Авцинов В. М. Семантические и морфологические особенности новейшей лексики (на материале финского языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4 (872), С. 23–29. DOI 10.52070/2542-2197_2023_4_872_23

Original article

Semantic and Morphological Features of Neologisms (based on the material of the Finnish language)

Alexandra M. Dementieva¹, Vjatcheslav M. Avtsinov²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹aleksandra.dementieva@gmail.com, ²avtsinov2004@mail.ru

Abstract. The article presents the results of semantic and morphological analysis of neologisms, based on the material of the Finnish language for the period of 2010–2022. The thematic groups of new words are environmental protection, social structure, cultural phenomena, food and some others. The authors have also analyzed the features and stages of word loaning. In addition, the main derivational patterns of neologisms were studied. The results can be used in comparative lexicology.

Keywords: lexicology, neologism, loan word, composite, compounding

For citation: Dementieva, A. M., Avtsinov, V. M. (2023). Semantic and Morphological Features of Neologisms (based on the material of the Finnish language). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(872), 23–29. 10.52070/2542-2197_2023_4_872_23.

ВВЕДЕНИЕ

Неологизмы являются неотъемлемой частью естественного развития языка. Как отмечается, в развитых языках количество новых слов, зафиксированных в СМИ в течение одного года, составляет десятки тысяч. Это продиктовано как экстралингвистическим фактором – потребностью в наименовании и осмыслении новых явлений, так и внутриязыковым фактором, а именно, тенденцией к экономии речевых усилий, заполнению семантических и экспрессивных лакун в языке [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990].

Неологизмы рассматривались на материале различных языков. В настоящей статье мы рассматриваем семантические и морфологические особенности новых слов на материале финского языка. Сбором финских неологизмов занимается Центр языков Финляндии (фин. Kotimaisten kielten keskus) – государственный научный институт, исследующий языки страны, разрабатывающий языковые правила и рекомендации, выпускающий словари, лингвистические журналы. Каждой зимой Центр публикует на своем сайте доступную любому пользователю подборку слов, которые особенно активно употреблялись в финском языковом узусе в течение года. Большинство из них являются абсолютно новыми, однако иногда включаются и уже существующие в языке слова, ставшие по той или иной причине популярными или получившими новое значение.

Очевидно, что не все слова, перечисленные в этом списке и вслед за ним упомянутые в этой статье, закрепятся в словарном фонде финского языка. Некоторые быстро выйдут из употребления, другим суждена долгая жизнь. Помимо новизны, эти слова также характеризуются необычностью, малой известностью в обществе. Как отмечается, неологизмы свидетельствуют о коренных преобразованиях в социуме [Стариченок, 2008].

Анализ, представленный в статье, основывается на лексике из сводного списка, охватывающего период 2010–2021 годы¹. Также был рассмотрен список 2022 года, отдельно размещенный Институтом языков Финляндии. Всего было рассмотрено около тысячи слов и устойчивых словосочетаний.

Интерес данная лексика представляет по меньшей мере по трем причинам. Во-первых, ее анализ дополняет и подтверждает представление о неологизмах в общем языкознании и может использоваться в сопоставительных исследованиях. Во-вторых, тематика новых слов отражает те проблемы и явления, которые особенно волнуют общество

в настоящее время. В-третьих, происхождение и способы образования этой группы лексики указывают на особенности пополнения лексического состава литературного финского языка.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕОЛОГИЗМОВ

Нами было выделено несколько основных тем, к которым принадлежит большинство лексем. Первая – это социальное устройство. Судя по представленной лексике, финское общество продолжает придерживаться концепции «государства всеобщего благосостояния» (социального государства), а также стремится к большей инклюзии. Это подтверждают, например, такие лексические единицы, как *avoimuusrekisteri* (год появления слова 2019²), букв. 'реестр гласности', т. е. реестр, в который вносятся данные об организациях, поддерживающих связи с политиками и различными органами управления. Реестр призван препятствовать лоббизму как форме коррупции. Аналогичным примером является существительное *elinvoimajohtaja* (2017), которое обозначает должностное лицо, отвечающее за развитие и бизнес муниципалитета. Также можно назвать существительное *oppimateriaalilisä* (2019) – материальная помощь, которая выплачивается учащимся профессиональных училищ или лицеев из семей с низким доходом.

К этой тематике также можно отнести слова, связанные с общественными явлениями и кампаниями, отражающие ценности и особенности современного финского общества. Так, в словарный фонд прочно вошло понятие *kehopositiivisuus* (2017) – *бодипозитив*, являющееся калькой английского *body positivity* – движения, призывающего относиться к внешности людей менее предвзято. Другим примером выступает композит *someraivo* (2015), дословно *ярость в социальных сетях*, т. е. быстро распространяющиеся в социальных сетях агрессивные сообщения, адресованные какому-то частному лицу, политику или органам власти. Сюда же примыкает недавно возникший глагол *canceloida* (2021) – *отменить*, происходящий от английского *cancel culture* – *культура отмены*. Данное слово и стоящее за ним явление синонимично лексеме *boikotti* – *бойкот*, однако появление новой лексики для старого понятия свидетельствует о многом, в том числе о росте популярности данного явления. Отметим, что явление скорее трактуется как отрицательное, нежели как положительное. Так, о разрушительности этой формы выражения общественного мнения пишет лингвист И. Лахтинен в своей статье на официальном сайте Института языков

¹URL: https://www.kotus.fi/sanakirjat/kielitoimiston_sanakirja/uudet_sanat/vuoden_sanapoinnot/sanapoinninkooste_2010-2021

² Далее в скобках указывается год первого появления слова.

Финляндии, подчеркивая, что нередко за культурой отмены скрывается злословие и придиришки к выбору выражений того или иного частного лица, хотя изначальная, благородная цель «отмены» – указать на какую-то проблему и дать голос меньшинству¹.

В то время как *canceloida* и *kehopositiivisuus* являются очевидными заимствованиями, отражающими не столько финские, сколько мировые тенденции. Однако можно выделить чисто финские неологизмы, также указывающие на ценности современных жителей Финляндии. Первое, что обращает на себя внимание, – большое количество слов, связанных с природой и особенно с животными. Любовь к природе – это вообще одна из традиционных ценностей финнов. Но любовь и внимание именно к животным, как видится, нашли особенно яркое выражение за последние десять лет. Показательным примером является композит *eläinpoliisi* (2019), букв. 'полиция животных', т. е. отдел полиции г. Хельсинки, который предотвращает и расследует преступления против животных, а также информирует население об их правах. Кроме того, с 2013 года в Финляндии появилась новая должность – *eläinsuojeluasiamies*, т. е. *уполномоченный по защите животных*. Как видно по лексике, проблемам негуманного обращения с животными уделяется внимание вплоть до государственного уровня.

На бытовом уровне также существует немало новых слов по данной теме. Это такие лексемы, как *kissakahvila* (2014), букв. 'кошачье кафе', где живет несколько кошек, с которыми могут общаться посетители. Другим интересным примером является *lukukoira* (2011), букв. 'собака для чтения', т. е. специально обученная собака, которая сидит в библиотеке и слушает детей, которые вслух учатся читать.

Эта тематика перекликается с лексикой, связанной с экологической ситуацией в мире. Помимо большого количества слов, обозначающих собственно экологические проблемы и способы их решения, например, *biotiili* (2018) – *биокирпич*, за последние десять лет возникла также лексика, отражающая чувство озабоченности состоянием окружающей среды и другие негативные эмоции, связанные с этой темой, например *lentohäpeä* (2019), букв. 'стыд от полета', т. е. чувство стыда, которые испытывают люди, когда путешествуют на самолетах, загрязняющих окружающую среду, или *ilmastoahdistus* (2018), букв. 'тревога из-за климата', т. е. тревожность, возникающая из-за размышлений о проблемах экологии.

Интересно также то, что «погода» по-прежнему остается растущим лексико-семантическим

полем. Например, можно выделить несколько необычайно емких композитов с существительным *lumi* – *снег* в составе: *lumi-inferno* (2018), букв. 'снежный ад', т. е. сильный снегопад, вызывающий хаос в дорожном движении; *lumiosaaminen* (2010), букв. 'снежное умение', т. е. умения и техника, с помощью которых можно обеспечить нормальную работу аэропорта во время снегопада; *lumirulla* (2016), букв. 'снежный валик', т. е. сугроб в форме цилиндра, который возникает на открытом пространстве, когда ветер скатывает снег на жесткой поверхности. Интересным глаголом, пришедшим из диалектов, является *hiutaloida* (2021) – *падать медленными, крупными хлопьями (о снеге)* (от существительного *hiutale* – *снежинка*). Другими словами, входящими в лексико-семантическое поле «погода», являются *myrskyvuoksi* (2018), букв. 'поток в бурю', т. е. затопление во время урагана, возникающее из-за влияния низкого давления, ветра и ливней, *naparyörre* (2018), букв. 'полярный вихрь', т. е. холод, идущий с Северного полюса, *déjà-vu-myrsky* (2020) букв. 'буря дежавю', т. е. сильный циклон, ход движения которого в точности повторяет предыдущий и *sahasää* (2011), букв. 'погода-пила', т. е. быстро меняющаяся погода.

Темы экологии, климатических изменений и любви к животным слились в одном слове, отображающем сразу все перечисленные тенденции: это *apukinos* (2014), букв. 'вспомогательный сугроб', т. е. сугробы, которые сгребают все желающие на льду озера Саймаа, где водится сайменская нерпа, находящаяся на грани вымирания. Сугробы нужны этому животному для того, чтобы выводить потомство, однако в малоснежные зимы снега бывает недостаточно, и детеныши нерпы гибнут без защиты.

Неизменно растущим лексико-семантическим полем остается по очевидным причинам «пища». Здесь также можно увидеть актуальные темы последних лет, причем за двенадцать лет можно выделить сразу несколько тенденций. Во-первых, возросший интерес к кулинарии в целом, когда модные рецепты заимствуются из других культур: *kakutikkari* (2012) – *кейк-пон*, *mukikakku* (2014) – *кекс в чашке*. Во-вторых, это тема вегетарианства и веганства, и она является более сложной из-за своей культурной и этической составляющей. Внутри нее можно выделить ряд неологизмов, обозначающих растительную пищу, например, *porkkala* (2016) – *морковь*, приправленная по принципу лосося холодного копчения, или *vebab* (2017) – *вегетарианский кебаб*, или *kasviliha* (2019) – *растительное мясо*, или *vihis* (2016) – *веганский пирожок* (по аналогии с *lihis* – *мясной пирожок*). Однако интерес представляют также лексемы, подобные *valevegaani* (2019), букв. 'ложный веган' – человек, не являющийся веганом, но изображающий из себя такового. Данное слово

¹ URL: https://www.kotus.fi/nyt/kotus-blogi/satunnaisesti_kirjoittava_kotuslainen/cancel-kulttuurisa_somen_syovereissa.37403.blog

отображает ценности современного общества, где придерживаться растительной диеты настолько престижно, что находятся люди, которые пытаются притвориться, что занимаются этим. Другим подобным примером является композит *sipsikaljavegaani* (2016), букв. 'веган с чипсами и пивом', т. е. человек, который придерживается веганской диеты, однако питающийся бесполезными продуктами.

В-третьих, лексико-семантическое поле «пища» прирастает словами, обозначающими правильное и экологически чистое питание. Среди них выделяется *sirkkala* (2017), лексема, образованная с помощью суффикса места *-la* от слова *sirkka* – кузнецик. Этим существительным обозначается инкубатор для кузнециков, которые употребляются в пищу. Другими подобными лексемами являются *superruoka* (2010) – суперфуд, *hävikkiruokaravintola* (2016), т. е. ресторан, в котором готовят еду из продуктов, оставшихся непроданными в магазинах, *lautashävikki* (2019), т. е. еда, которую взяли, но не доели посетители ресторана со шведским столом.

Естественно, что за двенадцать исследуемых лет было совершено много научных открытий, разработано много научных инноваций. Ориентированность общества на науку приводит к тому, что в общепотребительный язык заимствуются новые термины из различных научных специальностей, например, *gravitaatioaalto* (2017) – гравитационная волна, *genomitieto* (2015) – геномная информация, *rautameteoriitti* (2017) – железно-никелевый метеорит¹.

Кроме того, цифровизация общества, ускорившая темп за последнее десятилетие, отразилась на лексическом составе языка. В частности, можно отметить композиты с компонентом *digi-*, например *digiturva* (2020) – цифровая безопасность. Скачок в цифровизации общества привел к возникновению такого понятия, как *digitaalinen eriarvoisuus* (2018), букв. 'цифровое неравенство', т. е. неравенство в возможностях пользоваться цифровыми услугами – например, пожилые люди и инвалиды по зрению испытывают в этой области больше трудностей, чем другие пользователи.

Наконец, пандемия коронавируса привела к появлению большого количества неологизмов. Можно предположить, что многие из этих слов выйдут из употребления после окончания пандемии, однако некоторые явления и их названия, спровоцированные пандемией, останутся, вероятно, в языке надолго. Выделим следующую интересную лексику: *kansanmaski* (2020) – букв. 'народная маска', т. е. дешевая маска, предназначенная для

общего пользования; *karanteenitaide* (2020) – букв. 'карантинное искусство', т. е. развлечение во время карантина, при котором люди воссоздают сюжеты известных картин с помощью вещей, найденных у себя дома; *kastebuumi* (2021) – букв. 'бум крещения', т. е. проведение большого количества крещений детей, которые откладывались во время локдауна; *läpäisyinfektio* (2021) – букв. 'проникающая инфекция', т. е. такая, которой человек заболел, несмотря на полученную от нее прививку; *biopaussi* (2021) – букв. 'биопауза', т. е. небольшой перерыв в онлайн-собрании; *etävirvonta* (2020) – букв. 'онлайн-колядки', т. е. виртуальный обход соседей и родственников ряжеными на Пасху; *hajuharjoittelu* (2022) – тренировка обоняния.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НЕОЛОГИЗМОВ

Как известно, наиболее традиционными способами пополнения лексического состава языка являются заимствования и словообразование с помощью аффиксов. Поэтому неологизмы с абсолютно новым корнем, образованным внутренними силами языка, наблюдаются редко. Среди анализируемых лексем нами не было найдено таких слов, при этом наблюдается большое количество разных видов заимствований, композитов, а также – в меньшей степени – суффиксальное словообразование.

Сначала рассмотрим заимствование существительных. Их можно разделить на несколько типов. Первый из них – это прямые заимствования. Некоторые из них еще не прошли фонетической адаптации: *bitcoin* (2013), *choker* (2016), *gasha* (2019), *fudge* (2012), *tradwife* (2020). Иногда к таким неадаптированным, чуждым для финской фонетики и орфографии, существительным добавляется поясняющее финское слово: *culottes-housut* (2015) – брюки-кюлоты, *cutout-mekko* (2021) – платье с необычным вырезом.

В то же время некоторые прямые заимствования начинают адаптироваться фонетически. Среди них можно также выделить несколько ступеней адаптации. Первичная – это приобретение гласного *i*, позволяющего склонять слово, например, *Eurobond* (2011) – еврооблигация – *eurobondi*. Следующая ступень – удвоение гласных, особенно в ударном слоге, или согласных: *drooni* (2016), *chatbot* (2017) – *chattibotti*. Это происходит стихийно. На этой же стадии адаптации находятся глаголы с показателем инфинитива *-ta*: *crossfitata* (2018) – заниматься кроссфитом, *supata* (2012) – кататься на сапборде, *videoblogata* (2013) – снимать видеоблог. Они приобрели морфологические признаки финского глагола, однако еще не до конца прошли фонетическую адаптацию.

¹ Слово давно известно в русском языке, однако в финском оно вошло в обиход только в 2017 г., когда первый на территории Финляндии железно-никелевый астероид обнаружили в городе Лиекса.

Далее, если слово становится употребительным, в процесс заимствования, как правило, вступает Институт языков Финляндии и предлагает кальку. Калька – второй тип заимствования, распространенный еще более, чем прямой. Так, свои переводные аналоги получили следующие прямые заимствования:

hashtag (2012) – aihetunniste – хештэг
funikulaari (2019) – kiskohissi – фуникулер

Случается, что переводное заимствование приходит в язык, явно минуя органы языкового регулирования, например,

pink tax – pinkkivero (2019)
doomscrolling – tuomioselailu (2020)
skunk hair – haisunääätätukka (2021)

Очевидно, что большинство калек заимствуется из английского, однако в исследуемом материале было обнаружено три слова, достоверно заимствованных из других языков:

haamuasema (2017) – станция-призрак, заброшенная станция (< нем. Geisterbahnhof)
ilmastoahdistus (2018) – тревога из-за климатических проблем (< швед. klimatångest)
kuolinsiivous (2017) – разбор своих старых вещей в конце жизни (< швед. döstdning)

При калькировании существует также промежуточное состояние, на котором может «застрять» слово, а именно полукалька – разновидность кальки, когда переводится только часть слова [ЛЭС]. Наглядным примером может послужить *designpääkaupunki* (2011) *столица дизайна*.

Помимо калек композитов, приходят новые устойчивые словосочетания и фразеологизмы, которые являются тоже переводными. Можно выделить такие примеры, как:

iso kuva (2013) – общая картина ситуации (< англ. big picture)
kulttuurinen omiminen (2016) – культурное присвоение (< англ. cultural appropriation)
planetaarinen ruokavalio (2019) – планетарная диета (< англ. planetary health diet)

Третий тип заимствования существительных является комбинированным: заимствуется корень слова, к которому добавляется один из финских суффиксов отглагольных существительных. Таким образом, данная лексика проходит морфофонетическую адаптацию, хотя не всегда и не полную. В качестве иллюстративного материала

рассмотрим существительное *gluttaus* (2013) – *соблюдение безглютеновой диеты*. Оно образовано посредством присоединения суффикса *-Us* к некоей корневой морфеме, напоминающей основу глагола на *-tA* (**glutata*). Однако такого глагола в финском языке не зафиксировано. Из этого следует, что подобные существительные могут возникать в современном финском языке, не имея производящего слова. То же самое касается существительных с другими суффиксами, которые отвечают признакам отглагольных при отсутствии в языке самого глагола. Например, существительное *merenneitoilu* (2017) – *мермейдинг* образовано с помощью суффикса отглагольного существительного *-ilu*, однако производящий глагол отсутствует. Приведем еще несколько аналогичных примеров:

ploggailu (2018) – бег трусцой, во время которого бегущий останавливается, чтобы поднять и выбросить мусор с обочины
downshiftaus (2011) – дауншифтинг¹
flippaus (2018) – перевернутое обучение

Теперь обратимся к словам, не заимствованным из других языков. Среди именных частей речи можно выделить несколько словообразовательных моделей. Первая из них – это, несомненно, основосложение, важнейший способ образования новых слов в финском языке. Поскольку композиты подробно разбирались ранее, приведем только несколько примеров:

helleuupumus (2021) < *helle* + *uupumus* (*жара* + *утомление*) – вялость, вызванная жарой и палящим солнцем
homepakolainen (2013) < *home* + *pakolainen* (*беглец* + *плесень*) – человек, вынужденный переехать из-за плесени, которой был заражено его прежнее жилище
matkailuporo (2017) < *matkailu* + *poro* (*туризм* + *северный олень*) – северный олень, обученный для катания на санях туристов

Как видно из примеров, семантика сложных слов является исключительно емкой, описывая комплексные понятия.

Второй способ словообразования – это суффиксальный. По сравнению с композитами он менее распространенный. Можно выделить уже упомянутый суффикс отглагольных существительных *-ilu*: *paljasjalkailu* (2012) – *хождение босиком*, *hulailu* (2013) – *кручение обруча*, а также суффикс

¹ Современная жизненная философия отказа от постоянного увеличения дохода, построения карьеры, гонки за дорогими и брендовыми покупками.

-jA, обозначающий лицо: *aulatervehtijä* (2020), т. е. сотрудник поликлиники, встречающий пациентов на входе, и направляющий в нужное отделение.

В проанализированном материале также встретились четыре существительных, образованных способом усечения. Это *moti* (2017), усеченное от *motivaatio* – мотивация; *ramu* (2017) от *ragemutsi* – сильно рассердившаяся мать; *some* (2011) от *sosiaalinen media* – социальные сети; *mauto* (2011) от *mopauto* – квадрицикл.

Рассмотрим образование новых глаголов. Остается продуктивным каузативный суффикс *-(U)ttA-*, присоединяющийся к именной части речи:

somettaa (2011) – пользоваться социальными сетями
halpuuttaa (2015) – удешевить
niityttää (2021) – засеять территорию луговыми растениями

Глаголы с показателем инфинитива *-tA* являются, как правило, заимствованиями. Также можно встретить несколько глаголов с показателем инфинитива *-dA*, скорее всего, финского происхождения:

bulevardisoida (2015) – озеленить автомагистраль
vatuloida (2015) – чрезмерно задумываться о чем-то
mentalisoida (2012) – уметь отличать свои чувства от эмоций других людей

В целом количество неологизмов-глаголов встречается в рассматриваемом материале на порядок меньше, чем существительных.

Наконец, слов других частей речи практически не встретилось в рассматриваемом материале. Так, нами было обнаружено всего три прилагательных: *delfiiniystävällinen* (2014), букв. 'дружелюбный к дельфинам', т. е. не приносящий вреда дельфинам; *etuisa* (2015) *выгодный* и *etuinen* с тем же значением.

Для сравнения – в русском языке для исследования одних только прилагательных-неологизмов с заимствованными элементами был рассмотрен материал объемом в 200 лексических единиц [Козловская, Павлова, 2020]. На наш взгляд, такое малое количество прилагательных в финском языке обусловлено тем, что первый компонент в многочисленных финских композитах принимает на себя описательную функцию, свойственную прилагательному.

УПОТРЕБЛЕНИЕ И СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ОКРАСКА НЕОЛОГИЗМОВ

Проанализированные слова отличаются друг от друга не только семантикой, но и стилистической окраской. В их употреблении наблюдается типичная для многих языков закономерность: чем

меньше адаптировано с точки зрения морфологии и фонетики слово, тем ниже у него регистр. Например, все глаголы-заимствования с показателем *-tA* имеют в списке помету *ark.*, т. е. относятся к разговорному стилю. В письменном языке они встречаются в первую очередь в текстах, опубликованных в социальных сетях. Также слова, образованные с помощью усечения, имеют сниженный регистр.

Еще одним важным источником неологизмов являются СМИ. Как правило, лексика, впервые употребленная в текстах публицистического стиля, отличается выразительностью и образностью. Интересно, что именно благодаря СМИ в литературный язык иногда попадает диалектная лексика. Так произошло, например, со словом *myteri* – буран, которое употребляется в диалектах хяме и в декабре 2022 года попало в заголовок статьи крупной вечерней газеты «*Ilta-lehti*», а оттуда распространилось по другим текстам.

В свою очередь, наиболее стилистически нейтральной является лексика, которую вводят на государственном уровне для обозначения новых понятий, такая как *muutosneuvottelut* (2022), т. е. переговоры с работодателем об условиях работы при возникновении непредвиденных изменений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проанализированная лексика позволяет дополнить исследование неологизмов в языках мира материалом финского языка. Во-первых, распространяются полуаффиксы, такие как *digi-* и *bio-*. Приставочное словообразование развито в финском слабо, поэтому упомянутые ранее приставки занимают промежуточное место между префиксами и первыми компонентами композитов.

Лавинообразное заимствование новых понятий приводит к увеличению прямых заимствований, чуждых фомоморфологическим принципам финского языка. Особенно много прямых заимствований приходится на буквы и звуки, редко употребляемые в финском языке, например *C, D, B, W*. Вместе с тем многие прямые заимствования 2010–2014 годов уже заменились кальками, например, *joukkorahoitus* вытеснило *crowdfunding*, *joukkoäly* вытеснило *collective intelligence*.

Что касается частей речи, к которым относятся неологизмы, абсолютное большинство составляют существительные. Это неудивительно: в основном заимствуются названия новых явлений и понятий. Остальные части речи, таким образом, остаются более консервативными, и их состав пополняется медленно.

Важно отметить, что композиты по-прежнему удерживают первую позицию среди

словообразовательных способов финского языка. Потенциал финского языка к образованию такой лексики действительно неограничен.

Эти тенденции можно сопоставить с особенностями новой лексики шведского языка, который оказал существенное влияние на становление финской лексической системы и находится сейчас в сходных с финским культурных и географических условиях. Особенности шведских неологизмов подробно рассмотрены в статье Е. Л. Жильцовой «Новые тенденции развития лексики современного шведского языка» [Жильцова, 2019]. По данным исследования, композиты по-прежнему занимают первое место среди словообразовательных способов шведского

языка – как и в финском. Вместе с тем новые прилагательные и глаголы появляются в большем количестве по сравнению с финским; прилагательные благодаря развитому префиксальному словообразованию, а глаголы с помощью суффикса *-a*, обладающего высокой продуктивностью. Последнее, вероятно, может стимулироваться конверсией, повсеместной в английском языке. В этом отношении финский язык имеет некий «фильтр» в своей фономорфологической и стилистической системе, не позволяющий с такой же легкостью образовывать новую лексику, за исключением композитов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990.
2. Стариченко В. Д. Большой лингвистический словарь. Ростов-на-Дону: Феникс, 2008.
3. Козловская Н. В., Павлова А. С. Неологизмы-прилагательные с иноязычными основами в современном русском языке // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. № 6 (99). С. 117–129.
4. Жильцова Е. Л. Новые тенденции развития лексики современного шведского языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 1 (817). С. 163–174.

REFERENCES

1. Jarceva, V. N. et al. (1990). Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' = Linguistic encyclopedic dictionary. Moscow: Sovetskaya enciclopedia. (In Russ.)
2. Starichenok, V. D. (2008). Bolshoi lingvisticheski slovar' = The big linguistic dictionary. (In Russ.)
3. Kozlovskaya, N. V., Pavlova, A. S. (2020). Neologizmi-prilagatelniye s inoyazichnimi osnovami v sovremennom russkom yazike = Adjective neologisms derived from loan-word stems in the modern Russian language. Bulletin of the Cherepovets State University, 6(99), 117–129. (In Russ.)
4. Zhiltsova, E. L. (2019). Novyi tendentsii razvitiya leksiki sovremennogo shvedskogo yazika = New Trends of Vocabulary Development in Modern Swedish. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(817), 163–174. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дементьева Александра Максимовна

кандидат филологических наук, заведующая кафедрой скандинавских, нидерландского и финского языков переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

Авцинов Вячеслав Михайлович

старший преподаватель кафедры скандинавских, нидерландского и финского языков переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexandra M. Dementieva

PhD (Philology), Head of the Department of Scandinavian, Dutch and Finnish Languages, Moscow State Linguistic University

Vjatcheslav Avtsinov

Senior Lecturer at the Department of Scandinavian, Dutch and Finnish Languages, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

28.12.2022
31.01.2023
01.03.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 811.161
DOI 10.52070/2542-2197_2023_4_872_30

Истоки русского просторечия

С. С. Егорова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия, egorova3058@gmail.com

Аннотация. В статье исследуются истоки русского просторечия. Данные проанализированных материалов и контекстов из Национального корпуса показали, что понятие «в просторечии» впервые было зафиксировано в XVII в.; под ним понимался «природный» язык, свободный от приемов западноевропейских риторик и греческого витийства. В первой половине XVIII века семантика просторечия расширяется: это не только отказ от средств красноречия, но также обыденная русская народная речь. Однако системное применение термин найдет позже – в работах М. В. Ломоносова, а в Словаре Академии Российской будет использован как стилистический маркер.

Ключевые слова: просторечие, стилистика XVIII век, народная речь, разговорная речь, сниженная лексика, Житие протопопа Аввакума, М. В. Ломоносов

Для цитирования: Егорова С. С. Истоки русского просторечия // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4 (872). С. 30–34. DOI 10.52070/2542-2197_2023_4_872_30

Original article

The Origins of Russian Vernacular

Svetlana S. Egorova

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
egorova3058@gmail.com*

Abstract. The article is devoted to the problem of studying the origins of Russian vernacular. Data of analyzed materials and context from Russian national corpus shows that the concept of “in vernacular” was first recorded in the 17th century, it is understood as a “natural” language, free from the techniques of Western European rhetoric and Greek ornate. In first half of 18th century it is observed about the expansion of the semantics of vernacular: this is not only a rejection of the means of eloquence, but also ordinary Russian folk speech. However, the systematic use of the term will come later – in Lomonosov’s works, and it will be used as a stylistic mark in the Dictionary of the Russian Academy.

Keywords: vernacular words, stylistics of 18th century, folk speech, colloquial speech, reduced vocabulary, The life of Archpriest Avvakum, Lomonosov

For citation: Egorova, S. S. (2023). The origins of Russian vernacular. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(872), 30–34. 10.52070/2542-2197_2023_4_872_30

ВВЕДЕНИЕ

Термин «просторечие» входит в регулярное языковое употребление с середины XVIII века. В теоретических трудах М. В. Ломоносова, в частности в «Российской грамматике» он встречается не менее 10 раз [Ломоносов, 1799].

– *Три, трехъ; везу, везешь; огонь, огнемъ* выговаривают в **просторечии** *тріохъ, везіюшь, огніомъ* (М. В. Ломоносов. *Российская грамматика*. 1755).

– В **просторечии** *ь* больше, нежели в письме, изображается промеж другими буквами: *твердить* пишем, а выговариваем *твердьить* (М. В. Ломоносов. *Российская грамматика*. 1755).

– Ее в **просторечии**, *ея* в штиле употреблять пристойнее (М. В. Ломоносов. *Российская грамматика*. 1755).

– «...буквы *е* и *ѣ* в **просторечии** едва имеют чувствительную разность, которую в чтении весьма явственно слух разделяет и требует... в *е* дебелисти, в *ѣ* тонкости» (М. В. Ломоносов. *Российская грамматика*. 1755).

Под «в просторечии» Ломоносов подразумевает устную русскую речь в противопоставлении церковно-славянскому языку как официально-письменному. Во второй половине XVIII столетия активность использования термина повышается, а его легитимация произойдет в рамках Словаря Академии Российской (1789–1794) – здесь оно обретет относительно устойчивую семантику и функциональную роль. Известно значительное количество работ, посвященных детальному изучению просторечия второй половины XVIII века и более поздних периодов, однако до сегодняшнего дня отсутствуют исчерпывающие исследования относительно времени зарождения термина «просторечие», его авторства и сущности на каждом из этапов. В рамках статьи предпринята попытка обнаружить истоки просторечия, установить его первоначальное семантическое значение и границы. Для этого были изучены работы крупнейших филологов, занимавшихся вопросами исторического языкознания и стилистики, проанализированы письменные источники XVII–XVIII веков и контексты, представленные в Национальном корпусе русского языка.

ПРОСТОРЕЧИЕ ДО XVII ВЕКА

В источниках до XVII века термин не зафиксирован, однако представлена близкая по звучанию и семантике лексема *просторек*. Она употреблена в Повести временных лет по Ипатьевскому списку (1110-е), позже в Новгородской пятой летописи (1550) и Никоновской летописи (1526–1530):

– бѣ же се мужъ не книженъ. но оумомъ простъ и **просторѣкъ** (Ипатьевская летопись).

– ... бѣ же сей мужъ не книженъ, и умомъ простъ и **просторѣкъ** (Никоновская летопись).

Этот пример приведен в «Материалах для Словаря древнерусского языка» при лексеме «**просторѣкъи**», которая трактуется как «говорящий без искусства, некрасноречивый» [Срезневский, 1902, т. 2, ст. 1577].

В других текстах до XVII столетия, из близких к «просторечию» слов, словоформ и словосочетаний можно отметить лишь «простоглаголаніе» и «написать просто» с аналогичным смыслом «простая, неукрашенная, незамысловатая, незатейливая речь»:

Не зазрите худоумію моему, еже написахъ се не хитро, но **просто**, о мѣстѣхъ сихъ святыхъ (Хождение игумена Даниила. 1496).

– Любомудръствуєть же дружба извѣщатися, аще ли яко сѣновъ мечтание, аще яко вѣтровъ дыханіе **простоглаголаніе**, яко червлено яйцо на руцѣ дръжа (Пословицы о согл. XVI век).

Лаврентий Зизаний использует в названии своего словаря сочетание «простой русский диалект»: «Лексис. Сиречь речения, вкратце собранные. И из словенского языка на **простой русский диалект** истолкованы» (1596). Однако он говорит о парадигме иного рода – здесь противопоставлены простой русский язык (т. е. язык устного общения) и церковнославянский (язык официальной книжности). Данная семантика четко прослеживается в материалах самого словаря: автор приводит пары слов, первое из которых на «словенском», второе – на «простом русском диалекте» («агнецъ, баранокъ», «блгодѣ(л)ство, добродѣйство», «бѣлезнь, бѣлѣ(с)тъ», «вѣжду, вѣжу», «дѣ бѣде(т), нехѣй бы тѣкъ бѣло» и пр.) [Зизаний, 2003].

ПРОСТОРЕЧИЕ В XVII ВЕКЕ

В текстах XVII века впервые документально фиксируется лексема «просторечие», но примеры ее употребления представлены единично. Семантика слова в этот период – безыскусная речь; речь, противопоставленная красноречию, свободная от влияния западноевропейских риторик и греческого витийства. «Токмо малое начертаніе ово от книжного разумения, а ино от **просторечія**», – говорится в письме Семена Васильева Башмака (1650) [цит. по: Гальченко, 2006, с. 343]. Башмак, позже постриженный в монахи с именем Савватий, известен как борец за права и красоту родного языка; в челобитных, адресованных царю, он критиковал

справщиков книг и других лиц за преклонение перед иноязычными веяниями: «словенским языком... гнушаются... На греческий тесной язык воспеваются, а своей охуждают» («Челобитная инок Савватия Государю Алексею Михайловичу на книжных справщиков») [там же, с. 320].

Наиболее полноценно это значение и функционал просторечия раскрываются в Житии протопопа Аввакума... (1672–1673). Аввакум подчеркивает, что написал труд «просторечием ... природным русским языком», несмотря на жесткие рамки агиографического жанра и традиции официальной книжности: «Вы, господа ради, чтущие и слышащие не позазрите, **просторечию** нашему, понеже люблю свой русской природной язык, виршами философскими не обык речи красить... того ради я и не бегу о красноречии, и не унижаю своего языка русского...» [Житие протопопа Аввакума, 1912, с. 163]. Просторечие Аввакума – это живой, конкретный и доступный для восприятия язык того времени. И противопоставляет его Аввакум, с одной стороны, «языку латино-польской книжности», с другой – «еллино-славянским стилям» (т. е. «напыщенным» стилям, насыщенным архаическими формами, гречизмами и «византийским витийством») [Виноградов, 1982, с. 42–43].

Вместе с тем аввакумовское просторечие представляется как явление, выходящее за рамки сугубо отказа от использования приемов ораторского искусства и синтаксического витийства. Наряду с этим оно включает в себя лексику русского разговорного языка, часто сниженную, даже грубую и бранную: «с судна спихнуть», «сам свалился», «на брюхе лежал», «дурачки» и др. В. В. Виноградов указывает на близость текста к «фамильярной, бытовой сфере народной устной речи» [там же, с. 43].

Таким образом, в XVII столетии лексема «просторечие» в тех редких ситуациях, в которых применяется, обозначает: 1) отказ от средств красноречия, 2) элементы русской устной речи народных масс и стилистическую их функцию в письменном тексте.

ПРОСТОРЕЧИЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

В первой половине XVIII века, как и в XVII столетии, термин «просторечие» употребляется в исключительных ситуациях. Его семантика аналогична той, которую он имел ранее – противопоставленность языку официальной книжности и инокультурному влиянию, что может выражаться, с одной стороны, в отсутствии признаков красноречия, с другой – во включении ряда элементов русской речи (книжная речь = речь на церковнославянском языке; устная, некнижная речь = великорусское разговорное

наречие). Вывод о семантике просторечия этого периода следует из примеров его употребления в трудах Ф. Прокоповича и В. Н. Татищева.

Ф. Прокопович использовал понятие «просторечие» для характеристики языка и стиля своего «Первого учения отрокам...» (1722), которое намеревался изложить доступным для понимания широких масс языком:

...настала нужда общая сочинить книжицу с толкованием десятизакония законного, от Бога преданного. Но и сие не много еще пользовало, ибо в России были таковыя книжицы, но понеже высоким славенским диалектом, и не **просторечием** написаны... [Прокопович, 1753, с. 20].

Петр I отмечал доступность изложения «Учения...» и рекомендовал его «при обучении не только духовных, но и мирян», а также к прочтению в период поста [Пекарский, т. 1, с. 181]. Здесь просторечие противопоставлено церковнославянскому языку строгой нормы (в терминологии В. М. Живова) как традиционному языку официальной книжности, языку «украшенному», с громоздкими синтаксическими конструкциями и сложной морфологией. Но нельзя утверждать, что просторечие в данном случае – это великорусский диалект, обыденная устная речь в письменной форме или что это приказной язык. В просторечии Прокоповича много архаических грамматических форм, а также церковно-книжной лексики. Просторечие в «Учении...» выступает как отступление от жестких традиционных норм религиозных текстов, написанных на строгом церковнославянском языке, как «неукрашенная речь».

И. П. Житецкий обращает внимание на практически равноправное сосуществование в тексте Прокоповича русских и церковнославянских фонетических форм (*младой* и *молодой*), морфологических вариантов окончаний и суффиксов (*искать* и *любити*) и т. д. Основываясь на этом, он характеризует язык работы Прокоповича не как «простонародный», а как «смешанную речь, только с меньшим количеством славянизмов», без которых он не мог обойтись «в изъяснении основных истин православной веры». Житецкий настаивает, что подобное «смешение» (или «просторечие») – это «стилистический прием преднамеренного и непреднамеренного смешения славянских элементов речи, большей частью обруселых, с чисто русскими» [Житецкий, 1902, с. 23]. Н. И. Толстой называет язык произведения Прокоповича «упрощенным вариантом русского церковнославянского языка» [Толстой, 2002, с. 83].

В аналогичном вышеупомянутому примеру просторечия у Прокоповича семантическом значении

употреблено наречие *просторечно* в работах Г. Бужинского 1723 г.: «...Сие написано **просторечно**, дабы самое скудоумнейшее лицо могло вразуметь» [Бужинский, 1765].

Лексема *просторечие* у В. Н. Татищева отражает разные аспекты значения: с одной стороны, обнаруживает четкую семантику противопоставленности красноречию и заимствованиям: «Чтоб закон внятен и всем подзаконным вразумителен был. Для сего нужно законы таким речением писать, которым большая часть общенародия говорит, и суще самим **просторечием**, без витийства и красноречия... наипаче чтоб никаких иноязычных слов не было» [Татищев, 1979, с. 124–125].

С другой стороны, в письме Шумахеру Татищев употребляет термин «просторечие» в ином значении – это сугубо устная русская народная речь (вне ее соотнесенности с приемами ораторского искусства и «стилем плетения словес»): «...жито точно разумеется все семена – рожь, овес, пшеница, ячмень, полба и прочее, хлеб токмо печеной, а **по просторечию** разумеют под именем жита ячмень, под именем хлеба жатву и пр.»¹ [Татищев, 1990, с. 336]

Тем не менее в первой половине XVIII века как термин «просторечие» еще не был четко сформирован и оформлен. Об этом говорит отсутствие его употребления в художественных произведениях, научных трудах, лексикографических работах. Слово не представлено в «Немецко-латинском и русском лексиконе» Вейсмана и иных словарях; оно не использовалось В. К. Тредиаковским в работах по филологии и художественных произведениях (в предисловии к переводу «Езды в остров любви» он говорит о «простом русском слове, то есть каковым мы меж собою говорим»), Ф. П. Поликарповым (при переводе «Географии генеральной» Б. Варения он

пишет «гражданским посредственным наречием»), Петром I (он употребляет сочетание «наш штиль»: перевести на «славенский язык нашим штилем»), А. И. Мусиным-Пушкиным (он рекомендует Поликарпову употребить слова «посольского приказу», переводить «простым русским языком») и др.

Выводы

Детально изучив материалы письменных источников XVII–XVIII веков, проанализировав контексты, представленные в Национальном корпусе русского языка, мы пришли к следующим выводам.

- до XVII века могут быть отмечены лишь фонетически и семантически близкие к «просторечию» слова, словоформы и словосочетания; но это своего рода почва для зарождения термина.
- «просторечие» начинает фиксироваться в письменных источниках середины XVII столетия, однако лишь в единичных случаях.
- в первой половине XVIII века слово употребляется немногим чаще, чем в XVII, и имеет значения: отказ от средств красноречия и разговорная русская речь.
- с середины XVIII столетия первое из приведенных значений более не встречается. Однако во втором значении лексема «просторечие» на регулярной основе используется М. В. Ломоносовым в его филологических трудах. Просторечие у него – русский устный дискурс в противопоставлении церковнославянскому языку как языку официальной письменной традиции.
- во второй половине XVIII века формируется стилистический смысл термина «просторечие» и определяется его функция в письменном тексте, легитимация термина происходит в рамках Словаря Академии Российской (1789–1794).

¹ Орфография сохранена (1748).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ломоносов М. В. Российская грамматика. В Санкт-Петербурге, при Императорской Академии Наук, 1799.
2. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. С-Пб.: типография Императорской Академии наук, 1893–1902. Т. 2, 1902.
3. Зизаний Лаврентий. Лексис. Сиречь речения, вкратце собранные. И из словенского языка на простой русский диалект истолкованы // Изборник, 2003. URL: <http://litopys.org.ua/zyzlex/zyz99.htm>
4. Гальченко М. Г. Челобитная инока Савватия Государю Алексею Михайловичу на книжных справщиков. Текстологические замечания // Лингвистическое источниковедение и история русского языка (2004–2005). М., 2006. С. 295–369.
5. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное // Памятники первых лет русского старообрядчества. С-Пб.: типография М. А. Александрова, 1912.
6. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка. М.: Высшая школа, 1982.
7. Прокопович Ф. Первое учение отроком, в нем же слоги и буквы. Предисловие к благочестивым родителям, воспитателям, приставникам, господам и всем прочим, имя отеческое над малыми отроками носящим. Киев: тип. Киево-Печерской лавры, 1753.
8. Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом: в 2 т. С-Пб.: издание товарищества Общественная польза, 1862. Т. 1.

9. Житецкий П. И. К истории литературной речи в XVIII веке. Киев, 1902.
10. Толстой Н. И. Церковнославянский и русский: их соотношение и симбиоз // Вопросы языкознания. Из истории науки. 2002. № 1. С. 81–90.
11. Бужинский Г. Последование о исповедании. С-Пб.: при светейшем Синоде, 1765. URL: <https://kp.rusneb.ru/item/reader/posledovanie-o-ispovedanii>
12. Татищев В. Н. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах. Избранные произведения. Л.: Наука, 1979. С. 118–125.
13. Татищев В. Н. Письмо И. Д. Шумахеру. Научное наследство. М.: Наука, 1990. Т. 14. Записки. Письма 1717–1750 гг.

REFERENCES

1. Lomonosov, M. V. (1799). Rossiyskaya grammatika. St Peterburg: pri Imperatorskoy Akademii nauk. (In Russ.)
2. Sreznevskiy, I. I. (1902). Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka = Materials for the dictionary of the Old Russian language (vol. 2): in 3 vols. St Peterburg: tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk. (In Russ.)
3. Zizaniy, Lavrentiy (2003). Lexis. Sirech recheniya, vkratse sobrannye. I iz slovenskogo yazyka ns prostoy russkiy dialect istolkovany. In Izbornik. <http://litopys.org.ua/zyzlex/zyz99.htm> (In Russ.)
4. Galchenko, M. G. (2006). Chelobitnaya inoka Savvatiya gosudaru Alexeyu Mikhaylovichu na knizhnyh spravschnikiv. Textologicheskie zamechaniya = The petition of the monk Savvatiya to the Sovereign Alexey Mikhailovich for book helpers. Textual remarks. In Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo yazyka (2004–2005) (pp. 295–369). (In Russ.)
5. Zhitie protopopa Avvakuma, im samim napisannoe = The biography of Archpriest Avvakum written by him (1912). In Pamyatniki pervykh let russkogo staroobryadchestva. St.Petersburg: tipografiya Alexandrova. (In Russ.)
6. Vinogradov, V. V. (1982). Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka = Essays on the history of the Russian literary language. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)
7. Prokopovich, F. (1753). Pervoe uchenie otrokam, v nem zhe slogi i bukvy. Predislovie = The first teaching for boys, it also contains syllables and letters. Preface. Kyiv: tipografiya Kievo-Pecherskoy lavry. (In Russ.)
8. Pekarskiy, P. P. (1862) Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom = Science and literature in Russia under Peter the Great (vol. 1): in 2 vols. St.Petersburg: izdanie tovarischestva Obschestvennaya polza. (In Russ.)
9. Zhitetskiy, P. I. (1902). K istorii literaturnoy rechi v XVIII veke = To the history of literary speech in the XVIII century. Kyiv. (In Russ.)
10. Tolstoy, N. I. (2002). Tserkovnoslavyanskiy i russkiy: ih sootnoshenie i simbioz = Church Slavonic and Russian: their correlation and symbiosis. In Voprosy jazykoznanija, 1, 81–90. (In Russ.)
11. Buzhinskiy, G. (1765). Posledovanie o ispovedanii = The following about confession. St.Petersburg: pri sveteysheym Sinode. <https://kp.rusneb.ru/item/reader/posledovanie-o-ispovedanii>. (In Russ.)
12. Tatishchev, V. N. (1979). Razgovor dvukh priyateley o polze nauki i uchilishchakh = A conversation between two friends about the benefits of science and colleges. Izbrannye proizvedeniya (pp. 118–125). Leningrad: Nauka.
13. Tatishchev, V. N. (1990). Pismo I. D. Shumakheru = Letter to I. D. Shumakheru. Nauchnoe nasledstvo (vol.14. Zapiski. Pisma 1717–1750). Moscow: Nauka. (In Russ.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Егорова Светлана Сергеевна:

соискатель ученой степени кандидата филологических наук кафедры русского языка филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Egorova Svetlana Sergeevna

External PhD student at the Department of the Russian language
Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

29.12.2022
23.01.2023
01.03.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Новейшая шведская лексика: тематические группы, происхождение, особенности словообразования

Е. Л. Жильцова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

el-zhilc@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются новые слова, зафиксированные в шведском языке в 2021 г., с точки зрения их происхождения, особенностей словообразования и семантики. В результате исследования, выполненного методом синхронного лингвистического описания, было выделено несколько тематических групп новейшей лексики, проанализированы неологизмы-заимствования и неологизмы, образованные от шведских основ путем основосложения, стяжения и аффиксации. Материалом для анализа послужил список новых слов, опубликованный в 2022 г. в журнале «Språktidningen».

Ключевые слова: шведский язык, новейшая лексика, тематическая группа, семантика, заимствование, калька, основосложение, стяжение, аффиксация

Для цитирования: Жильцова Е. Л. Новейшая шведская лексика: тематические группы, происхождение, особенности словообразования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4 (872). С. 35–41. DOI 10.52070/2542-2197_2023_4_872_35

Original article

The Newest Swedish Vocabulary: Theme Groups, Origin, Word-Formation Features

Elena L. Zhiltsova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

el-zhilc@yandex.ru

Abstract. The article reviews new words, recorded in the Swedish language in 2021, from the perspective of their origin, word-formation peculiarities and semantics. As a result of the research, conducted with the method of synchronic linguistic description, several theme groups of the newest vocabulary were identified, loanword neologisms and neologisms formed from Swedish words via compounding, contraction and affixation were studied. The list of new words, published in the *Språktidningen* magazine in 2022, was used as the material for the analysis.

Keywords: the Swedish language, the newest vocabulary, theme group, semantics, loanwords, calque, compounding, contraction, affixation

For citation: Zhiltsova, E. L. (2023). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(872), 35–41. 10.52070/2542-2197_2023_4_872_35

ВВЕДЕНИЕ

Одной из особенностей лексики как части языка является ее изменчивость и открытость [Маслова-Лашанская, 2011]. Словарный состав любого языка постоянно пополняется и обновляется, обогащаясь новыми лексическими единицами.

Современный шведский язык не является исключением. В нем ежегодно появляется довольно большое количество новых слов, некоторые из них становятся употребительными как в устной, так и в письменной речи, главным образом, в материалах прессы или в Интернете. Списки таких слов публикуются на сайте Шведского языкового совета¹, а наиболее частотные из них – в лингвистическом журнале «Språktidningen». В первом номере этого журнала за 2022 год был напечатан состоящий из 36 лексических единиц список самых употребительных новых слов, зафиксированных в шведском языке в 2021 г. [Nyordslistan, 2022].

Исследование неологизмов 2021 года, послуживших материалом для настоящей статьи, представляется весьма актуальным, так как позволяет выявить наиболее характерные черты новой шведской лексики и тенденции развития словарного состава шведского языка. В задачи работы входит определение специфических особенностей семантики, тематической принадлежности и словообразовательных моделей новых слов шведского языка, а также классификация неологизмов по их происхождению. В ходе анализа была использована научная литература по шведской лексикологии и словообразованию, в частности, работы таких исследователей, как В. П. Берков, С. С. Маслова-Лашанская, С.-Ё. Мальмгрен.

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ
НОВЕЙШЕЙ ЛЕКСИКИ

Как известно, на формирование новой лексики существенное влияние оказывают экстралингвистические факторы, поскольку неологизмы появляются в языке, главным образом, для обозначения новых объектов, явлений и понятий, которые ранее не существовали в обществе и нуждаются в наименовании [Берков, 1994]. Такие объекты и явления возникают в разных областях жизни человека и общества, и новые слова, которыми их называют, группируются в соответствии со значением. Это в полной мере относится и к шведским неологизмам 2021 года. Большинство из них входит в различные тематические группы, имеющие отношение к самым актуальным сферам современной жизни.

¹ Språkrådet. URL: sprakradet.se/nyord

Лексика, связанная с пандемией
коронавируса

Вполне естественно, что наибольшее количество рассматриваемых новых слов, около 40 %, связано с пандемией коронавируса и тем влиянием, которое она оказала на социальное положение человека, его физическое, моральное и психологическое состояние. Это, в частности, такие лексемы, как:

- **Vaccinpass** – паспорт вакцинированного
◊ Från och med fredag måste alla anställda kunna visa ett vaccinpass i Italien (*Svenska Dagbladet*, 14.10.2021). – Начиная с пятницы в Италии все работающие должны предъявлять паспорт вакцинированного².

Для обозначения документа, подтверждающего факт вакцинации, используются также существительные:

- **coronapass** – коронавирусный паспорт
- **vaccinationsbevis** – свидетельство о вакцинации
- **Postcovid** – постковидный синдром
◊ Just nu forskas det på patienter med postcovid (*Corren*, 12.11.2021). – В настоящее время проходят обследование пациенты с постковидным синдромом.
- **Zoomtrötthet** – усталость от зума
◊ Det är vanligare att kvinnor drabbas av zoomtrötthet än män (*Amelia*, 26.10.2021). – Обычно женщины подвержены усталости от зума больше, чем мужчины.

Данное существительное используется не только в отношении психологической усталости от видеоконференций в зуме, но и от видеоконференций других типов.

- **Hybridarbete** – работа в смешанном формате
◊ Flera arbetsgivare ... har förberett för "hybridarbete", det vill säga att de erbjuder sina anställda större flexibilitet med några dagar på jobbet och några dagar på hemmakontoret (*Svenska Dagbladet*, 26.09.2021). – Некоторые работодатели ... подготовились к работе в смешанном формате, т. е. они предлагают своим сотрудникам большую гибкость, чтобы они работали несколько дней на рабочем месте, а несколько дней дома.
- **Hybridmöte** – встреча в смешанном формате
◊ Både hybridmöten och digitala möten kan upplevas som exkluderande (*Enköpings-Posten*, 22.10.2021). – Встречи и в смешанном формате, и в цифровом формате воспринимаются как исключение.

² Здесь и далее перевод наш. – Е. Ж.

- **Vaccinnationalism** – вакцинный национализм (положение, при котором вакцинируются в первую очередь граждане своей страны, хотя потребность в вакцине для других стран может быть и больше)
◊ Vaccinnationalism är en väldigt kortsiktig strategi. Om vi inte vaccinerar världen kommer viruset tillbaka (*Dagens Nyheter*, 30.05.2021). – Вакцинный национализм – это очень недальновидная стратегия. Если мы не вакцинируем весь мир, вирус вернется.
- **Coronahund** – собака, которую завели во время пандемии коронавируса
◊ Restriktionerna försvinner och folk återgår till sina arbetsplatser. Vad händer då med de tusentals coronahundar och husdjur som alla hemarbetare har passat på att köpa? (*Dagens Industri*, 8.10.2021). – Ограничения отменяют, и люди возвращаются на свои рабочие места. Что же теперь будет с тысячами собак и других домашних животных, которых люди, работавшие дома, поспешили купить во время пандемии?
- **Generation corona** – поколение короновируса (слово сочетание, обозначающее группу совсем молодых людей, на чье здоровье, взаимоотношения, ситуацию с получением образования и работы оказала влияние пандемия коронавируса)
◊ De tillhör båda det som nu kallas för generation corona, de unga som är på väg ut i vuxenlivet och arbetslivet mitt i en pandemi (*Söderhamns-Kuriren*, 04.05.2021). – Оба они принадлежат к тем, кого теперь называют поколением коронавируса, молодым людям, которые входят во взрослую и трудовую жизнь в разгар пандемии.
- **Maskne** – масочное акне (так называют сыпь, которая может появиться на лице от долгого ношения маски во время пандемии)
◊ Har du fått röda utslag som liknar finnar efter att ha haft munskydd eller ansiktsmask? Då är sannolikheten stor att du har drabbats av maskne, eller mask-akne (*Må bra*, 05.03.2021). – У вас появились красные высыпания, похожие на прыщи, после того как вы носили на лице марлевую повязку или маску? Тогда велика вероятность, что вы пострадали от «масочной» сыпи.

Лексика, связанная с Интернетом и информационными технологиями

В предыдущие годы, до пандемии коронавируса, наиболее многочисленную группу среди неологизмов составляли слова, относящиеся к области Интернета и информационных технологий

[Жильцова, 2019]. Данная тематическая группа достаточно широко представлена и в новой лексике 2021 года. Это, например, следующие слова:

- **Kryptokonst** – *криптоискусство* – термин, обозначающий цифровое искусство в целом, либо отдельные его произведения, чаще всего видео, фотографии или картинки, существующие исключительно в Интернете. Подлинность таких произведений и права на них подтверждаются электронным сертификатом.
◊ Det som är nytt med kryptokonsten är att den digitala konsten kopplas till så kallade NFT-er (non-fungible tokens) vilka ... fungerar som digitala äkthetsbevis riktade mot ett visst (digitalt) objekt (*Svenska Dagbladet*, 27.03.2021). – Новое в криптоискусстве это то, что в нем предметы цифрового искусства прикрепляются к так называемым NFT (уникальный токен), которые действуют как электронные сертификаты подлинности, относящиеся к определенному (цифровому) объекту.
- **Metaversum** – *метавселенная* – так называют виртуальную реальность, в которой цифровые технологии дают возможность ощущать то, что сегодня требует физического присутствия.
◊ Sammanfattningsvis kan sägas att metaversum oftast framställs som en samlad plats där allt digitalt innehåll vi idag har tillgång till på internet existerar som en visuell, tredimensionell representation (*Svenska Dagbladet*, 28.10.2021). – Подводя итог, можно сказать, что метавселенная чаще всего изображается как место, где вся цифровая информация, к которой у нас сегодня есть доступ в Интернете, существует в визуальном, трехмерном представлении.
- **Piratbibliotek** – *пиратская библиотека* – веб-сайт, незаконно предлагающий литературу для скачивания.
◊ Precis som liknande sidor där film laddas ner olagligt så betalar inte användarna något för de böcker som de laddar ner på piratbiblioteken (*Sveriges Television*, 08.04.2021). – Так же, как и на похожих сайтах, с которых незаконно скачивают фильмы, пользователи ничего не платят за книги, которые они скачивают из пиратских библиотек.

Неологизмы, связанные с охраной природы и окружающей среды

Часть новых слов связана с охраной природы и окружающей среды, темой по-прежнему очень актуальной для шведского общественного сознания.

- **Koldioxidsug** – всасыватель углекислого газа (устройство для поглощения углекислого газа из воздуха)
 ♦ Utanför Reykjavik på Island har schweiziska Clime-works byggt upp vad som enligt bolaget är världens största koldioxidsug (*Ny Teknik*, 14.09.2021). – Неподалеку от Рейкьявика в Исландии швейцарская компания «Клаймворкс» построила то, что, по ее мнению, является самым большим устройством в мире для поглощения углекислого газа.
- **Nettonollmål** – цель по достижению нулевого баланса между выбросом углекислого газа и его поглощением
 ♦ I dag har över 100 länder satt egna nettonollmål (*Svenska Dagbladet*, 12.08.2021). – Сегодня более 100 стран поставили собственные цели по достижению баланса между выбросом углекислого газа и его поглощением.
- **Återförvildande** – повторное одичание (возвращение природы или природных объектов в первозданное состояние, в котором они были до вмешательства человека)
 ♦ I Robinsons idealsamhälle används en mängd olika klimatlösningar. Det rör sig bland annat om ett återförvildande av exploaterade ytor, och regenerativt jordbruk (*Dagens Nyheter*, 14.09.2021). – В идеальном обществе Робинсона представлено множество различных решений климатических проблем. Речь идет, в частности, о возвращении в первоначальное состояние использованных территорий и регенеративном сельском хозяйстве.

Лексика, имеющая отношение к социальной жизни

Отдельную и важную тематическую группу составляют слова, использующиеся для обозначения новых явлений и тенденций в социальной жизни шведского общества:

- **Delningsboende** – коливинг (форма коллективного проживания, при которой жильцы совместно пользуются помещением – гостиницами, комнатами отдыха, кухнями)
 ♦ Det kallas delningsboende – co-living – och har vissa likheter med 1970-talets kollektivboende (*Sveriges Television*, 09.05.2021). – Это называется коливинг и имеет некоторое сходство с коллективным проживанием 1970-х годов.

Такая форма проживания востребована, главным образом, молодежью, так как позволяет

сэкономить на аренде и предоставляет возможность общения со сверстниками.

- **Spökkök** – призрачная кухня (кафе, где меню известного ресторана предлагается только на вынос или на вывоз)
 ♦ Spökkök – har ni hört begreppet? Företeelsen går ut på att restauranger flyttar ut sin matlagning och finns i närheten där folk bor (*Mitt i*, 22.10.2021). – Призрачная кухня – вы слышали это понятие? Это явление заключается в том, что рестораны переносят места приготовления своих блюд ближе к местам проживания людей.
- **Svinnlåda** – ящик для отходов (емкость для продуктов с истекающим сроком годности или не очень хорошим внешним видом, которые продают по сниженной цене)
 ♦ Butiksägarna har även ett projekt där de säljer svinnlådor med frukt och grönt via sociala medier (*Hudiksvalls Tidning*, 21.08.2021). – У владельцев магазинов также имеется проект по продаже фруктов и зелени из ящиков для отходов через социальные сети.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НОВОЙ ЛЕКСИКИ

Неологизмы появляются в языке двумя путями: они могут быть образованы с помощью языковых средств шведского языка или быть заимствованы.

Прямые заимствования и кальки

Единственным прямым заимствованием, вошедшим в список новых слов 2021 года, стала английская аббревиатура *fono*, образованная от английского же словосочетания *fear of normal* – *боязнь нормального*. Такая боязнь, стресс могли возникать у некоторых людей при возвращении к нормальной жизни после отмены коронавирусных ограничений.

♦ När vi nu går tillbaka till mer normala omständigheter lider många av så kallad fono, "fear of normal" (*Amelia*, 05.10.2021). – Когда мы сейчас возвращаемся к привычным условиям жизни, многие страдают от так называемой «боязни нормального».

Значительно больше распространены так называемые структурно-семантические заимствования, или кальки, в которых значение и структура иностранного слова передается лексическими средствами заимствующего языка [Берков, 1994; Маслова-Лашанская, 2011]. Такие слова, появившиеся в шведском языке в 2021 году, являются, главным образом, кальками с английского. Это,

например, уже упоминавшееся существительное **återförvildande** – *возвращение в первоизданное состояние*, калька английского слова *rewilding*, в котором основа существительного была переведена на шведский язык, а префикс *re-* заменен соответствующим ему шведским префиксом *åter-*.

В исследованном материале встречаются и так называемые полукальки – слова, один из компонентов которых переводится, а другой заимствуется полностью [Маслова-Лашанская, 2011]. Таково, например, упоминавшееся выше сложное слово **zoomtrötthet** от английского словосочетания *Zoom fatigue*, где *zoom* – прямое заимствование, а *trötthet* – перевод на шведский язык английского существительного *fatigue* – *усталость*. Следует отметить, что, поскольку калькирование осуществляется по словообразовательным моделям заимствующего языка, в данном случае шведского, то во многих случаях английским словосочетаниям в шведском языке соответствуют кальки-композиции.

Так произошло и с английским сочетанием *tipping point* – *переломный момент, поворотный пункт*, которому соответствует шведское сложное существительное **tippningspunkt**. Его вторая часть представляет собой перевод на шведский язык английского слова *point* – *точка, пункт*. Первая же часть является прямым заимствованием из английского языка, однако частично ассимилированным, поскольку в нем английский суффикс *-ing* заменен шведским *-ning*. Такая замена характерна для заимствованных в шведский язык английских существительных с суффиксом *-ing*.

Помимо калек с английского языка среди шведских неологизмов 2021 года встретились одна калька с персидского языка. Это существительное **snällvägg** букв. 'стена добра', перевод на шведский язык персидского *dīvār-e mehrabānī*. Так называют место сбора одежды и других предметов первой необходимости для нуждающихся. Этот обычай появился в Иране в 2015 году и распространился по миру.

♦ Mitt på Storgatan i Växjö finns från och med den här veckan en "snällvägg" där man kan ge bort vinterkläder som man inte behöver (*Smålandsposten*, 09.02.2021). – Посреди улицы Стургатан в городе Вэкшё с этой недели появилась «стена добра», где люди могут оставить зимнюю одежду, которая им не нужна

Образование новых слов с помощью словообразовательных средств шведского языка

Способы образования новых слов 2021 года с помощью средств шведского языка довольно

разнообразны. Самым распространенным из них остается основосложение, что видно и из приведенных выше примеров, большинство из которых – композиты.

Среди неологизмов-композиций имеется некоторое количество нецельнозначных [Берков, 1994; Маслова-Лашанская, 2011], или, как их называют шведские лингвисты, нелексистализованных [Malmgren, 1994] сложных слов. Их семантика прозрачна и складывается из значений составляющих компонентов. К таким композитам относятся, например, уже упоминавшиеся выше:

vaccinpass – паспорт вакцинированного
< *vaccin* + *pass* (*вакцина* + *паспорт*)
postcovid – постковидный синдром
< *post* + *covid* (*пост-, после* + *ковид*)

Однако большая часть новых сложных слов являются цельнозначными, т. е. их семантика не сводится к сумме значений составляющих их частей [Маслова-Лашанская, 2011]. Для большинства таких композитов характерен метафорический перенос названия одного из компонентов. Так, существительное **djuränkling** – букв. 'животное-вдовец' обозначает животное, которое осталось одно после смерти своего хозяина. Метафора здесь основана на сходстве положения животного, оставшегося без хозяина, с положением человека, потерявшего супруга, поскольку в обоих случаях это потеря самого близкого человека.

♦ Ett initiativ där djuränklingar, alltså djur vars husse eller matte gått bort, får nya familjer har fått väldigt positiv respons (*Sveriges Radio*, 05.08.2021). – Инициатива, когда животные-вдовцы, т. е. животные, чьи хозяева умерли, обретают новые семьи, нашла очень позитивный отклик.

Существительное **ljushare** – букв. 'световой зайчик' принадлежит спортивной лексике. Так называют световую точку, которая, быстро двигаясь по беговой дорожке, помогает спортсмену держать определенную скорость во время забега. В данном случае метафорический перенос связан со сходством характера движения: точка движется так же быстро, как бежит заяц.

♦ Den nya ljusharen går att ställa in på världsrekordtempo och har använts varje gång under de fem senaste världsrekorden på 5 000 och 10 000 meter (*Aftonbladet*, 10.06.2021). – Новый световой зайчик можно настроить на скорость мирового рекорда, и его использовали каждый раз во время установления последних пяти мировых рекордов на дистанциях 5 и 10 тысяч метров.

Нередко неологизмы образуются также путем стяжения, когда в сложном слове опускается отрезок внутри основы [Маслова-Лашанская, 2011; Malmgren, 1994]. Это уже упоминавшиеся существительные *metaversum* – метавселенная от *metauniversum* (*meta* – за пределами и *universum* – вселенная) и *maskne* – масочные угри от *mask-akne* (*mask* – маска и *akne* – угревая сыпь). Интересно также существительное *jobbonär* – работающий пенсионер от *jobbensionär* (*jobb* – работа и *pensionär* – пенсионер) – так говорят о человеке, продолжающем работать по достижении пенсионного возраста, что является достаточно новым явлением для шведского общества.

♦ Ett sätt att skapa en mjukare övergång till pensioneringen är att kombinera lön med pension, och bli en så kallad jobbonär (*Senioren*, 30.09.2021). – Способ создать более мягкий переход к выходу на пенсию – это сочетать зарплату с пенсией и стать так называемым работающим пенсионером.

Довольно редко при образовании новых слов 2021 года использовалась аффиксация. Чаще всего таким способом образовывались глаголы от шведских или английских основ с помощью суффикса *-a*. Так, от шведской именной основы *svinn* – убытки, потери, отходы (в торговле) образован глагол *svinna* – выбрасывать (еду, одежду, которые можно было бы использовать).

♦ På en lista över de livsmedel som svenskar uppger sig svinna mest kammars förstaplatsen hem av tacosåsen (*Nyheter* 24, 24.02.2021). – В списке продуктов, которые, по словам шведов, они выбрасывают чаще всего, первое место занимает соус тако.

От английского глагола *gaslight* с помощью шведского словообразовательного элемента, глагольного суффикса *-a*, образован глагол *gaslighta* – газлайтить, т. е. разными способами манипулировать человеком с целью заставить его усомниться в адекватности своего восприятия окружающей действительности, в своем душевном здоровье.

♦ Psykopaten gaslightar dig, det vill säga förvränger och tvistar huvudet på dig så att du ska tro att det är du som har gjort fel (*Aftonbladet*, 05.10.2021). – Психопат газлайтит вас, т. е. искажает и оспаривает действительность в вашей голове, чтобы вы подумали, что это вы что-то сделали не так.

Единственное новое существительное, образованное аффиксальным способом, – это слово *giggare*. Оно посредством суффикса деятеля *-are*

образовано от глагола *gigga*, который, в свою очередь, образован от заимствованного из английского языка существительного *gig*, обозначающего ангажемент на отдельное выступление или шире отдельное поручение или услугу. Глагол *gigga* имеет значение «выполнять отдельные задания, оказывать отдельные услуги», полученные через приложения в Интернете, а существительное *giggare* – человек, оказывающий подобные услуги.

К неологизмам относят также некоторые слова, ранее использовавшиеся исключительно как узкоспециальные медицинские термины. В 2021 году в связи с пандемией коронавируса они стали употребляться в общелитературном языке. Это *anosmi* – anosmia, полная потеря обоняния и *genombrottsinfektion* – прорывная инфекция, т. е. инфекция, которая поражает уже привитого от нее человека.

♦ Lukt bortfall, eller anosmi, är speciellt svårt för dem som använder luktsinnet i sitt yrke (*Arbetsliv*, 22.04.2021). – Потеря обоняния, или anosmia, особенно тяжела для тех, кому обоняние необходимо в их профессиональной деятельности.

♦ De covid-19-vacciner som ges i dag ska ges i två doser. Om någon infekteras mer än två veckor därefter, räknas det som en genombrottsinfektion (*Småläningen*, 04.06.2021). – Те вакцины от ковид-19, которые сегодня используются, вводятся двумя дозами. Если кто-то будет инфицирован больше, чем через две недели после вакцинации, это считается прорывной инфекцией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, можно сказать, что тенденции развития шведской лексики в 2021 году не подверглись существенным изменениям по сравнению с предшествующим периодом [Жильцова, 2019].

По-прежнему большинство новых лексических единиц связаны с наиболее актуальными сферами жизни современного общества. В 2021 году это была пандемия коронавируса, поэтому многие новые слова имеют к ней отношение. Но целый ряд неологизмов, как и в прошлые годы, относятся к таким областям, как цифровые технологии, охрана природы и окружающей среды, социальная жизнь.

Часть новых слов является заимствованиями, главным образом, не прямыми заимствованиями, а кальками или полукальками. Калькируются в основном английские лексические единицы, но существуют единичные примеры калькирования слов других языков.

Основным способом образования новых слов остается основосложение. Новые композиты могут

быть как нецельнозначными, так и цельнозначными, образное значение которых основано на метафорах. Ряд лексем образованы от сложных слов путем стяжения. Аффикация как способ словообразования находится на периферии. В качестве словообразовательных элементов используются

только глагольный суффикс *-a* и суффикс существительного *-are*. Интересной особенностью 2021 года стал связанный с пандемией коронавируса переход некоторых чисто медицинских терминов в основной словарный состав шведского языка. Такие слова также считаются неологизмами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Маслова-Лашанская С. С. Лексикология шведского языка. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011.
2. Nyordslistan // Språktidningen. Stockholm, 2022. № 1. С. 17–25.
3. Берков В. П. Норвежская лексикология. СПб.: Издательство СПбУ, 1994.
4. Жильцова Е. Л. Новые тенденции развития лексики современного шведского языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 1 (817). С. 163–174.
5. Malmgren S.-G. Svensk lexikologi. Lund: Studentlitteratur, 1994.

REFERENCES

1. Maslova-Lashanskaya, S. S. (2011). Leksikologiya shvedskogo yazyka = Lexicology of the Swedish language. St. Petersburg: Filologicheskij fakultet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russ.)
2. Nyordslistan (2022). Språktidningen. Stockholm, 1, 17–25.
3. Berkov, V. P. (1994). Norvezhszkaya leksikologiya = Norwegian lexicology. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo Universiteta. (In Russ.)
4. Zhil'tsova, E. L. (2019). New Trends in the Development of the Vocabulary of Modern Swedish. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(817), 163–174. (In Russ.)
5. Malmgren, S.-G. (1994). Svensk lexikologi. Lund: Studentlitteratur.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Жильцова Елена Леонидовна

кандидат филологических наук, доцент

доцент кафедры германской и кельтской филологии филологического факультета

Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zhiltsova Elena Leonidovna

PhD (Philology), Associate Professor

Associate Professor at the Department of Germanic and Celtic Philology

Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

11.01.2023
01.02.2023
01.03.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья

УДК 811.113.4

DOI 10.52070/2542-2197_2023_4_872_42

Датские модальные частицы и эмоциональные интенции говорящего

Э. Б. Крылова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
krelvira@mail.ru

Аннотация. В статье дается анализ роли датской модальной частицы *dog* в выражении эмоциональных интенций говорящего. Функционально-семантические частицы, хотя они не являются собственно знаками эмоций, могут в различных структурах высказываний эмоционально воздействовать на слушающего, выражая то эмоции волнения, удивления или восхищения, как в речевых актах риторического вопроса и восклицания, то эмоции раздражения, возмущения и нетерпения, как в императивных речевых актах.

Ключевые слова: датский язык, модальные частицы, эмоциональные интенции, прагмасемантический инвариант, эмотивность

Для цитирования: Крылова Э. Б. Датские модальные частицы и эмоциональные интенции говорящего // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4 (872). С. 42–49. DOI 10.52070/2542-2197_2023_4_872_42

Original article

Danish Modal Particles and the Speaker's Emotional Intentions

Elvira B. Krylova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
krelvira@mail.ru

Abstract. The article analyzes the role of the Danish modal particle *dog* in expressing the speaker's emotional intentions. Linguistically, these particles are not proper signs of emotions. However, their functional and semantic features contribute to the fact that they affect the listener emotionally in structurally diverse statements, provoking emotions of excitement, surprise or admiration, similar to speech acts of a rhetorical question and exclamation, or emotions of irritation, indignation and impatience, as in imperative speech acts.

Keywords: the Danish language, modal particles, emotional intentions, pragmasemantic invariant, emotivity

For citation: Krylova, E. B. (2023). Danish modal particles and the speaker's emotional intentions. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(872), 42–49. 10.52070/2542-2197_2023_4_872_42

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы интерпретации эмоциональной сферы человека, определения количества эмоций, их характеристики и языковые средства выражения активно рассматриваются исследователями различных языков с середины XX века. История становления современной лингвистики эмоций подробно представлена в монографии В. И. Шаховского «Лингвистическая теория эмоций» [Шаховский, 2008]. Однако проблемы классификации языковых средств выражения эмоций, разграничения понятий эмоциональности, оценочности, экспрессивности и эмотивности по-прежнему вызывают большие затруднения [Wierzbicka, 1995; Language of Emotions... 1997; Шаховский, 2008; Харченко, 1983].

Рассмотрение названных теоретических проблем выходит за рамки данной статьи, задачей которой является определение роли инвариантных значений модальных частиц в выражении эмоциональных интенций говорящего.

Модальные частицы являются самым субъективным средством коммуникативного фонда датского языка. Их наличие в высказываниях делает последние более личностными, поскольку за каждым таким высказыванием всегда стоит говорящий. Частицы могут выражать отношение говорящего к содержанию своего высказывания и коммуникативной ситуации в целом, к словам или поведению ее участников с точки зрения их соответствия ожиданиям, предположениям говорящего или его представлениям о норме. Частицы, передающие субъективное отношение говорящего к своему высказыванию, могут выражать различные значения эпистемической (достоверно / недостоверно), аксиологической (хорошо / плохо; желательно / нежелательно) и адмиративной (ожидаемо / неожиданно) модальностей [Крылова, 2021].

Предпринятое нами ранее функционально-семантическое описание модальных частиц *bare, blot, da, dog, godt, jo, kun, mon, nok, nu, sgu, skam, vel* и *vist* позволило выделить их прагматическо-семантические инварианты и определить функциональные особенности каждой из частиц. Результаты проведенного исследования стали основанием для построения функционально-семантической системы модальных частиц датского языка. Определяющими параметрами данной системы стали функциональная направленность частиц на одного из участников коммуникативной модели (1-е лицо, 2-е лицо или 3-е лицо, включенное в коммуникативную ситуацию) и выражаемые ими субъективно-модальные значения [Крылова, 2021].

Описание особенностей функциональной семантики частиц позволило также сделать вывод об определенной роли данных прагматических единиц языка в выражении эмоциональных интенций говорящего. К средствам эмоционального воздействия на субъективный мир слушающего относятся прежде всего частицы, функционально направленные на него. Одним из таких средств является частица *dog*, эмоциональные интенции выражения которой в различных структурах предложений будут рассмотрены в данной статье [Крылова, 2021].

В. И. Шаховский, внесший весомый вклад в развитие отечественной эмотиологии, отмечает, что «любое слово может приобрести эмотивную коннотацию или за счет актуализации скрытых вероятностных сем эмотивности, их семантических признаков или семных конкретизаторов, потенциально закодированных и свернутых в семантике слова, или за счет наведения сем эмотивности на семантику нейтрального слова» [Шаховский, 2009, с. 39].

В контексте того или иного эмотивного слова или оценочного предиката модальные частицы могут усиливать эмотивность всего высказывания и вносить в него определенную степень экспрессивности, что обусловлено кодируемой ими информацией об оценке говорящего как сложившейся ситуации, так и отношения к ней слушающего. В определенных структурах предложений частицы могут ввести аксиологическую оценку ситуации или действий слушающего в зависимости от того, соответствуют ли они его ожиданиям или представлениям о норме. Таким образом, функционирование частиц в различных контекстах и структурах высказываний может вносить в них различные эмотивно-экспрессивные значения, формировать в них, например, коммуникативные интенции одобрения или неодобрения, что будет продемонстрировано ниже на примере функционирования частицы *dog*.

РОЛЬ МОДАЛЬНОЙ ЧАСТИЦЫ *DOG* В ВЫРАЖЕНИИ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕНЦИЙ ГОВОРЯЩЕГО

Частица *dog* может употребляться в повествовательных, вопросительных, побудительных и восклицательных предложениях. Инвариантным значением *dog* является значение оценочного несоответствия реального события или ситуации изначальным ожиданиям, предположениям, утверждениям говорящего [Крылова, 2021]. Частица *dog* говорит слушающему о таком несоответствии и воздействует на него, выражая при этом ряд субъективно-модальных значений. Такое отношение говорящего к реальной ситуации может включать и его эмоциональную реакцию на нее.

Частица *dog* в предложениях повествовательной структуры

О том, что закодированная в *dog* прагматическая семантика допускает употребление частицы в оценочных контекстах, свидетельствует значительное число реактивных высказываний повествовательной структуры, именная часть сказуемого в которых выражена прилагательными качественной или оценочной семантики. Такие высказывания являются своего рода эмотивно-оценочными клише [Glismann, 1979], наиболее употребительными из которых являются следующие:

- Det er (**dog**) bedre end ingenting...¹
И это (всё-таки / же) лучше, чем ничего;²
- Det er (**dog**) det værste...
Это (всё-таки / же) самое худшее...
- Og det er (**dog**) fantastisk...
И это (всё-таки / же) фантастика...
- Det er (**dog**) det dumme...
Это всё-таки / же самое глупое...
- Men det er (**dog**) vigtigt...
Но это (всё-таки / же) важно...
- Men det er (**dog**) mere end tvivlsomt...
Но это (всё-таки / же) более чем сомнительно...

Частица *dog* в таких высказываниях «имплицитует противоречия» [Gettrup, Herslund, Pedersen, 1986] между тем, что говорящий в действительности видит или слышит, и тем, что он ожидал увидеть или услышать. Однако основной целью использования говорящим *dog* в оценочных высказываниях является выражение эмотивного значения удивления неожиданно возникшей ситуацией. В связи с этим, как отмечают авторы академической грамматики датского языка, частица в таких предложениях не может стоять в инициальной позиции, т. е. в позиции фундаментального поля, что возможно в других повествовательных предложениях [Hansen, Heltoft, 2011]. Определенная экспрессивность такого высказывания объясняется попыткой говорящего эмоционально воздействовать на слушающего, поскольку частица располагает данным функциональным потенциалом [Крылова, 2021]:

- Det er **dog** det dumme forslag, jeg nogensinde har hørt. – Однако ж это самое глупое предложение из тех, что я когда-либо слышал.

Оценочные высказывания могут восприниматься как эмоционально-экспрессивные и без частицы *dog*, а некоторые контексты даже не допускают ее использования при, казалось бы, схожих оценочных реакциях говорящего. Это мы видим в следующем примере, где новоявленный папа дает оценку событию, которое, собственно, не стало для него неожиданным:

- Nu er du også blevet far?
– Ja, det er fantastisk. Det er endnu ikke gået helt op for mig...
- А теперь ты еще стал и отцом?
– Да, это просто фантастика! До меня это пока еще не совсем дошло...

В других оценочных контекстах отсутствие *dog* также возможно, но именно частица вносит в высказывание еще большую субъективность и сообщает слушающему, что реальная ситуация стала для говорящего неожиданной, вызывает его удивление, а это усиливает эмотивность, экспрессивность и аксиологическую оценку высказывания:

- Jeg var meget ung og det var (**dog**) fantastisk, at instruktøren ville bruge mig og fantastisk at møde sådan et menneske.
- Я была тогда очень молода, и было неожиданно, что режиссер взял сниматься меня, а для меня было необыкновенно встретить такого человека.

В приведенном примере реализация частицы в контексте оценочного предиката *var fantastisk* является вариативной: для молодой девушки было радостно, что режиссер утвердил ее на роль в фильме, частица же *dog* вносит в высказывание эмоцию удивления девушки тем, что решению режиссера не помешал ее юный возраст, которой она и делится со слушающим. При этом вносимое *dog* в высказывание значение удивления относится не к модусной рамке оценки, а к вводимой ею пропозиции.

В зависимости от семантики оценочного предиката и контекста аксиологическая оценка говорящим неожиданной для него ситуации может быть не только положительной, как в предыдущих случаях, но и отрицательной, как в следующем примере, где говорящий выражает свое возмущение неожиданной ситуацией и тем, что он услышал:

- At komme her med sådan noget vås! Jeg vil ikke høre mere, vrissede han. Det var **dog** det værste

¹ Все примеры взяты из KorpusDK. URL: <https://ordnet.dk/korpusdk>

² Зд и далее перевод наш – Э. К.

opspind. – Men hvilke bagtanker, der end ligger bag, så vil jeg bede Dem forsvinde ud af min lejlighed.

– Заявиться сюда с такой ерундой! И слышать больше ничего не хочу, – ворчал он. – Это же самая подлая выдумка. Но, каков бы не был ваш замысел, я попрошу вас покинуть мою квартиру.

Инвариантное значение частицы делает также возможным ее употребление в ироническом высказывании, для понимания которого требуется, однако, более широкий контекст:

Ja, men det er **dog** fantastisk, at man vil tage så drastiske skridt som at ændre på bestyrelsen for min skyld.

Да, но это же фантастика, что столь радикальные шаги по реорганизации правления предпринимаются ради меня.

Частица **dog** в восклицательных предложениях

Dog является единственной из всех датских модальных частиц, которая может употребляться в восклицательных предложениях вопросительно-восклицательной структуры с местоименными словами *hvor* и *hvad*:

Hvor du **dog** ligner din mor!
Как же ты похожа на свою мать!

Hvad har de **dog** ikke haft af dyr!
И каких только зверей у них не было!

Такие восклицания являются неинформативными высказываниями, их цель – сообщить слушающему об оценочном отношении говорящего к содержанию своего высказывания, сообщить о том, что оно взволновало его, и пригласить присоединиться к высказываемой им оценке [Йокояма, 2005]. Использование *dog* в данных эмоционально-оценочных высказываниях является вариативным, однако частица усиливает их экспрессивность, сообщая слушающему, что говорящий был не готов к сложившейся ситуации:

Hvor er det **dog** en bizar ide!
Какая же это все-таки странная идея!

Hvor er det **dog** ærgerligt!
Как же это все-таки обидно!

Hvor er det **dog** synd for disse mennesker!
Как же жаль этих людей!

Hvor er det **dog** heldigt!
Как же это все-таки удачно!

Hvor er det **dog** træls!
Как же это все-таки утомительно!

Hvad er det **dog** for en rod!
Какой же здесь беспорядок!

Hvad er det **dog** for en hørn?!
Какая же здесь вонь!

Hvad er han **dog** ikke i stand til!
И на что он только не способен!

Выражаемое частицей удивление говорящего как реакция на неожиданную ситуацию усиливает его эмоциональное воздействие на слушающего, что часто вызывает его ответную реакцию:

– Hvor har han **dog** forandret sig den dreng, sagde mormoren.

– Ja, han er løbet i vejret, sagde moren.

– Мой мальчик, как же он изменился! – сказала бабушка.

– Да, он очень вытянулся, – сказала мама.

– Hvor er det **dog** godt, at vi har lånt en bil!

– Ja, det må du nok sige.

– Как же всё-таки здорово, что мы одолжили машину!

– И не говори!

Инвариантное значение частицы *dog* позволяет говорящему использовать ее в восклицательных предложениях с местоименным словом *hvad* и отрицанием *ikke* для передачи таких эмоциональных значений, как сочувствие, ирония и др. Реагируя таким образом, говорящий пытается эмоционально воздействовать на слушающего.

– Stakkels lille du... hvad har du **dog** ikke måttet lide... og alt sammen på grund af en grusom fejltagelse.

– Бедненький ты мой... и чего тебе только не пришлось пережить... и всё из-за какой-то ужасной ошибки.

Hun tog hans kasket af.

– Er den ikke lidt våd? sagde hun.

– Den har ligget under en iskiosk, svarede han.

– Hvad har du **dog** ikke oplevet! sagde hun ironisk.

Она сняла с него кепку.

– Она что, мокрая?

– Да, лежала под киоском мороженого, – ответил он.

– И чего только с тобой не приключилось! – с иронией сказала она.

Восклицания с *dog* часто являются реакцией говорящего на описываемую в анафорическом высказывании ситуацию как не соответствующую

бенефактивной норме, что вызывает у слушающего неодобрительное отношение к такому положению дел:

Tog som DSB med udspekuleret sans for underholdning har placeret så man skal forcere op til flere trapper og lange tunneler for at nå. Hvad de **dog** ikke finder på for kundernes skyld...

В изощренном стремлении развлечь пассажиров «Датские железные дороги» размещают поезда так, что теперь, чтобы добраться до них, приходится преодолевать несколько лестниц и длинных тоннелей. И чего только не придумают ради пассажиров...

Частица *dog* в вопросительных предложениях

Прагмасемантический инвариант частицы *dog* позволяет говорящему использовать ее в диктальных вопросах-реакциях на сложившуюся или описываемую собеседником ситуацию для выражения эмоций удивления, волнения, недоумения, огорчения, страха. Наиболее характерными для выражения таких эмоциональных реакций являются вопросы с вопросительным местоимением *hvad* – *что*, в которых частица употребляется в контексте предикатов со значением «случаться», «происходить»: *at være sket*, *at være i vejen*, *at være på færde* и др.:

Tove får nu øje på Jeppe i vandet.

– Hvad er der **dog** sket? spørger han forskrækket.

Tove вдруг видит в воде Йеппе.

– Что такое случилось? – испуганно спрашивает он.

– Jamen, der kommer jo din lærerinde... og hun kommer herind. Hvad er der **dog** på færde?

– Да, но это же твоя учительница... и она идет сюда. Что же это такое происходит?

...hun skreg og skreg. Mor kom løbende op ad trappen.

– Hvad er der **dog** med dig?

...она всё кричала и кричала. Мать взбежала вверх по лестнице.

– Да что с тобой такое?

...da hun kom ud, kunne Lise se, at hun havde grædt.

– Hvad er der **dog** i vejen med dig?

...когда она вышла, Лисе увидела, что та плакала.

– Что с тобой такое случилось?

Описываемая часто в анафорическом высказывании ситуация является только наблюдаемым результатом или следствием произошедшего, поэтому говорящий обращает свой вопрос-реакцию к слушающему с целью получить информацию

о причине неожиданной для себя ситуации, чтобы прояснить ее и предпринять какие-то шаги, например, помочь партнеру или успокоить его. Отсутствие субъективно-модального компонента, выражаемого частицей *dog*, преобразует такой эмоциональный вопрос-реакцию в обычный запрос информации:

– Kom op til far, lille ven! Hvad er der i vejen? Er du sulten?

– Иди к папе, дружок! Что случилось? Ты проголодался?

Инвариантное значение частицы *dog* способствует также ее активному использованию в контексте модальных предикатов в высказываниях вопросительной структуры. При этом говорящий пытается эмоционально воздействовать на слушающего, выражая отрицательную оценку чужих действий или слов. Основания для такой оценки обычно приводятся в ближайшем контексте:

– Elskede Anders! Hvordan *kan* du **dog** finde på noget så dumt? Rosen er bare en god ven, ikke andet!

– Любимый мой Андерс! Как тебе только в голову могут прийти такие глупости? Росен – просто хороший друг, и ничего больше!

– Hvordan *skal* vi **dog** kunne det, når det er forbudt?

– И как же мы сможем сделать это, если это запрещено?

Таким образом, значение оценочного несоответствия реальных действий или описанной ситуации предположениям, ожиданиям говорящего, кодируемое частицей *dog*, преобразует речевой акт вопроса в косвенный речевой акт упрека, который сопровождается выражением эмоций удивления и раздражения:

– Hvordan *kunne* du **dog** finde på at løbe ud?

– И как же тебе только в голову пришло такое – выбежать на улицу?

– Man siger at vi skal følge med udviklingen, men hvordan skal vi **dog** kunne det, når det ikke er tilladt at klæde sig, som man vil.

– Нам говорят, что мы должны следовать моде, а как же мы можем это делать, если нам не разрешают одеваться, как нам хочется.

– Jeg var lige ved at tro, du svigtede mig med en anden. <...>

– Svigte dig? Det kunne jeg aldrig finde på. Hvem skulle jeg **dog** svigte dig med?

- Я уже подумала, что ты мне изменил с кем-то... <...>
- Изменить тебе? Мне бы и в голову такое не пришло. И с кем бы я мог изменить тебе?

Частица *dog* может также использоваться говорящим в косвенном речевом акте риторического вопроса, для которого характерны установка на отрицательный ответ, невозможность или отсутствие необходимости в ответе на него. *Dog* способствует большей экспрессивизации такого вопроса-реакции:

- Hvem *i alverden* kan det **dog** interessere? Og dem, det interesserer, ved det formentlig.
- Да кого вообще это может интересовать? А те, кого может, надо полагать, и так это знают.
- Hvad skulle vi **dog** gøre uden dig?
- И что бы мы без тебя делали?

Dog в модальном вопросе с отрицанием

В вопросе модальной структуры частица *dog* употребляется в контексте модального предиката с отрицанием. Субъектом такого вопроса обычно является сам слушающий, поведение которого, по оценке говорящего, не соответствует его ожиданиям или высказанным ранее пожеланиям, что объясняет выражаемые говорящим эмоции раздражения и упрека. Иллокутивной функцией такого вопросительного речевого акта является выражение косвенного побуждения [Hansen, Heltoft, 2011]. Поэтому в текстах такие предложения вопросительной структуры часто имеют восклицательный знак:

- Kan du **dog** *ikke* lade være med at spørge så meget! = 'Lad være med at spørge så meget!'
- Ты что, не можешь обойтись без всех этих вопросов? = Прекрати задавать столько вопросов!
- Skal du **dog** *aldrig* i seng! [Hansen, Heltoft, 2011, b. 3, c. 1086]. = 'Gå i seng!'
- Ты что, спать не собираешься? = Иди спать!

Частица dog в побудительных речевых актах

Модальная частица *dog* может использоваться в императивном речевом акте, где она сигнализирует слушающему, что сложившаяся к данному моменту ситуация не отвечает ожиданиям говорящего и не является бенефактивной. Конструкция императива с *dog* выражает эмоционально-экспрессивную реакцию говорящего на такую

ситуацию или поведение слушающего и выражает скрытую интенцию неодобрения:

- Rosa, så kom **dog** ned, så dans **dog**, skrig, bare gør et eller andet.
- Ну, спускайся же сюда, Роза, танцуй, кричи, только делай хоть что-нибудь.

Частица *dog* может также употребляться в конструкции с императивом, когда говорящий оценивает ситуацию как не отвечающую его представлениям о норме поведения субъекта действия, каузируемого формой императива:

- Mia rev sig løs fra betjenten.
- Så find ham **dog**. *I står bare her og glor. Han er derude. Så find ham dog!* <...> Kan I ikke høre? *Han er jo derude, I må hjælpe mig. Så hjælp mig dog!*
- Мия высвободилась из рук полицейского.
- Так найдите же его. Вы тут просто стоите и глазете. А он там, на улице. Так найдите же его! <...> Вы не слышите меня? Он же там, на улице. Вы обязаны мне помочь. Так помогите же!

В приведенном выше примере девушка Мия, используя частицу *dog* в императивных конструкциях, сообщает полицейским, что для достижения бенефактивного результата она ожидает от них выполнения их прямых обязанностей. Коммуникативными интенциями говорящего здесь является стремление выразить свое неодобрение поведения полицейских и побудить их выполнить свой долг. Функционально-семантические особенности частицы объясняют привносимые ею в такие побудительные высказывания эмоции раздражительности, возмущения и нетерпения.

В приведенных ниже примерах с императивом *svar! отвечай!* видно, как его конструкция с частицей *dog* формирует эмоционально-экспрессивный императивный речевой акт, дополнительная экспрессивизация которого достигается употреблением пренебрежительных слов-обращений *meneske (человек)* к жене, *tøs* – к маленькой девочке, а также повторением вопроса и императивной конструкции:

- Men svar **dog**, *menneske*! Georg tog fat i mine skuldre og ruskede mig.
- Ну, отвечай же, женщина! – Георг схватил меня за плечи и начал трясти.
- Har din mor ikke lært dig det? Barnet stod stum og benovet.
- <...>
- Så svar **dog**, *tøs*. Har hun ikke lært dig det?

- Твоя мать не научила тебя этому? – Ребенок смущенно молчал. <...>
 – Отвечай же, девчонка! Она не научила тебя этому?

Det svimlede for ham, ligesom i det fjerne hørte han politibetjenten sige:

- Nå, er det ikke dig? Nå, er det ikke dig? Så svar **dog**, så svar **dog**!!!

У него закружилась голова, и словно откуда-то изда-
 лека он услышал слова полицейского:

- Ну, разве это был не ты, разве не ты? Ну-ка, отве-
 чай, отвечай же!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ показал, что частица *dog* может участвовать в реализации различных

эмоциональных интенций говорящего. Важную роль при этом играет оценочный компонент прагматического инварианта частицы, определяемого нами как оценочное несоответствие реальной ситуации изначальным предположениям, ожиданиям и представлениям говорящего. Другим важным параметром, объясняющим активное участие частицы в оформлении эмоционально-экспрессивных высказываний повествовательной, вопросительной и императивной структур, является функциональная направленность *dog* на слушающего. Частица способствует привлечению его внимания к предлагаемой говорящим аксиологической и эмоциональной оценке сложившейся ситуации, попытке изменить его субъективное отношение к ней и побудить к определенному действию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис. 2008.
2. Wierzbicka A. Emotion and Facial Expression: A Semantic Perspective // Culture and Psychology. 1995. № 1. P. 227–258.
3. The Language of Emotion: Conceptualization, Expression, and Theoretical Foundation / edited by S. Niemeier, R. Dirven. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1997.
4. Харченко В. К. Экспрессивность, эмоциональность, оценочность и образность как категории лингвистической стилистики // Стили языка и стили речи как явление функционально-речевой дифференциации: материалы докладов. Орджоникидзе, 1983. С. 38–40.
5. Крылова Э. Б. Коммуникативные функции модальных частиц в датском языке. М.: МАКС Пресс. 2021.
6. Шаховский В. И. Эмоции как объект исследования в лингвистике // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9. С. 29–42.
7. Glismann O. Om vurderende udsagn og emotive prædikater // Nyt fra Sprognet. København: Akademisk Forlag. 1979. s. 10–11.
8. Gettrup H., Herslund M., Pedersen J., Schnack A. Sprog og Tekst. Studiebog i sagteksanalyse. København: Københavns Universitet. 1986.
9. Hansen E., Heltoft L. Grammatik over det Danske Sprog. Odense: Syddansk Universitetsforlag. 2011.
10. Йокояма О. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. М.: Языки славянской культуры, 2005. (Studia philologica).

REFERENCES

1. Shakhovsky, V. I. (2008). Lingvisticheskaya teoriya emotsiy = Linguistic theory of emotions. Moscow: Gnozis. (In Russ.)
2. Wierzbicka, A. (1995). Emotion and Facial Expression: A Semantic Perspective. Culture and Psychology, 1, 227–258.
3. Niemeier, S., Dirven, R. (Ed.). (1997). The Language of Emotion: Conceptualization, Expression, and Theoretical Foundation. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
4. Kharchenko, V. K. (1983). Ekspressivnost', emotsional'nost', otsenochnost' i obraznost' kak kategorii lingvisticheskoy stilistiki. Stili yazyka i stili rechi kak yavleniye funktsional'no-rechevoy differentsiatsii: materialy dokladov = Expressiveness, Emotionality, Evaluation and Imagery as Categories of Linguistic Stylistics. Styles of Language and Styles of Speech as a Phenomenon of Functional Speech Differentiation: Report materials (pp. 38–40). Ordzhonikidze. (In Russ.)
5. Krylova, E. B. (2021). Communicative functions of modal particles in Danish. Moscow: MAKS Press. (In Russ.)
6. Shakhovsky, V. I. (2009). Emocii kak ob'ekt issledovaniya v lingvistike = Human Emotions as an Object of the Study in Linguistics. Journal of Psycholinguistics, 9, 29–42. (In Russ.).

7. Glismann, O. (1979). Om vurderende udsagn og emotive prædikater. Nyt fra Sprognævnet, 10–11. København: Akademisk Forlag.
8. Gettrup, H., Herslund, M., Pedersen, J., Schnack, A. (1986). Sprog og Tekst. Studiebog i sagtekstanalyse. København: Københavns Universitet.
9. Hansen, E., Heltoft, L. (2011). Grammatik over det Danske Sprog. Odense: Syddansk Universitetsforlag.
10. Yokoyama, O. (2005). Kognitivnaya model' diskursa i russkij poryadok slov = Cognitive model of discourse and the Russian word order. Moscow: Languages of Slavic culture (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Крылова Эльвира Борисовна

доктор филологических наук
профессор кафедры германской и кельтской филологии
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Krylova Elvira Borisovna

Doctor of Philology (Dr. habil.)
Professor at the Department of Germanic and Celtic Philology
Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	11.01.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	02.02.2023	
	01.03.2023	

Научная статья
УДК 811.134.2
DOI 10.52070/2542-2197_2023_4_872_50

Проблемы анкетирования при исследовании интертекстуальных свойств аллюзии в испаноязычных СМИ

А. В. Кузнецов

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
svift2007@yandex.ru*

Аннотация. В статье представлен анализ результатов анкетирования испаноязычной аудитории СМИ, проведенного с целью определения узнаваемости ряда прецедентных феноменов, используемых в журналистике для создания аллюзий. Рассмотрены вопросы, связанные с подготовкой опросного листа и организацией процесса анкетирования с учетом специфики исследования. Предложены рекомендации, позволяющие повысить качество получаемых данных и результатов их обработки.

Ключевые слова: анкетирование, прецедентный феномен, интертекстуальность, аллюзия, СМИ, аудитория СМИ

Для цитирования: Кузнецов А. В. Проблемы анкетирования при исследовании интертекстуальных свойств аллюзии в испаноязычных СМИ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4 (872), С. 50–56. DOI 10.52070/2542-2197_2023_4_872_50

Original article

Intertextual Characteristics of Allusions in the Spanish Media: Survey Issues and Considerations

Andrey V. Kuznetsov

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
svift2007@yandex.ru*

Abstract. This article shows the analysis of the survey conducted in order to study the ability of the Spanish mass media audience to recognise certain precedent phenomena that are used in journalism to make allusions. The article is focused on the issues related to preparation of the questionnaire and relevant arrangements, taking into account the research topic. The outcomes include guidance on how to increase the quality of data collection and processing.

Keywords: survey, precedent phenomenon, intertextuality, allusion, mass media, mass media audience

For citation: Kuznetsov, A. V. (2023). Intertextual characteristics of allusions in the Spanish media: survey issues and considerations. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(872), 50–56. 10.52070/2542-2197_2023_4_872_50

ВВЕДЕНИЕ

Анкетирование как один из методов социолингвистики активно применяется современными исследователями при изучении отдельных свойств языковых явлений. В круг наших научных интересов входит функционирование аллюзии как интертекстуального явления в различных жанрах испаноязычного газетно-публицистического дискурса. Анкетирование, результатам которого посвящена данная статья, проведено нами с целью получения числовых значений, которые предполагается использовать для сравнения и, соответственно, определения степени узнаваемости включенных в опросный лист прецедентных феноменов (ПФ). Решение данной задачи необходимо для обеспечения возможности оперативного ранжирования и группировки ПФ по категориям, отвечающим текущим задачам источника сообщения. В контексте нашего исследования под источником сообщения будем понимать журналиста, осуществляющего подготовку текста газетной статьи или ведущего интервью с гостем студии.

В журналистике ПФ используются в качестве источников создания аллюзий. При этом аллюзия, в дополнение к своим стилистическим свойствам, выполняет целый ряд коммуникативно-прагматических функций, обусловленных интертекстуальной природой данного лингвистического явления. При выборе исходного материала для создания аллюзий журналист должен учитывать возможность своей аудитории (т. е. получателей сообщения) идентифицировать такую аллюзию, правильно распознав в ней соответствующий ПФ и его смысл. Данный фактор является одним из основных условий успешности коммуникации в СМИ. С. В. Ильясова и Л. П. Амири отмечают также, что «неуместность, неоправданность выбора (так же как трансформации) прецедентного феномена неминуемо приведет к коммуникативной неудаче, ответственность за которую несет журналист как носитель (в идеале) более высокого типа культуры, нежели массовый читатель» [Ильясова, Амири, 2018, с. 254–255].

Следовательно, наличие данных об узнаваемости тех или иных ПФ в рамках определенной аудитории позволит повысить качество журналистских материалов и эффективность взаимодействия с адресатом СМИ. Метод анкетирования видится наиболее актуальным, поскольку предполагает контакт с реальной аудиторией.

ПОДГОТОВКА АНКЕТЫ

Российская журналистика характеризуется богатым жанровым разнообразием. Исследователи

журналистских жанров предлагают соответствующие классификации [Колесниченко, 2018; Тertyч-ный, 2014]. Следует отметить, что в журналистике Испании и Латинской Америки также представлен широкий спектр жанров [Martínez Albertos, 1993; Ráez, 2005]. По нашим наблюдениям журналисты наиболее часто склонны употреблять аллюзии в таких жанрах, как интервью, мнение и аналитическая статья, что обусловлено спецификой самих жанров и решаемых журналистами задач.

Подготовка анкеты представляет собой сложный процесс, требующий тщательного подхода к формулировке вопросов и определению их количества. Число вопросов должно быть оптимальным для решения поставленных исследователем задач, но при этом не должно превышать разумных пределов (считается, что среднестатистический респондент готов уделить заполнению произвольно взятой анкеты около 2–3 минут своего личного времени). Вопросы следует формулировать кратко и четко. Недопустимо использовать неоднозначные формулировки, поскольку это гарантированно приведет к потере интереса со стороны респондента к продолжению работы с анкетой. Немаловажную роль играет и последовательность вопросов. Логика построения анкеты должна быть прозрачной (для самого исследователя – отражать процедуры дальнейшей обработки результатов; а для респондента – по принципу «от простого к сложному», раскрывая тему, указанную в названии опроса).

В нашу анкету было включено десять вопросов – все на испанском языке, поскольку опрос проводился среди испаноязычного населения. Основной было решено разместить в конце анкеты – это вопрос №10. Первые девять вопросов относились к предоставлению общей информации о респонденте (пол, возраст, образование, род деятельности, интересы и увлечения), на основании которой впоследствии будет осуществляться категоризация ПФ. Два вопроса были предназначены для обеспечения дальнейшей возможности сортировки ответов, данных только испаноязычными респондентами.

В современных условиях считаем целесообразным применять технологические решения, позволяющие дистанционно и достаточно оперативно создавать и рассылать анкеты (а впоследствии – обрабатывать результаты). Многообразие тематических интернет-ресурсов дает возможность сфокусировать выборку на целевой аудитории, способствуя тем самым повышению репрезентативности. Подобный метод упрощает работу не только самого исследователя, но и респондента (значительно снижается время на заполнение и объем организационно-технических действий, связанных с обратной отправкой анкеты).

Проблемы выделения возрастных групп респондентов

Анкетирование проводится анонимно и на добровольной основе. Принять участие в опросе может любой желающий. Соответственно, исследователь сталкивается с проблемой сегментирования респондентов по различным категориям, в том числе полу, возрасту, образованию, роду деятельности и т. д. Рационально в качестве первого вопроса предложить указать свой пол. По итогам обработки ответов, выгруженных из заполненных испаноязычными респондентами анкет, были получены следующие результаты¹. Из общего количества опрошенных большинство составили мужчины (61,5%); женщины – 38,5%. Эти данные были получены после обработки ответов на первый вопрос (см. рис. 1).

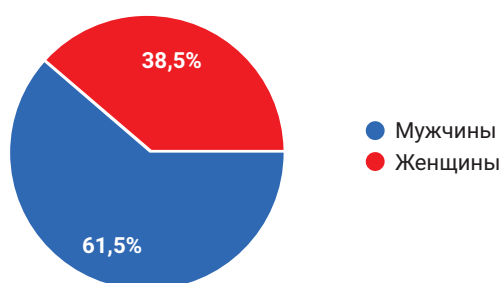

Рис. 1. Распределение респондентов по половому признаку²

Следующий вопрос касался распределения респондентов по возрастным группам. Данные о возрасте необходимы для последующего сегментирования распознанных ПФ по соответствующим категориям целевой аудитории. Однако произвольное деление на возрастные группы, например, с шагом в 5 или 15 лет бессмысленно, поскольку не предполагает привязки к реальным жизненным этапам. Считаем целесообразным выделить несколько принципиально важных периодов жизни человека:

- получение образования;
- профессиональное становление;
- создание семьи и воспитание детей;
- выход на пенсию.

¹ Отметим, что респонденты не обязаны отвечать на все вопросы анкеты. Обязательным для заполнения был только вопрос №10 (см. далее раздел «Основной вопрос: узнаваемость ПФ») – в анкете этот вопрос был отмечен знаком (*). При этом респондент также мог на него не отвечать, но в таком случае анкета не попадала в систему.

² Технические возможности электронного ресурса, использовавшегося для подготовки анкеты и обработки результатов, не позволяли изменить язык при выгрузке обработанных данных, поэтому для удобства восприятия материалов статьи читателями, не владеющими испанским языком, здесь и далее информация частично продублирована на русском языке.

При этом крайне важно учитывать специфику стран изучаемого языка. Для этого предварительно необходимо разобраться в особенностях получения образования (ступени, уровни квалификации, ученые степени), условиях выхода на пенсию (возраст, трудовой стаж, наличие определенной суммы накопленных пенсионных отчислений) и ряда других факторов (например, средний возраст вступления в брак для мужчин и женщин и т. п.). Подобная информация, как правило, находится в открытом доступе и представляется в виде официальных отчетов о проведении глобальных или локальных социологических исследований. В таких отчетах систематизированы данные о широком круге социально значимых проблем конкретного государства или региона.

В нашем случае были учтены особенности деления ступеней образования и выхода на пенсию в Испании и Латинской Америке. Так, например, возраст выхода на пенсию в Испании составляет 65 лет для мужчин и 60 лет для женщин; в Перу – 65 лет как для мужчин, так и для женщин. Самый низкий возраст выхода на пенсию установлен в Боливии – 55 лет для мужчин и 50 лет для женщин. В ряде стран Латинской Америки условия выхода на пенсию более строгие (например, возраст должен составлять 70 лет, а также к моменту выхода на пенсию должна накопиться определенная сумма пенсионных отчислений)³.

В целях учета наибольшего числа особенностей разных испаноговорящих стран было решено установить нижнюю возрастную границу на уровне 50 лет (минимальный возраст для женщин в Латинской Америке), а верхнюю – на уровне 65 лет (максимальный возраст для мужчин в Испании). Таким образом был обеспечен наиболее широкий и сфокусированный охват испаноязычного населения пенсионного возраста. Вопросу определения данной возрастной категории уделено много внимания, так как он связан не только с формальным делением по возрастным группам, но и с вопросом этики – уважительным отношением к людям старшего поколения (особенно, если пенсионеры продолжают работать или переезжают жить в другую страну с иными условиями выхода на пенсию). Игнорирование обозначенных выше аспектов может привести к снижению интереса к дальнейшему прохождению опроса со стороны респондента и, как следствие, негативно сказаться на общем количестве полученных ответов и, соответственно, заполненных анкет.

³ Comisión Económica para América Latina y el Caribe (CEPAL). Panorama Social de América Latina, 2017 (LC/PUB.2018/1-P). Santiago, 2018. URL: <https://cnnespanol.cnn.com/2019/10/11/los-paises-de-america-latina-con-mas-edad-para-jubilarse-y-los-diferentes-sistemas-de-pensiones/>

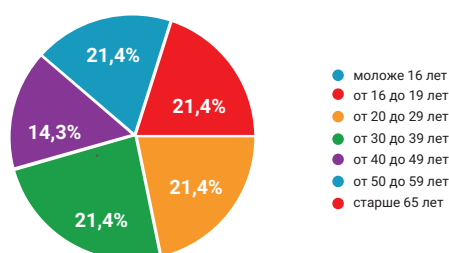

Рис. 2. Возрастные группы респондентов

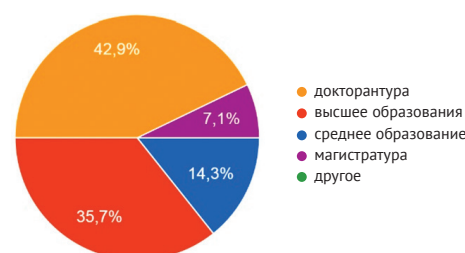

Рис. 3. Уровень образования респондентов

Результаты обработки данных по второму вопросу представлены с четкой разбивкой по возрастным группам (рис. 2).

Из диаграммы видно, что молодежь в возрасте до 19 лет не приняла участие в анкетировании, что может свидетельствовать об отсутствии интереса к лингвистическим проблемам СМИ у первых двух групп. Это вполне ожидаемый результат, объясняемый узкой направленностью проводимого исследования. Группа населения в возрасте 40–49 лет представлена 14,3 % респондентов. По остальным группам распределение отражено равномерно (21,4 %).

Образование респондента: есть ли зависимость?

Логичным продолжением тематики второго вопроса является сегментирование целевой аудитории по уровню образования. При работе с аллюзиями автор сообщения должен учитывать общий уровень эрудиции реципиента. Современный мексиканский исследователь Маседо Родригес, ссылаясь на позицию Ж. Женетта, утверждает, что «в действительности именно читателю приходится идентифицировать ссылки на те или иные ранее созданные тексты – гипотексты (следуя терминологии Женетта), чтобы увидеть их функцию в самих гипертекстах» (перевод наш. – А. К.)¹.

Владение усредненными данными об уровне образования целевой аудитории позволит журналисту более точно подобрать соответствующий проблематике конкретной статьи или интервью ПФ, на основе которого будет создана аллюзия, отвечающая возможностям получателей СМИ ее идентифицировать и корректно трактовать, следуя вложенному автором смыслу. Методом, аналогичным описанному выше при определении возрастных

групп, уровни образования респондентов распределены следующим образом (см. рис. 3):

Учитывая тот факт, что образование респондента может отличаться от общепринятых в испаноговорящих странах (например, образование было получено в какой-либо другой стране, но при этом человек вернулся домой, живет и работает в своей родной стране), предлагался вариант: *Другое (пожалуйста, укажите) / Otro (indíquelo, pro favor)*. Как показали результаты опроса, данное решение было правильным: 7,1 % респондентов воспользовались этим вариантом, указав ученую степень магистра (Máster)². В итоге установилась зависимость: образование – профессия – ПФ, т. е. на узнаваемость ПФ влияют род деятельности и уровень образования человека.

ОСНОВНОЙ ВОПРОС: УЗНАВАЕМОСТЬ ПФ

Подготовка основного вопроса анкеты требовала особого подхода, учитывающего как цель исследования, так и временной фактор. Последний связан с тем, что на выполнение сложного задания респонденту понадобится затратить много личного времени, а это может привести к снижению интереса к заполнению анкеты и, как следствие, уменьшению

² Ввиду особенностей электронного ресурса, использовавшегося для подготовки анкеты и обработки результатов, считаем необходимым кратко уточнить особенности считывания данных с представленной цветовой диаграммы. В легенде к диаграмме, изображенной на рис. 3, представлена цветовая схема, отображающая перечень различных ступеней образования по трем выделенным группам (синий [среднее образование / Secundarios (ESO, Bachillerato, Ciclo Formativo de Grado Medio)], красный [высшее образование / Diplomatura o Ciclo Formativo de Grado Superior] и оранжевый [лиценциатура и / или докторантура / Licenciatura y/o Doctorado] цвета) – это те варианты ответов, из которых респондентам предлагалось выбрать соответствующую группу, к которой относится их уровень образования. Последнее цветовое обозначение Máster (фиолетовый цвет) в анкете не отображалось. Слово Máster – это содержание ответов, внесенных респондентами самостоятельно в активную строку *Otro (indíquelo, pro favor)* (на схеме – зеленый цвет), т. е. респонденты, имеющие степень магистра. В легенде на цветовой схеме отображаются все варианты ответов, в том числе вписанные респондентами самостоятельно в активную строку и сама активная строка. Однако на круговой диаграмме сегмент зеленого цвета не представлен, так как в противном случае мы имели бы два результата по одному и тому же варианту ответа.

¹ ...son éstos los que, en realidad, tendrían que identificar las referencias a ciertos textos previos (el hipotexto, de acuerdo con Genette) para notar cómo están funcionando dichas referencias en los hipertextos [Macedo Rodríguez, 2008].

количества полностью заполненных анкет. Изначально предполагалось предложить респондентам задание идентифицировать аллюзию и соответствующий ПФ в отобранных контекстах. Однако результаты пробного заполнения нескольких анкет показали, что на полное выполнение всех заданий уходит от 15 до 20 минут (ознакомление с контекстами, воспоминания, размышления, а также ответы на первые девять вопросов). В итоге было принято решение упростить задание. Респондентам предложили список из 15 прецедентных феноменов, относящихся к истории и культуре разных стран (Испании, России, древних цивилизаций, а также некоторые известные латинские афоризмы и библеизмы), а именно:

1. La torre de Babel
2. Caín y Abel
3. Alfa y omega
4. Siete años de hambre
5. David y Goliat
6. El Cid Campeador
7. La inventa de penicilina
8. La rebelión de Espartaco
9. La revolución de octubre
10. La defensa de Madrid
11. Águila no caza moscas
12. Vino, vio y venció
13. Caballo de Troya
14. El cazador negro
15. La venganza de don Julián.

В данный список вошли некоторые из тех ПФ, которые употреблялись журналистами испанских и латиноамериканских изданий в материалах различных журналистских жанров (аналитическая статья, мнение, интервью и др.).

Все ПФ были приведены на испанском языке (как в представленном списке), в том числе эквиваленты латинских афоризмов на испанском языке. Напротив каждого ПФ отображались две ячейки, одна из них соответствовала варианту ответа «узнаю», а вторая – «не узнаю». Респонденту оставалось поставить отметку в соответствующей ячейке напротив каждого ПФ. Таким образом, задание по основному вопросу было максимально упрощено

и уже не требовало значительных временных затрат (заполнение окончательной версии анкеты занимало около двух минут). Результаты обработки ответов на основной вопрос представлены на изображенной ниже диаграмме (см. рис. 4).

Положительные ответы, т. е. распознанные ПФ, отображены синим цветом, а красным, отрицательные ответы, т. е. нераспознанные ПФ. Глядя на график, нетрудно заметить, что наиболее узнаваемыми стали некоторые библеизмы, а именно: *la torre de Babel* (92,9%), *Caín y Abel* (92,9%) и *David y Goliat* (85,7%). Значительно ниже узнаваемость исторических событий и персонажей: *El Cid Campeador*, *la rebelión de Espartaco* и *la revolución de octubre* по 64,3%. Весьма неожиданным оказалось наблюдение, связанное с тем, что менее половины респондентов (42,9%) осведомлены о таком важном для истории Испании событии, как оборона Мадрида в период Гражданской войны 1936–1939 годов. При этом об одном из знаменательных событий в истории России – Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года – известно гораздо большему количеству опрошенных.

Если участники опроса не обладали знаниями о том или ином ПФ (либо на момент заполнения анкеты не смогли восстановить знания в памяти), то отмечалось поле «не узнаю». Так, по итогам обработки данных выяснилось, что наименее узнаваемым из предложенных ПФ стал персонаж *el cazador negro* – лишь 7,1% респондентов узнали героя одноименной испанской легенды. Менее трети опрошенных (28,6%) знают испанскую легенду *La venganza de don Julián*. Такая же доля респондентов пришлось на латинскую фразу *aguila non captat muscas* (*águila no caza moscas*). Однако показательно, что намного более узнаваемым стало латинское изречение *veni, vidi, vici*¹, приписываемое Юлию Цезарю.

¹ В анкету был включен один из известных в испанском языке эквивалентов – *vino, vio y venció* – как наиболее соответствующий оригинальной фразе с точки зрения стилистики. Здесь, по сравнению, например, с вариантом *llegó, vio y venció*, видна аллитерация, что позволяет повысить узнаваемость фразы с позиции визуального восприятия.

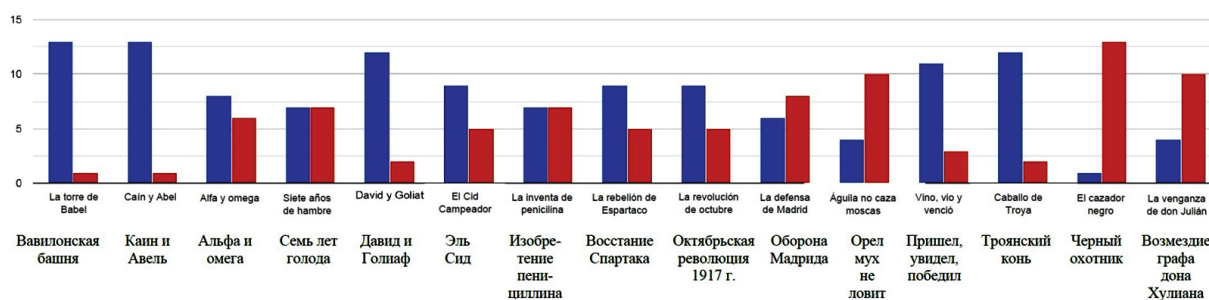

Рис. 4. Узнаваемость прецедентных феноменов

Таким образом, вероятность идентификации аллюзий, основанных на ПФ, процент узнаваемости которых высок, будет, соответственно, выше, чем с использованием менее узнаваемых ПФ.

АУТЕНТИЧНОСТЬ И ДРУГИЕ КАЧЕСТВЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Для нашего исследования также было важно установить, являются ли респонденты носителями испанского языка и относятся ли они к представителям коренного населения Испании или стран Латинской Америки (либо проживают на территории этих стран какое-то время). Соответственно, респондентам предлагалось ответить на два вопроса, в результате чего выяснилось, что испанский язык является родным для 78,6 % ответивших (см. рис. 5).

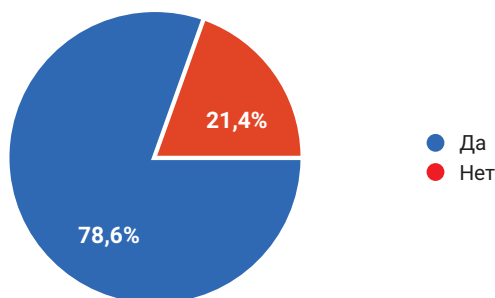

Рис. 5. Владение испанским языком

Дополнительно, до перехода к основной задаче анкетирования, респондентам было предложено ответить на три вопроса, связанных с отношением к музыкальному и кинематографическому искусству, а также литературе (вопросы 7–9). Подавляющее большинство (92,9%) положительно высказалось об отношении к музыке и кинематографу. Литературные предпочтения респондентов достаточно разнообразны: из предложенных вариантов

наиболее востребованными оказались историческая литература и хроника (см. рис. 6).

В данном вопросе допускалось отметить любое количество вариантов, в том числе вариант «другое», который, следует сказать, оказался самым популярным. Полученный результат является показателем того, что интересы участников анкетирования не ограничены предложенными жанрами. Следуя направленности нашего исследования, важно подчеркнуть, что безразличное или отрицательное отношение к литературе, музыке, кинематографу и другим видам искусства является показателем более низкой культуры и менее развитой прецедентной базы респондента.

Таким образом, достижение основной цели анкетирования должно сопровождаться решением второстепенных задач. Подобная стратегия организации и проведения опроса обеспечивает более высокое качество результатов и более высокую эффективность самого процесса сбора и обработки данных.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы проанализировали некоторые аспекты методологии анкетирования при исследовании интертекстуальных свойств аллюзии. Результаты опроса позволяют сделать несколько практических выводов. *Во-первых*, полученные числовые значения по каждому ПФ могут быть использованы журналистами при подготовке новых материалов, ориентированных на испаноязычную аудиторию. В целях повышения вероятности идентификации и распознавания аллюзии, а также повышения эффективности коммуникации при выборе соответствующих ПФ следует руководствоваться данными об их узнаваемости. *Во-вторых*, на данном этапе исследования структура опросного листа и формулировки вопросов отвечали поставленным задачам, однако в ходе обработки анкетных данных были выявлены недостатки, повлиявшие

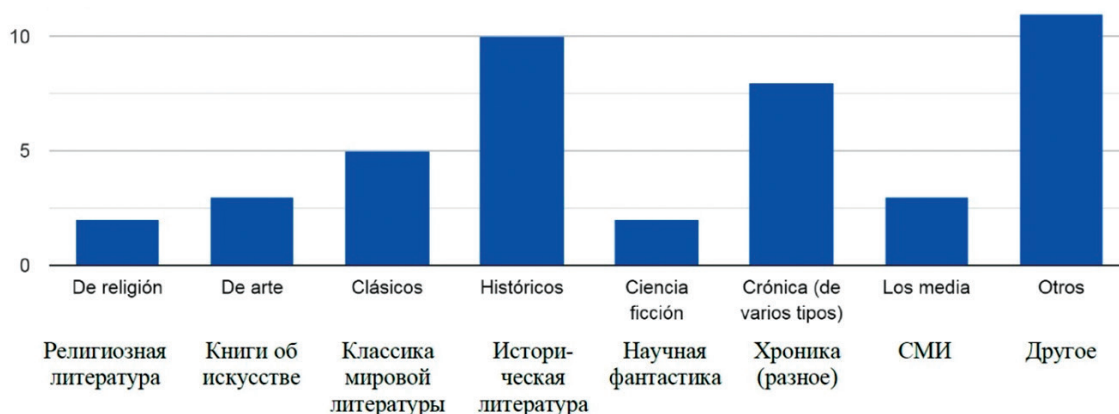

Рис. 6. Литературные предпочтения респондентов

на процесс сбора данных. При проведении дальнейших исследований рекомендуется учитывать рассмотренные особенности (как аналитического, так и технического характера), что позволит повысить качество результатов. В-третьих, разумеется, перечень ПФ не ограничивается предложенными пятнадцатью единицами, поэтому целесообразно изучать узнаваемость других феноменов. Однако следует всегда иметь в виду, что полный список

ПФ составить невозможно ввиду того, что он постоянно пополняется новыми компонентами, отражающими изменениями в жизни человека.

В заключение считаем необходимым еще раз обратить внимание на важность таргетирования опроса на целевую аудиторию. Этот фактор позволяет удерживать заданный фокус исследования и получать данные в привязке с определенным сегментом выбранной аудитории.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ильясова С. В., Амири Л. П. Язык СМИ и рекламы: игра как норма и как аномалия: монография. 3-е изд., стереотип. М.: ФЛИНТА : Наука, 2018.
2. Колесниченко А. В. Техника и технология СМИ. Подготовка текстов: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2018.
3. Тертычный А. А. Жанры периодической печати: учебное пособие для вузов. 5-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2014.
4. Martínez Albertos J. L. Curso general de redacción periodística. Lenguaje, estilos y géneros periodísticos en prensa, radio, televisión y cine. Madrid: Paraninfo, 1993.
5. Páez G. Géneros periodísticos en manuales de estilo y de periodismo // Revista Científica de UCES. 2004. Vol. 8(1). P. 80–98. URL: http://dspace.uces.edu.ar:8180/xmlui/bitstream/handle/123456789/347/G%C3%A9neros_period%C3%ADsticos.pdf?sequence=1
6. Macedo Rodríguez A. Á. La intertextualidad: cruce de disciplinas humanísticas. Ximai. Vol. 3, Número 5 (2008). M. México. URL: <https://dialnet.unirioja.es/descarga/articulo/4953777.pdf>

REFERENCES

1. Il'yasova, S. V., Amiri, L. P. (2018). Yazyk SMI i reklamy: igra kak norma i kak anomalija = The language of mass media and advertising: wordplay as a norm and as an anomaly. Moscow : FLINTA : Nauka. (In Russ.)
2. Kolesnichenko, A. V. (2018). Tekhnika i tekhnologiya SMI. Podgotovka tekstov = Media Technique and Technology. Building a Text. Textbook and Practical Course for Academic Bachelors. Moscow: Yurait. (In Russ.)
3. Tertychnyi, A. A. (2014). Zhanry periodicheskoi pechati = Genres of Periodicals. College Textbook. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)
4. Martínez Albertos, J. L. (1993). Curso general de redacción periodística. Lenguaje, estilos y géneros periodísticos en prensa, radio, televisión y cine. Madrid: Paraninfo.
5. Páez, G. (2004). Géneros periodísticos en manuales de estilo y de periodismo. Revista Científica de UCES, 8(1), 80–98. http://dspace.uces.edu.ar:8180/xmlui/bitstream/handle/123456789/347/G%C3%A9neros_period%C3%ADsticos.pdf?sequence=1
6. Macedo Rodríguez, A. Á. (2008). La intertextualidad: cruce de disciplinas humanísticas. Ximai, 3(5). México. <https://dialnet.unirioja.es/descarga/articulo/4953777.pdf>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кузнецов Андрей Валерьевич

аспирант кафедры испанского языка и перевода переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета
старший переводчик АО «Деловые решения и технологии»

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kuznetsov Andrey Valerievich

Postgraduate Student of the Spanish Language and Translation Department
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University
Senior Translator and Interpreter, AO "Business Solutions and Technologies"

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

28.12.2022
16.01.2023
01.03.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Традиции и инновации в языке шведских средневековых законов (по материалам шведских исследований)

И. В. Матыцина

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

imatits@gmail.com

Аннотация. Одновременно с созданием и укреплением национального государства в период Средневековья происходила унификация законодательства. Ландслаг короля Кристофера (Kristoffers landslag) представлял собой своего рода смешение инноваций, которые сближали язык этих законоуложений с канцелярским стилем, и традиций, сохраняющих в «законсервированном» виде более архаичный этап функционирования законов и служащих легко доступным и узнаваемым стилистическим средством, маркирующим жанровую принадлежность текста.

Ключевые слова: шведский язык, стилистика, история шведского языка, областные законы, Ландслаг, Стадслаг

Для цитирования: Матыцина И. В. Традиции и инновации в языке шведских средневековых законов (по материалам шведских исследований) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4 (872), С. 57–62. DOI 10.52070/2542-2197_2023_4_872_57

Original article

Traditions and Innovations in the Language of Medieval Swedish Laws (based on Swedish studies)

Irina V. Matytsina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

imatits@gmail.com

Abstract. Sweden's transformation into a national state and its strengthening in the medieval period were accompanied by unification of legislation. The Country Law of Christopher (Kristoffers landslag) was actually a mix of innovations, which make the language of these legislative provisions similar to officialese, and traditions used as a readily available and recognizable stylistic device to mark the genre of the text.

Keywords: Swedish, stylistics, the history of the Swedish language, regional laws, Landslag, Stadslag

For citation: Matytsina, I. V. (2023). Traditions and Innovations in the Language of Medieval Swedish Laws (based on Swedish studies). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(872), 57–62. 10.52070/2542-2197_2023_4_872_57

ОБЪЕКТ, МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье рассматриваются особенности языка средневековых шведских законов, которые объединили в себе характерные черты бытовавших в устной форме древних скандинавских законов и канцелярита, находившегося под сильным влиянием нижненемецкого языка. В качестве материала для анализа используется текст Законоуложения короля Кристофера¹ (Kristoffers landslag, Ландслаг короля Кристофера, сер. XV в.; далее ЛКК), который сравнивается с более архаичным Ландслагом Магнуса Эрикссона (Magnus Erikssons Landslag, сер. XIV в.; далее ЛМЭ). На основе этого сопоставления делаются выводы относительно традиций и инноваций, характерных для языка и стиля шведских законов периода позднего Средневековья.

ХАРАКТЕРИСТИКА ЯЗЫКА И СТИЛЯ ЛАНДСЛАГА КОРОЛЯ КРИСТОФЕРА

В диссертации, посвященной языку шведских законов, Б.-А. Вендт [Wendt, 1997] сравнивает более ранние и более поздние разделы в Ландслаг короля Кристофера, чтобы оценить, что осталось неизменным и что изменилось в языке и стиле законов за почти сто лет, прошедших со времени создания Ландслага Магнуса Эрикссона.

Анализируя тексты законов, Вендт попытался ответить на два вопроса [Wollin, 1998].

1. Можно ли считать, что стиль новых² фрагментов в Ландслаг короля Кристофера отражает актуальные изменения в языке или он подвергся намеренной архаизации, имитирующей язык и стиль более ранних фрагментов?

2. Каковы специфические черты стиля законов и как они представлены в новых положениях?

В своем анализе исследователь исходит из того, что в Средние века стиль законов изменялся вместе с культурой и обществом, переходя от эпического нарратива древних времен с его описанием конкретных ситуаций, к более общим и абстрактным формулировкам (от казуистических норм к абстрактным). Изменения в языке отражали процессы, происходившие в обществе в период позднего Средневековья: урбанизация, усиление социального расслоения, развитие книжно-письменной культуры становились предпосылкой

и одновременно создавали потребность в более абстрактном способе изложения мысли, поэтому, по мнению Вендта, образцом для Ландслага короля Кристофера стал, в первую очередь, не Ландслаг Магнуса Эрикссона, а Стадслаг – Городское законоуложение (Magnus Erikssons Stadslag, сер. XIV в.), которое само по себе уже было более современной формой законов, поскольку включало в себя нормы городского права, находившегося под сильным влиянием континентальных норм и нижненемецкого языка [Wollin, 1998].

Б.-А. Вендт называет следующие факторы, обусловившие соотношение традиции и инноваций в языке и стиле Ландслага короля Кристофера:

- 1) уход от конкретности, экспликация всеобщего,
- 2) влияние иноязычных образцов,
- 3) стабильность стиля законов,
- 4) процессы общеязыкового развития [Wendt, 1997].

Уход от конкретности, экспликация всеобщего, по мнению Вендта, проявляются в выборе синтаксических моделей и грамматических конструкций, используемых при формулировке правовых норм³: в более древних фрагментах гипотеза выражается при помощи бессоюзных условных придаточных, а также предложений, вводимых наречием *nu* (рус. *вот*), что отражает более древние – казуистические – нормы права.

Nu wil konunger a gipto ganga, oc hustru sinne morgongaafuo gifua... (*Konungxbalker* 10)⁴. – Вот хочет король жениться и жене своей утренний дар дать... (*О короле*, 10)⁵.

Ø Talar han smælik ordh, som ey gaa a hedir eller æro, böte XL marker [...] (*Konungxbalker*, 9). – (Если) он скажет оскорбительное слово, которое не идет к чести или славе, пусть платит 40 марок... (*О короле*, 9)⁶.

Не только синтаксическая структура, но и характер субъекта в части предложения, где формулируется гипотеза, влияет на то, насколько конкретно описывается ситуация: в более древних фрагментах преимущественно используется местоимение *tafer*, *tan*, которое в этом типе текстов функционально сближается с конкретными существительными (*en tan*) и является более индивидуализированным, чем абстрактно-неопределенное *nokor* (совр. шв. *någon* – рус. *кто-либо, некто*).

¹ Кристофер III Баварский (Kristoffer av Bayern), король Швеции (1441–1448).

² Новыми автор считает те случаи, где разделы закона различаются между собой больше, чем на один параграф.

³ Принято считать, что правовая норма состоит из гипотезы, (диспозиции) и санкции: если (гипотеза), то (диспозиция), иначе (санкция). URL: <https://bigenc.ru>

⁴ URL: https://project2.sol.lu.se/fornsvenska/01_Bitar/B.L1.A-KrL.html

⁵ Зд. и далее перевод наш. – И. М.

⁶ URL: https://project2.sol.lu.se/fornsvenska/01_Bitar/B.L1.A-KrL.html

Также и замена личной формы глагола на сочетание модального глагола *kan* с инфинитивом смыслового глагола (ср. *Nu kan man komma* вместо *Nu kommer man...*) в гипотезе правовой нормы, вводимой при помощи предложения, начинающегося с *nu*, рассматривается автором как свидетельство усиления абстрактной составляющей в стиле законов [Wendt, 1997; Wollin, 1998].

При формулировке санкции уход от конкретности в пользу гипотетичности проявляется в употреблении неопределенно-личных местоимений *all*, *hvar*, *ængen* (все, каждый, никакой / никто) [Wendt, 1997].

На лексическом уровне автор отмечает возросшую частотность употребления разделительного союза *eller* в новых фрагментах ЛКК (второе место после союза *ock*) по сравнению с Ландслагом Магнуса Эрикссона, где это слово было третьим по частотности употребления (после *ock* и *han*). Это расценивается как тенденция к обобщенному представлению правовой нормы, предполагающему наличие выбора из нескольких вариантов [Wendt, 1997; Wollin, 1998].

Второй фактор, оказавший влияние на стилистику ЛКК, это иноязычное влияние, под которым Вендт понимает калькирование иностранных образцов при наличии собственных ресурсов, например, выбор склонения глагола при формулировке санкций правовой нормы. В древних законах конъюнктив употреблялся с очень ограниченным кругом лексем, обозначающих действия, непосредственно связанные с отправлением правосудия на тинге (*böta*, *dylia* совр. шв. *dölja*, *vita* совр. шв. *gälda*, *væria* совр. шв. *värja* и т. д.). В остальных случаях обычно использовалась конструкция с модальным глаголом [Mattsson, 1933; Ståle, 1958]. Что же касается более поздних фрагментов, то в них количество форм конъюктива увеличивается, во-первых, потому, что большее число санкций формулируется посредством использования вышеупомянутых «юридических» глаголов, и, во-вторых, в конъюнктиве начинают употребляться и другие глаголы. В этом Вендт усматривает влияние латинских и нижненемецких текстов, причем не только юридических.

Еще один результат влияния латинского языка можно увидеть в усложнении структуры фраз и увеличении их длины. Если в более древних законах длина предложения колеблется в пределах 8,4 слов (при формулировке гипотезы) и 12,0 (при формулировке санкции), то в Ландслаге короля Кристофера средняя длина предложения вырастает, соответственно, до 11,0 и 15,0 слов [Wendt, 1996; Wollin, 1998]. То же касается использования придаточных в формулировке гипотезы правовой нормы (30 придаточных на 100 предложений в древних

фрагментах и 44 – в более новых), при формулировке санкций это различие меньше – 64 и 84.

Наиболее распространенным типом придаточных являются условные с союзом *vm* (*om*):

tho ægher han sin wapn ath tee tha wapnasynen haffs, **om han wil siit frelse nywta** (*Konungxbalker*, 20). – Тогда должен он свое оружие предъявить, когда осмотр оружия проводится, если он хочет пользоваться своими привилегиями (*О короле*, 20)¹.

В более поздних разделах ЛКК встречается также много относительных придаточных с союзом *som* и изъяснительных, вводимых союзом *at(h)*:

Först sculu the swæria a gudh oc helgadoma som the ahalda, ath the scula konunge raada thet som the wita for gudhi honom oc lande hans nyttoget oc gagnlighth wara (*Konungxbalker*, 8)². – Сначала должны они поклясться Богом и святынями, которые они почитают, что они будут королю советовать то, что, как они свидетельствуют перед Богом, для него и страны его полезным и выгодным является (*О короле*, 8).

Показательно, что тенденция к усложнению структуры фразы в текстах законов в период позднего Средневековья совпадает с отмеченной Ю. Карлквистом тенденцией к усложнению языка агиографических легенд, создававшихся в XV веке в биргиттинском монастыре в Вадстене [Carlquist, 1996].

Третьим фактором, влияющим на характер языка и стиля законов в Средние века, являются свойственные этому жанру стабильность и неизменность.

Среди анахронизмов, сохраняющихся в языке средневековых законов, Вендт отмечает: опущение субъекта, постпозицию атрибута по отношению к определяемому слову, инициальное положение отрицания в формулировках санкций и рифмованные парные формулы.

Опущение субъекта в формулировках санкций, сопровождающееся употреблением в таких предложениях конъюктива глагола-сказуемого – это хорошо известное явление, которое исследовалось многими скандинавскими лингвистами, например: П. Дидериксеном, Н. Ёргенсеном, Э. Вессеном. Ниже приведен пример из раздела «О королевской власти», в котором опущен прономинальный субъект (*han*), упоминавшийся в предыдущем контексте:

Nw orkar han eig botum, gange **0** tha til æruodhis fore konungenom ok stadhenom (*Konungxbalker*, 21)³. –

¹ URL: https://project2.sol.lu.se/fornsvenska/01_Bitar/B.L1.A-KrL.html

² Там же

³ URL: https://project2.sol.lu.se/fornsvenska/01_Bitar/A.L14.A-MEST.html

Вот он не может платить, тогда пусть идет работать на короля и город (*О королевской власти*, 21).

Также субъект часто опускается при формулировке гипотезы в бессоюзных условных придаточных, когда он легко восстанавливается из контекста или ситуации. Предпосылкой опущения субъекта в таких придаточных и в предложениях с конъюнктивом, по мнению П.Дидериксена, является инициальная позиция личной формы глагола [Diderichsen, 1941]. Со временем данная тенденция ослабевает, в частности, по данным Вендта, в более поздних фрагментах законов эта особенность встречается вдвое реже, чем в более ранних [Wendt, 1997]:

haffwer Ǿ ænkte i skipat, ok ganger tho aff, giælde halfwa skipleghe (*Skipmala balker*, 16)¹. – (Если он) не имеет ничего на корабле и всё же сошел (на берег), пусть платит половину денежного сбора (*О продаже товаров с корабля*, 16).

Постпозиция определения [Wessén, 1968], прежде всего, атрибутов со значением принадлежности, к которым Вендт относит и местоимения *hans*, *hænna*, *thæs* и *thera*, также является характерной чертой древних законов и продолжает сохраняться в более поздних редакциях, особенно в разделах, посвященных уголовному праву [Wollin, 1998]:

Forgör maþer manne ællæ kunu, <...> miste liif sit <...> (*Högmælis balker*, 5)². – Убьет мужчина мужчину или женщину, <...> (должен) лишиться жизни своей <...> (*Об особо тяжких преступлениях*, 5).

По свидетельству лингвистов [Delsing, 1991], это явление исчезло из письменной речи к середине XIV века, однако продолжало сохраняться в законах (например, в ЛМЭ количество случаев с постпозицией атрибута составляет абсолютное большинство – более 70%, по подсчетам Вендта [Wendt, 1996]).

Что же касается положения дополнения относительно глагола, то здесь ситуация иная: характерное для более древнего периода препозиционное расположение объекта по отношению к глаголу в течение классического периода древнешведского языка (начало XIII – конец XIV в.) постепенно заменяется в письменной речи постпозицией [Wenning, 1930], чтобы затем, в поздний древнешведский период (конец XIV – начало XVI в.), снова начать замещаться препозицией, особенно в языке документов [Falk, 1993; Wendt, 1996]. Но так как в период, о котором идет речь (сер. XIV в.), вторая волна

изменений еще не успела набрать силу, препозиция дополнения по отношению к глаголу в текстах законов может рассматриваться как архаическая:

Ey maa bonde hustru sinna iordh sælia (*Jordhabalker*, 27)³. – Не должен бонд жене своей землю продавать (*О земле*, 27).

Вессен считает, что эта особенность восходит к более древней стадии бытования законов, и приписывает ей ритмообразующую функцию [Wessén, 1968]. Со временем эта тенденция ослабевает, однако, в ЛКК данный тип предложений продолжает оставаться довольно частотным и встречается примерно в половине случаев употребления отрицания [Wendt, 1996; Wendt, 1997].

Что же касается парных рифмованных формул, которые также традиционно считались архаической чертой, восходящей ко временам устного бытования законов и облегчающей их запоминание, то здесь мнения исследователей расходятся. Немецкие ученые доказывают, что количество аллитерирующих сочетаний в древних скандинавских законах относительно невелико, но заметно возрастает в более позднее время, и предполагают, что это «продукт импорта» с континента – такие конструкции были в то время достаточно широко распространены в документах соответствующих жанров, написанных на латыни [Ehrhardt, 1977]. Вендт считает, что, независимо от своего происхождения, объединенные начальной рифмой парные формулы тогда воспринимались как своего рода легко узнаваемый стилистический признак законов и потому активно в них употреблялись:

- *kirkiom, klærkom oc klostrum* – церквям, клирикам и монастырям,
- *j lande oc laghsaghu* – в стране и юрисдикции,
- *meth grudh oc giislom* – с порукой неприкосновенности и заложниками (*Konungxbalker*, 6)⁴.

Еще один фактор, определяющий состояние языка законов, это изменения, происходящие в языке в целом. Не будучи автономным, этот фактор создает фон для остальных. Однако Вендт выделяет его в самостоятельный пункт, чтобы объяснить изменения в синтаксисе и лексике, которые не ограничиваются языком законов, а затрагивают и прочие тексты.

Оттеснение личной формы глаголов в конец придаточного предложения происходило под влиянием нижненемецкого в поздний древнешведский период практически во всех типах текстов, не только в законах и документах [Larsson, 1931].

¹ URL: https://sv.wikisource.org/wiki/Magnus_Erikssons_landslag

² Там же

³ URL: https://project2.sol.lu.se/fornsvenska/01_Bitar/B.L1.A-KrL.html

⁴ URL: https://project2.sol.lu.se/fornsvenska/01_Bitar/B.L1.A-KrL.html

Alle oc the som j rike hans *byggia* oc *boa* (*Konungsbalker*, 2). – И все те, кто в государстве его строятся и живут (*О королевской власти*, 2).¹

В новых фрагментах текстов также значительно увеличивается количество заимствований. Большая их часть отсутствует в Ландслаге Магнуса Эрикссона и принадлежит к заимствованиям, относящимся к жизни города и пришедшим в шведский язык из нижненемецкого в период позднего Средневековья [Wollin, 1998].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Всё сказанное свидетельствует о том, что в XV веке тексты шведских законов представляли собой своего рода «смешение» инноваций и традиций, при этом инновации отражали изменения, происходящие в языке и обществе, а традиционные черты сохраняли в «законсервированном» виде более архаичный этап развития языка и служили легко доступным и узнаваемым стилистическим средством, маркирующим жанровую принадлежность текста [Wollin, 1998]. Рассмотренный материал также показывает, что новые разделы Законоуложения короля Кристофера находятся под большим влиянием латыни и нижненемецкого языка и по многим параметрам отличаются от Ландслага Магнуса Эрикссона, причем все отмеченные различия (относительная абстрактность формулировок гипотезы правовой нормы, увеличение количества придаточных и в целом усложнение синтаксической

структуры, постановка личной формы глагола в конечную позицию под влиянием нижненемецких образцов и др.) сближают язык этих законов с текстами канцелярского стиля. Черты, которые являются инновациями, но напрямую не связаны с влиянием канцелярского стиля и нижненемецкого языка, – это сокращение количества предложений с опущенным субъектом, постпозицией определения со значением принадлежности и отрицанием в инициальной позиции в формулировках санкций.

Уход от традиции и усложнение структуры находит также отражение в наличии условных придаточных предложений, встроенных в формулировку санкций правовой нормы. Это нарушает простой – хронологический (и логический) – порядок изложения, который был свойствен древним законам: гипотеза → санкция (недаром по-шведски они называются *försats* и *eftersats*), и предвосхищает появление более поздней иерархически разветвленной структуры правовых актов. Кроме того, в законах, отражающих новые общественные отношения (королевская власть, городская жизнь), встречается много новых (заимствованных) слов, которых не было в более древних законах, поскольку для регулирования отношений внутри крестьянской общины было достаточно исконной лексики [Wollin, 1998].

Таким образом, наряду с фрагментами, почти без изменений перенесенными из Ландслага Магнуса Эрикссона, Законоуложение короля Кристофера включает в себя новые части, и эти отличные от ЛМЭ разделы, даже в тех случаях, когда они содержательно опираются на более древние фрагменты, в языковом плане совершенно самостоятельны, т. е., судя по всему, написаны заново в середине XV века.

¹ URL: https://project2.sol.lu.se/fornsvenska/01_Bitar/B.L1.A-KrL.html

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Wendt B.-A. Landslagsspråk och stadslagsspråk: stilhistoriska undersökningar i Kristoffers landslag: [Doktorsavhandling (monografi)]. Lund: Studentlitteratur, 1997.
2. Wollin L. Mognande lagspråk. Stilsikt i Kristoffers landslag // Arkiv för nordisk filologi. Vol. 113. 1998, s. 175–197. (In Swed.). URL: <https://journals.lub.lu.se/anf/article/view/11587>
3. Mattsson G. Konjunktiven i fornsvenskan. Akad. avh. Lund: Gleerup, 1933.
4. Ståhle C. I. Syntaktiska och stilistiska studier i fornordiskt lagspråk. Stockholm Studies in Scandinavian Philology. New Series 2. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1958.
5. Wendt B.-A. Magnus Erikssons stadslag – en lagspråkets särling? // Arkiv för nordisk filologi, Vol 111, 1996, Lunds University Press, s. 89–111. URL: <https://journals.lub.lu.se/anf/article/view/11556/10243,95>
6. Carlquist J. De fornsvenska helgonlegenderna. Källor, stil och skriftmiljö. Svenska Fornskriftsällskapets samlingar. Häfte 262. Band 81. Stockholm: Svenska Fornskriftsällskapet, 1996.
7. Wessén, E. Svensk medeltid. En samling uppsatser om svenska medeltidshandskrifter och texter. Del 1. Landskapslagar. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1968.
8. Delsing L.-O. Om genitivens utveckling i fornsvenskan // Studier i svensk språkhistoria 2. Nordistica Gothoburgensia 14, Acta Universitatis Gothoburgensia / S.-G. Malmgren, B. Ralph (utg.). Göteborg: Göteborgs universitet, 1991. S. 12–30.
9. Wenning E. A. Studier över ordföljden i fornsvenskan. Predikatets bestämningar i äldre och yngre fornsvenskan. Ak. avh., Lund: A.-B. Ph. Lindstedts univ.-bokhandel, 1930.
10. Falk C. Non-referential subjects in the history of Swedish. Diss., Department of Scandinavian Languages, Lund: Lunds universitet, 1993. URL: <https://ur.booksc.me/book/16254576/212f15>

11. Ehrhardt H. Der Stabreim in altnordischen Rechtstexten. Skandinavistische Arbeiten 2. Heidelberg: Winter, 1977.
12. Larsson C. Ordföljdsstudier över det finita verbet i de nordisk fornspråken Ak. avh., Uppsala universitetsårsskrift. Filosofi, språkvetenskap och historiskvetenskaper. Uppsala: LundquistskaBokhandeln, 1931.

REFERENCES

1. Wendt, B.-A. (1997). Landslagsspråk och stadslagsspråk. Stilhistoriska undersökningar i Kristoffers landslag: [Doktorsavhandling (monografi)]. Lund: Studentlitteratur.
2. Wollin, L. (1998). Mognande lagspråk. Stilsikt i Kristoffers landslag. Arkiv för nordisk filologi, 113, 175–197. <https://journals.lub.lu.se/anf/article/view/11587>
3. Mattsson, G. (1933). Konjunktiven i fornsvenskan. Akad. avh. Lund: Gleerup.
4. Ståhle, C. I. (1958). Syntaktiska och stilistiska studier i fornnordiskt lagspråk. Stockholm Studies in Scandinavian Philology. New Series 2. Stockholm: Almqvist & Wiksell.
5. Wendt, B.-A. (1996). Magnus Erikssons stadslag – en lagspråkets särling? Arkiv för nordisk filologi, 111, 89–111. Lunds University Press. <https://journals.lub.lu.se/anf/article/view/11556/10243,95>
6. Carlquist, J. (1996). De fornsvenska helgonlegenderna. Källor, stil och skriftmiljö. Svenska Fornskriftsällskapets samlingar, 262(81). Stockholm: Svenska Fornskriftsällskapet.
7. Wessén, E. (1968). medeltid. En samling uppsatser om svenska medeltidshandskrifter och texter. Del 1. Landskapslagar. Stockholm: Almqvist & Wiksell.
8. Delsing, L.-O. (1991). Om genitivens utveckling i fornsvenskan. In S.-G. Malmgren, B. Ralph (utg.), Studier i svensk språkhistoria 2. Nordistica Gothoburgensia 14. Acta Universitatis Gothoburgensia (pp. 12–30). Göteborg: Göteborgs universitet.
9. Wenning, E. A. (1930). Studier över ordföljden i fornsvenskan. Predikatets bestämningar i äldre och yngre fornsvenskan. Ak. avh., Lund: A.-B. Ph. Lindstedts univ.-bokhandel.
10. Falk, C. (1993). Non-referential subjects in the history of Swedish. Diss., Department of Scandinavian Languages. Lund: Lunds universitet. <https://ur.booksc.me/book/16254576/212f15>
11. Ehrhardt, H. (1977). Der Stabreim in altnordischen Rechtstexten. Skandinavistische Arbeiten 2. Heidelberg: Winter.
12. Larsson, C. (1931). Ordföljdsstudier över det finita verbet i de nordisk fornspråken Ak. avh., Uppsala universitetsårsskrift. Filosofi, språkvetenskap och historiskvetenskaper. Uppsala: Lundquistska Bokhandeln.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Матыцина Ирина Витальевна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры германской и кельтской филологии
филологического факультета, Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Matytsina Irina Vitalievna

PhD (Philology), Associate Professor
Professor at the Department of Germanic and Celtic Philology
Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

20.12.2022
10.01.2023
01.03.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья

УДК 811.134.3

DOI 10.52070/2542-2197_2023_4_872_63

Индивидуально-авторский художественный концепт «mar / море» и его вербальная репрезентация в поэзии Софии де Мелло

В. А. Махортова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

varvara2504@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты лингвокогнитивного анализа индивидуально-авторского концепта «mar / море» португальской поэтессы Софии де Мелло (1919–2004). Для реконструкции структуры и содержания данного концепта применена компонентно-полевая модель, что дает возможность рассмотреть его как единство перцептивного, понятийного, тропеического, ассоциативного, символического и мифологического компонентов и отражает его смысловую многомерность.

Ключевые слова: художественный концепт, поэтическая картина мира, лингвокогнитивное моделирование, когнитивная лингвистика, когнитивная поэтика

Для цитирования: Махортова В. А. Индивидуально-авторский художественный концепт «mar / море» и его вербальная репрезентация в поэзии Софии де Мелло // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4 (872). С. 63–70. DOI 10.52070/2542-2197_2023_4_872_63

Original article

The Individual Author's Concept "Mar / Sea" and Its Verbal Representation in the Poetry of Sophia de Mello

Varvara A. Makhortova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

varvara2504@mail.ru

Abstract. The article presents the results of a lingua-cognitive analysis of the individual author's concept "mar / sea" of the Portuguese poet Sophia de Mello (1919–2004). A component-field model used to reconstruct the structure and content of this concept allows analyzing it as a unity of several components: perceptual, denotative, tropeic, associative, symbolic and mythological and shows the richness of its meaning.

Keywords: fiction literature concept, poetic picture of the world, lingua-cognitive modeling, cognitive linguistics, cognitive poetics

For citation: Makhortova, V. A. (2023). The individual author's concept "Mar / Sea" and its verbal representation in the poetry of Sophia de Mello. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(872), 63–70. 10.52070/2542-2197_2023_4_872_63

ВВЕДЕНИЕ

В литературной и шире – культурной традиции Португалии, страны, расположенной на побережье Атлантического океана, море занимает особое место. В португальской поэзии морской стихии посвящено огромное количество произведений: от средневековых галисийско-португальских песен-кантиг, с которых началась литература Португалии, до стихотворений современных поэтов. В творчестве каждого художника слова море предстает в новом осмыслении. Особую значимость репрезентация моря приобретает в поэзии Софии де Мелло, чьей «визитной карточкой» стала маринистическая лирика.

Цель нашей статьи заключается в лингвокогнитивном анализе поэзии Софии де Мелло, направленном на реконструкцию структуры и содержания индивидуально-авторского концепта «mar» как одной из ключевых смысловых единиц поэтической картины мира португальской поэтессы.

Принимая во внимание существование нескольких трактовок понятий «поэтическая картина мира» и «художественный концепт», отметим, что в нашем исследовании под поэтической картиной мира (далее ПКМ) понимается ментальное отражение и преобразование объективной действительности, преломленной через призму творческого сознания автора. Художественный концепт определен как содержательная, целостная и внутренне структурированная единица ПКМ, заключающая в себе опыт авторского эстетического освоения действительности и получающая вербальное воплощение в созданных писателем текстах. Укажем также, что художественный концепт рассматривается нами как ментальное явление, конструкт авторского творческого сознания, что отличает его от литературного образа, объединяющего в себе языковую и смысловую стороны [Литературный энциклопедический словарь, 1987]. Учитывая это различие, мы полагаем, что художественный концепт одновременно конкретизируется и находит вербальную репрезентацию в текстовых образах.

В качестве основного метода исследования выбран метод лингвокогнитивного моделирования, которому соответствует применение компонентно-полевой модели, дающей возможность представить художественный концепт как единство перцептивного, понятийного, ценностно-оценочного, тропеического, ассоциативного, ассоциативно-символического и мифологического компонентов. В российской когнитивной лингвистике и когнитивной поэтике перечисленные компоненты признаны типичными смысловыми составляющими художественного концепта [Тарасова, 2004; Маслова, 2011]. Конкретное смысловое наполнение

данных компонентов зависит от свойственного автору творческого видения мира. Первые три из них соотносятся с чувственным восприятием художественных денотатов, их рационально-логическим определением и эмоционально-аксиологической оценкой соответственно. Последние четыре компонента складываются на основе релевантных для писателя ассоциаций. К дополнительным методам исследования относятся метод сплошной выборки, метод анализа словарных дефиниций, а также методы стилистического и контекстуального анализа. Материалом исследования служат стихотворения Софии де Мелло, вошедшие в собрание сочинений «Obra Poética» (2015). Всего – около 800 текстов.

АВТОРСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОНЦЕПТ «MAR» КАК СМЫСЛОВАЯ ДОМИНАНТА ПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА СОФИИ ДЕ МЕЛЛО

Значимость образа моря в поэзии Софии де Мелло не вызывает сомнений у португальских и бразильских литературных критиков и филологов: К. Сейя (Ceia, 1996), Л. М. Навы (Nava, 2004), А. Бонафин Фелизардо (Bonafim Felizardo, 2012), К. Нунеш де Алмейда (Nunes de Almeida, 2014) и др. Показательно суждение журналиста и ученого Терезы Феррер Пассуш, которая называет Софию де Мелло «поэтессой моря» [Passos, 2009], а также введение нового термина «море-поэзия» («mar-poesia»), предложенного исследовательницей Эленой Консейсау Лангроувой для обозначения творческого наследия поэтессы [Langrouva, 2002]. Ведущая роль морской стихии как неотъемлемого элемента поэзии Софии де Мелло признана и российскими литературоведами. Так, во вступительной статье к первому русскоязычному сборнику португальской поэтессы «Единое начало всех вещей» Е. В. Огнева отмечает, что для Софии де Мелло «поэтическая стихия родственна стихии морской» [Андресен, 2019, с. 19], а поэт подобен мореплавателю-первооткрывателю, который стремится познать мир и «назвать до него не названное» [там же].

Лингвокогнитивный подход позволяет рассмотреть слово *mar* не только как одно из ключевых слов преимущественно субстантивной поэзии Софии де Мелло, но также как один из центральных индивидуально-авторских концептов, смысловую многомерность которого призвана отразить компонентно-полевая модель. Высокая частотность вербализации сенсорных качеств моря, характеризующая поэзию Софии де Мелло, указывает на то, что ядром концепта является перцептивный компонент. Наиболее актуальны для поэтессы

колоративная и звуковая характеристики художественного денотата. Первая представлена цветообозначениями, в основном соответствующими естественным цветам морской воды и пены: *mar azul / синее море; a verde rebentação da vaga / зеленое крушение волны; o branco das espumas / белизна пены морской*¹. К ней примыкает визуальнo-кинестетическая характеристика – движение морских волн: *o mar ondeia / море волнуется; ondas repentinas / стремительные волны*. В свою очередь, для передачи звучания моря София де Мелло использует целый ряд существительных. Некоторые из них представляют собой прямые номинации звуков моря: *som / звук, rumor / шум, ressoar / отзвук*. Другие – предполагают его персонификацию, что свидетельствует о взаимопроникновении перцептивного и тропеического компонентов концепта: *voz / голос, clamor / крик, murmúrio / шепот, canto / песня, cântico / песнь*. Прочие модальности восприятия (тактильная, ольфакторная, вкусовая) менее релевантны для авторской репрезентации моря, однако соответствующие им лексемы задействуются поэтессой в синестетических метафорах, позволяющих создать целостный текстовый образ моря. Показательным примером служит цитата из стихотворения «As grutas» / «Гроты», где совмещаются тактильная (соприкосновение с морской природой), звуковая (нулевой признак тишины), визуальная (цвет) и визуальнo-кинестетическая (движение рыб) модальности².

mergulho tocando o silêncio azul e rápido dos
peixes
я погружаюсь в воду, касаясь голубой тишины
стремительных рыб

Являясь смысловой базой для формирования индивидуальнo-авторского концепта «mar», опыт сенсорного восприятия соответствующей реалии не исчерпывает содержание данной концептуальной единицы, вбирающей в себя широкий диапазон иных, более абстрактных, признаков.

Сущностные характеристики моря в его авторском творческом осмыслении закреплены за понятийным компонентом, содержание которого может быть выражено в следующих дефинициях, сформулированных нами на основе сопоставления всех поэтических контекстов, актуальных для

¹ Здесь и далее цитаты из оригинальных текстов приведены по изданию: Andresen S. de M. B. A. Obra poética. Porto: Assírio & Alvim, 2015. Поэтические переводы – по книге: Андросен С. де М. Б. А. Единное начало всех вещей: избранные стихотворения в русских переводах / отв. ред. Ю. Г. Фридриштейн. М.: Центр книги Рудомино, 2019. Подстрочный перевод наш. – В. М.

² См. также стихотворения «Mar» (1944) / «Море» (1944), «Princípio de verão» / «Начало лета» и др.

реконструкции индивидуальнo-авторского концепта «mar»:

- 1) огромное по площади и глубине водное пространство;
- 2) стихия, обладающая неиссякаемой энергией.

Соотнесение данных дефиниций со словарно закрепленными значениями лексемы *mar* как единицы португальского языка свидетельствует о расширении денотативно-понятийного компонента индивидуальнo-авторского концепта, поскольку лишь первая из них совпадает со значением слова *mar*, представленным в лексикографических источниках³. Вторая дефиниция в доступных нам словарях не зафиксирована.

Ценностно-оценочный компонент индивидуальнo-авторского концепта отличается амбивалентностью. С одной стороны, концепт «mar» в ПКМ Софии де Мелло приобретает высокую положительную ценность, так как является носителем постоянных признаков исконной красоты и чистоты, соответствующих эстетическим идеалам поэтессы. Типичны следующие примеры, в которых указанные признаки переданы номинирующими их именами прилагательными и существительными: *imagem límpida do mar / чистый образ моря; as ondas do mar puríssimas / чистейшие волны моря*.

Como se a beleza
Da lua ou do mar
Nada mais quisesse
Que o próprio brilhar
Canção

Словно красота
Луны и моря
Не желала ничего,
Кроме собственного блеска
Песня

С другой стороны, концепт «mar» имеет ряд негативных коннотаций, обусловленных входящими в его состав признаками опасности и разрушительной мощи:

Outros se perderam
no repentino azul dos temporais
Navegações. Deriva. III

Другие в синеве внезапных бурь навек
исчезли
Плавания. Дрейф. III

³ Priberam – Dicionário Priberam da Língua Portuguesa. URL: <https://dicionario.priberam.org/mar>

Caldas Aulete – Dicionário da Língua Portuguesa na Internet. URL: <https://aulete.com.br/mar>

Вероятно, именно сочетание этих противоречивых ценностно окрашенных признаков наилучшим образом передает свойственное лирическому «я» видение морской стихии:

Mas por mais bela que seja cada coisa
Tem um monstro em si suspenso
No fundo do mar

Но во всяком дивном создании в некий час
Проснется монстр: он давно караулит нас
На дне морском, пер. Е. Хованович

Объединение полярных начал проявляется и в авторской символике моря. Как стихия море символизирует сочетание гармонии и хаоса, которые, однако, не приобретают аксиологического смысла в пейзажной лирике Софии де Мелло, но предстают как силы, диалектически дополняющие друг друга. Гармония соотносится с идеей упорядоченности форм, порядка как такового: *ondas ordenadas* / *упорядоченные волны*.

oi no mar que aprendi o gosto da forma bela
Foi no mar que aprendi...

Меня научило море любить совершенство
формы
Меня научило море...

Хаос представлен как еще не оформленная первозданная материя:

...um rio
Que me levou para o mar de longas crinas
Onde o caos recomeça incorruptível
Fechei à chave

...река,
Которая привела меня к длинноривому морю,
Где вновь начинается первозданный хаос
Закрyla на ключ

Еще одно символическое значение моря, актуальное для Софии де Мелло, состоит в ассоциировании постоянно движущихся морских вод с циклом бытия, объединяющим рождение, жизнь, смерть и возрождение (воскрешение). Морское побережье концептуализируется как место рождения души лирического «я»:

Porém nele não oiço
Nem o marulho de Cós nem o de Egina
Mas sim o cântico da longa vasta praia
Atlântica e sagrada

Onde para sempre a minha alma foi criada
O búzio de Cós

Только слышу я в нем (*в шуме ракушки*)
Не волны шумливые Коса или Эгины,
А безграничной Атлантики голос,
Звучащий свято
Там, где моя душа родилась когда-то
Ракушка с острова Кос

Путешествие по морскому простору дает чувство полноты жизни:

De água, luz e vento
Os seus corpos se tornam
Inteiros e ritmados
À própria essência da vida relegados
A viagem

От воды, света и ветра
Их (*мореплавателей*) тела приобретают
Целостность и гибкость,
И они словно возвращаются к самой жизни
Путешествие

И в то же время оно грозит гибелью:

E o mar o devorou com o instinto de destino que
há no mar¹
Navegações. Deriva. IV

Его поглотило море, с которым споря,
испытывал он судьбу
Плавания. Дрейф. IV

Однако физическая смерть не становится преградой для духовного возрождения:

Quando eu morrer voltarei para buscar
Os instantes que não vivi junto do mar
Inscrição

Возвращусь после смерти на берег
морской,
Чтобы слушать, как прежде, ветрá и прибой
Надпись

Как необъятное водное пространство море символизирует бесконечность:

Mar sonoro, mar sem fundo, mar sem fim
Mar sonoro

¹ Стихотворение посвящено португальскому мореплавателю Бартоломеу Диашу (ок. 1450–1500).

Море шумное, ни берега, ни дна
Море шумное

В составе символического компонента концепта «mar» этот признак дополняется темпоральным признаком вечности, которая интерпретируется поэтессой не как отсутствие времени, но как его постоянное обновление, подобное нескончаемому рокоу моря:

De novo o canto o murmurar o mar
Que se repete intacto e sacral

Mar

Вновь песнь и шепот моря,
Которые всё повторяются, неизменные
и священные

Море

Сочетая в себе все отмеченные значения, концепт «mar» предстает как авторский символический репрезентант Вселенной, приоткрывающей свои тайны первооткрывателям и поэтам:

lusiada que parte para o universo puro
Poema inspirado nos painéis...

лузитане, что направляются навстречу
чистой вселенной

Поэма, вдохновленная панно...

Еще большим смысловым разнообразием отличается ассоциативный компонент индивидуально-авторского концепта. В его состав входят четыре группы авторских ассоциатов. К тематической группе относятся концепты «luz / свет», «vento / ветер», «jardim / сад», которые, наряду с концептом «mar», соотносятся с природными реалиями, наиболее значимыми для ПКМ Софии де Мелло. Основанием для объединения данных концептов является, скорее, не признак смежности: море, свет, ветер, сад как слагаемые гармоничного пейзажа, но признак сходства: море, свет, ветер, сад как первозданные элементы природного мира. См., например, начальные строки стихотворения «Eu falo da primeira liberdade...» / «Я говорю о первой свободе...»:

Eu falo da primeira liberdade
Do primeiro dia que era mar e luz

Dança, brisa, ramagens e segredos

Я говорю о первой свободе,
О первом дне, который весь был море и свет,
Танец, бриз, ветви и тайна

Географическую группу образуют Португалия, Греция, Восток и Бразилия как наиболее часто репрезентируемые поэтессой локусы, связанные с морской стихией. Историко-культурный характер имеет единственный, но чрезвычайно важный для португальской лингвокультуры ассоциат – морское плавание. Наконец, последнюю группу составляют эмоционально окрашенные ассоциаты моря, как положительные: сильные эмоции (изумление, восторг, радость), тайна, свобода, уединение, юность, поэзия; так и отрицательные: гибель, забвение, трагическая любовь. Отдельного рассмотрения, на наш взгляд, заслуживают ассоциативные линии «море – морское плавание» и «море – трагическая любовь», поскольку обе прочно укоренены в португальской литературной традиции, однако в творчестве Софии де Мелло получают новое авторское развитие. Специфика первой из указанных ассоциативных линий состоит в интерпретации португальских морских экспедиций не в экспансионистском, героическом или мистическом ключе, но в гносеологическом аспекте. Иными словами, португальские мореплаватели для Софии де Мелло являются прежде всего не покорителями мира, но его исследователями, желающими познать его во всем многообразии. Наиболее полно эту мысль поэтесса выражает в поэтическом цикле «Navegações» / «Плавания», вступающем в интертекстуальный диалог с национальной эпической поэмой Луиса Важа де Камозанса «Лузиады», а также с проникнутым мистицизмом «Посланием» Фернандо Пессоа.

Вторая ассоциативная линия «море – трагическая любовь» своеобразна, так как море в лирике Софии де Мелло представлено не как причина разлуки влюбленных, как это происходит, например, в городских романсах-фаду, но как фон, на котором разворачиваются сюжеты стихотворений на тему несчастливой любви. К таким стихотворениям относятся: «Soneto de Eurydice» / «Сонет Эвридики», героиня которого ищет Орфея среди морских просторов; «Tristão e Isolda» / «Тристан и Изольда», в котором легендарные возлюбленные проходят над морским горизонтом, метафорически пересекая границу между жизнью и смертью. А также «Gruta de Camões» / «Грот Камозанса», лирический герой которого, великий португальский поэт, находясь на берегу Индийского океана, вдали от родины, вспоминает

Branças amadas
Mortas tão cedo

Светлоликих любимых,
Ушедших так рано.

В отличие от ассоциативного компонента, получающего языковую репрезентацию в широком контексте (стихотворной строфе, целостном стихотворении или цикле стихов), тропеический компонент вербализируется в более узком контексте – на уровне тропов. Основными инвариантами, к которым восходит многообразие тропов, используемых Софией де Мелло для репрезентации моря, являются:

- море – живое существо (*o mar respira / море дышит*):

no respirar do mar – в дыхании моря;
море – человек:

E o mar imenso solitário e antigo,
Parece bater palmas

Meio-dia

И море, огромное, одинокое и древнее,
Словно хлопает в ладоши

Полдень

o arcaico sorrir do mar recém-criado
Navegadores

Древняя улыбка недавно созданного моря
Мореплаватели

- море – животное (конь, спрут):

As cavalgadas do mar largo
Paisagem
Кавалькады широкого моря
Пейзаж

No mar corriam todas as quadrigas
Teu passo...
По морю проносились все квадриги
Твой шаг...

Um oceano de músculos verdes
Um ídolo de muitos braços como um polvo
Descobrimento

Зеленые мускулы океана,
Подобного идолу с множеством рук, словно
у спрута

Открытие

Обладея анимистическим, антропоморфным и зооморфным характером соответственно, данные инвариантные модели формируются на

основе наделения морской стихии признаком одушевленности. Это же характерно для авторской тропеической концептуализации иных природных реалий и передает свойственное поэтессе видение природного мира, как воплощения единой Мировой Души. Например:

...sol, senhor dos muros dos
Pátios dos terraços

O sol o muro o mar

...солнце – властелин стен, Внутренних
дворов и террас

Солнце, стена, море

o vento bailador das Primaveras
As rosas

танцующий ветер весны

Розы

E o jardim tremeu,
Pálido de esperança

Abril

И вздрогнул бледный сад,
Исполненный надежд

Апрель

В качестве дополнительных (менее часто активируемых) инвариантов тропеического уровня нами выделены модели:

- море – открытое пространство:

Planície infinita
Que ninguém habita
No alto mar

Бесконечная равнина,
Никем не обитаемая
В открытом море

- море – целостное пространство: *círculo do mar / круг моря*;

- море – чудо:

Seres um milagre criado só para mim
Mar sonoro

Ты – чудо, созданное лишь для меня
Море шумное

Отдельную группу образуют инварианты, в которых море выступает в роли второго элемента:

- человек / люди, их душа – море:

Mar,
Metade da minha alma é feita de maresia
Atlântico

Море,
Половина души моей состоит из ветра
морского
Атлантика

Como a voz do mar
Interior de um povo
Revolução

Как голос моря,
Звучащий в душе народа
Революция

- мифологическое существо – море:

Eras a pureza e a força do mar
Apolo Musageta
Ты был чистотой и силой моря
Аполлон-Мусагет

Então dirá que é o abismo do mar e a
multiplicidade do real
Minotauro

Тогда он (*Минотавр*) скажет, что он – это бездна
моря и многообразие реальности
Минотавр

Последняя из рассмотренных моделей коррелирует с мифологическим компонентом концепта «mar». Конкретизирующие смысловое содержание данного концепта текстовые образы становятся неотъемлемой частью античных мифов и легенд, воссоздаваемых или пересоздаваемых Софией де Мелло. Помимо упомянутых ранее сюжетов, связанных с именами Орфея и Эвридики, Аполлона, Минотавра, к ним относится миф об Одиссее. Непосредственную отсылку к этому мифу в его традиционном варианте содержит стихотворение «O rei de Ítaca» / «Царь Итаки». В то время как в стихотворениях «Em Hydra, evocando Fernando Pessoa» / «На острове Гидра, призывая Фернандо Пессоа» и «Cícilades» / «Киклады» данный миф претерпевает значительную трансформацию. Осуществляя авторский блэнд (смысловую проекцию), в роли странствующего Одиссея София де Мелло представляет Фернандо Пессоа. Становясь лирическим героем обоих стихотворений, поэт-создатель множества творческих масок (гетеронимов), посещает греческие острова и приобщается к целостности бытия,

которой, по мнению Софии де Мелло, он был лишен в реальной жизни.

Не менее значимым для концептуализации моря в мифологическом ключе для Софии де Мелло является космогоническая мифология. Море в ее стихах соотносится с идеей сотворения мира:

as águas verdes em sua transparência me diluem
<...>
vejo o mundo nascer e ser criado
As grutas

зеленые воды растворяют меня в своей
прозрачности <...>
я вижу, как мир рождается, как он создается
Гроты

Кроме того, оно предстает как источник жизни и начальная точка бытия:

O mar azul e branco e as luzidias
Pedras – o arfado espaço
Onde o que está lavado se relava
Para o rito do espanto e do começo
Onde sou a mim mesma devolvida
Em sal espuma e concha regressada
À praia inicial da minha vida.
Inicial

Синеет море, гребни волн белеют,
Блещат омытые прибоем камни,
И все имеет облик первозданный.
Саму себя я снова обретаю,
Когда я прихожу туда, где скалы,
Соленый воздух, пена и ракушки,
Туда, где жизнь брала свое начало.
Начало (пер. В. Махортовой)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, применение компонентно-полевой модели позволило нам воссоздать структуру и содержание индивидуально-авторского концепта «mar» как важнейшего элемента ПКМ Софии де Мелло. Специфика этого концепта состоит в перцептивном ядре, ведущие модальности (визуальная и акустическая) которого обусловлены естественными характеристиками художественного денотата. А также в расширении содержания концепта за счет разносторонних: понятийно-денотативных, аксиологических и ассоциативно-обусловленных авторских приращений смысла. Смысловая трансформация концепта «mar» в поэтической картине мира Софии де Мелло заключается и в новой

интерпретации традиционных для португальской литературы ассоциативных линий: «море – морское плавание» и «море – трагическая любовь». Представляя собой одну из главных смысловых единиц ПКМ Софии де Мелло, концепт «mar» соотносится с ведущими тенденциями творчества португальской поэтессы. С одной стороны, это

ориентированность на внешний, чувственно воспринимаемый мир. С другой стороны, подчиненность поэтического творчества идее поиска единых начал бытия и глубинных закономерностей, действующих во Вселенной, авторским символом которой становятся морской простор и морская стихия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987.
2. Тарасова И. А. Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте (на материале поэзии Г. Иванова и И. Анненского): дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2004.
3. Маслова Ж. Н. Поэтическая картина мира и ее репрезентация в языке: дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2011.
4. Passos T. F. Escritos Voando no Tempo (ensaios dispersos em jornais e revistas). São Paulo: Escrituras Editora. 2009.
5. Langrouva H. C. Mar-Poesia de Sophia de Mello Breyner Andresen: Poética do Espaço e da Viagem I // Revista Brotéria. Lisboa, 2002. Vol. 154. P. 431–446.

REFERENCES

1. Kozhevnikov, V. M., Nikolaev, P. A. (Ed.). (1987). Literaturnyj enciklopedicheskiy slovar' = Literary Encyclopedic Dictionary. Moscow: Sovetskaya enciklopediya. (In Russ.)
2. Tarasova, I. A. (2004). Poeticheskij idiosstil' v kognitivnom aspekte (na materiale poezii G. Ivanova i I. Annenskogo) = Poetic idiosstyle in the cognitive aspect (based on the poetry of G. Ivanov and I. Annensky): Senior Doctoral thesis in Philology. Saratov. (In Russ.)
3. Maslova, Zh. N. (2011). Poeticheskaya kartina mira i ee reprezentaciya v yazyke = The poetic picture of the world and its representation in language: Senior Doctoral thesis in Philology. Tambov.
4. Passos, T. F. (2009). Escritos Voando no Tempo (ensaios dispersos em jornais e revistas) = Records flying through the time (essays from newspapers and magazines). São Paulo: Escrituras Editora.
5. Langrouva, H. C. (2002). Sea-Poetry of Sophia de Mello Breyner Andresen: The Poetics of the Space and Voyage I. Revista Brotéria, 154, 431–446. Lisboa.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Махортова Варвара Александровна

аспирант

старший преподаватель кафедры португальского языка переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Makhortova Varvara Alexandrovna

PhD student

Senior Lecturer of the Portuguese Language Department
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

11.01.2023
22.02.2023
01.03.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Семантическая адаптация заимствований (на материале коннотативных заимствований корейского языка)

Т. С. Мозоль

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
yoondanhee@gmail.com*

Аннотация. Заимствование из английского языка является одним из важных источников неогенеза в современном корейском языке. В процессе адаптации заимствований в языке реципиенте может происходить не только сужение или расширение семантического значения, но и коннотативный сдвиг. Адаптация заимствований в корейском языке еще требует изучения как в отечественном, так и в зарубежном языкознании. При этом вопрос изменения коннотации заимствований получил наименьшее освещение. В связи с этим данная работа посвящена рассмотрению примеров заимствований с коннотативным сдвигом.

Ключевые слова: коннотативный сдвиг, избыточные заимствования, пейорация, мелиорация, англицизмы в корейском языке

Для цитирования: Мозоль Т. С. Семантическая адаптация заимствований (на материале коннотативных заимствований корейского языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4 (872). С. 71–79. DOI 10.52070/2542-2197_2023_4_872_71

Original article

Semantic Assimilation of Borrowings (focusing on connotative loans in Korean)

Tatiana S. Mozol

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
yoondanhee@gmail.com*

Abstract. In the process of adapting borrowings in the recipient language there may be not only a narrowing or expansion of semantic meaning, but also a connotative shift. Borrowing from English is one of the important sources of neogenesis in modern Korean. The problem of the adaptation of loanwords in Korean is not sufficiently studied in both domestic and foreign linguistics. At the same time, changes of connotation in borrowings has received the least coverage. Therefore, this paper investigates and analyzes the examples of English borrowings with connotative shift.

Keywords: shift in connotative meaning, connotative loans, pejoration, amelioration, English borrowings in Korean

For citation: Mozol, T.S. (2023). Semantic assimilation of borrowings (focusing on luxury loans in Korean). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(872), 71–79. DOI 10.52070/2542-2197_2023_4_872_71

ВВЕДЕНИЕ

Как правило, заимствования, обозначающие конкретные объекты реальности и термины (*радио, ракета, компьютер* и т. п.), не претерпевают значительных семантических изменений. Однако в целом заимствования в той или иной степени проходят через семантическую адаптацию в зависимости от социокультурных и лингвистических реалий языка-реципиента.

Проблема семантической адаптации заимствований в языке-реципиенте является актуальной и привлекает внимание лингвистов. Так, В. В. Виноградов отмечал: «Обычно изучается заимствование названия, вызванное заимствованием самой вещи. Явления заимствований иного рода, малоисследованные и более трудные с теоретической точки зрения, тесно связаны с общим вопросом об изменениях словаря языка, о заменах одних слов другими, о возникновении синонимов, об обогащении словаря. Заимствование слов может быть обусловлено также мотивами экспрессивного подбора, эстетической выразительности, побуждениями эвфемистического или какофемистического (грубословного) порядка» [Виноградов, 1967, с. 47].

Проблема семантической адаптации иноязычных заимствований в различных языках изучается в трудах таких ученых, как У. Вайнрайх (1954), Г. Кэй (1995), П. Павлоу (1994), Л. Холл-Лью (2002), А. Онышко и Е. Винтер-Форемел (2011), А. Аль-Азвари (2016) и др. В южнокорейском языкознании проблеме семантической адаптации заимствований посвящены труды таких лингвистов, как Р. Тайсон (1993), Но Мёнхи (2013), Ко Тонгюн (2013), Ким Сучжин (2014), Ю Чон (2015), Ким Суён (2019), А. Ямада (2021) и др., однако следует отметить недостаточность системных исследований по данной теме, выполненных с привлечением большого объема языкового материала. Проблема семантической адаптации иноязычных заимствований в корейском языке не является достаточно изученной в отечественном корееведении, в частности отсутствуют исследования по проблеме коннотативного сдвига, возникающего в процессе заимствования. Данная тема является актуальной, поскольку изменение семантики и коннотации заимствованных слов может вызывать трудности при изучении корейского языка, в процессе перевода и коммуникации.

По данным Национального института корейского языка на состояние 2001 года большая часть (58,4%) неологизмов имела иероглифическое происхождение, в то время как на неологизмы, образованные от иностранных слов, приходилось всего 25,9% новых слов [국립국어원, 2001]. Однако в XXI веке иностранные заимствования

в корейском языке ежегодно увеличиваются, так в 2019 году общее количество неологизмов, образованных при участии заимствованных слов и морфем (подавляющее большинство которых из английского языка), составило 62,9% [국립국어원, 2019]. Таким образом, количество неологизмов-англицизмов за данный период выросло почти в 2,5 раза. Заимствование иноязычной лексики (главным образом, из английского языка) является значимым явлением для современного корейского языка, поскольку заимствование англицизмов стало одним из основных источников неогенеза корейской языковой системы.

М. Хаспельмат указывает на то, что «все языки обладают достаточными креативными ресурсами для того, чтобы создавать новые слова для обозначения новых понятий»¹ [Haspelmath, 2009, с. 46]. Для появления устойчивого заимствования должна быть представлена некая «гипермотивация», не ограничивающаяся внесением новой реалии или понятия, но поддержанная относительно стабильными и долгими контактами с языком и культурой-донором, а также рядом изменений, происходящих в культуре-рецепторе [Михайлова, 2020]. Наличие тесного языкового и культурного контакта, а также особая «престижность» английского языка в южнокорейском обществе обусловили в последние годы наплыв заимствований из английского языка.

В статье рассматриваются коннотативные сдвиги, возникающие в процессе заимствования английских слов в корейском языке. Материалом данного исследования послужили данные сплошной выборки из сборников Национального института корейского языка «Неологизмы» за 2017–2019 годы, «Большой словарь стандартного корейского языка», а также материалы газет «Chosun Ilbo», «Kukmin Ilbo», «JoongAng Ilbo», «Donga Ilbo», «Hankyung» («The Korea Economic Daily»), «Maeil Gyoengje» («Maeil Business Newspaper»), «Asia Today» и др.

КОННОТАТИВНЫЙ СДВИГ В ПРОЦЕССЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ

Под «заимствованием» в данной работе понимается «элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т. п.), перенесенный из одного языка в другой в результате контактов языковых, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990]. Иноязычное слово может заимствоваться из другого языка, когда в языке-реципиенте нет синонима, или, наоборот, уже есть слово с данным значением. Во

¹ Здесь и далее перевод наш. – Т.М.

втором случае заимствование обусловлено не необходимостью заполнения языковых лагун, а, как правило, продиктовано критерием престижности, потребностью в экспрессивно окрашенной лексике, возможностью подчеркнуть принадлежность к определенной социальной группе или необходимостью эвфемизации и т. п.

Многие лингвисты: Э. Охман (1961), Б. Карстенсен (1965), Г. Теш (1978), Н. Лангер (1996), Ф. Родригес Гонсалес (1996) – условно разделяют заимствования на необходимые (necessary loans) и избыточные (luxurious loans). Необходимые заимствования – это иноязычные слова, обозначающие новый объект или понятие (денотативные заимствования), избыточные заимствования – это слова, обозначающие объекты или понятия, уже имеющие лексическое обозначение в языке-реципиенте, но выражающие его в более привлекательной, эвфемизированной, модной и прочей формах (коннотативные заимствования). Таким образом, первый тип заимствований, как правило, является прагматически немаркированным, а второй – в большей или меньшей степени прагматически маркированным. Наличие двух и более слов, обозначающих одно и то же понятие, является неэффективным с точки зрения принципа языковой экономии, поскольку вследствие этого носителям языка приходится запоминать и понимать больше слов [Bolinger, 1977]. В результате действия принципа языковой экономии в языке реципиенте могут происходить следующие изменения:

- 1) заимствованное слово заменяется эквивалентным словом принимающего языка или наоборот;
- 2) происходит семантическая и стилистическая дифференциация между заимствованием и синонимом принимающего языка.

Во втором случае происходит сужение или расширение семантического значения заимствованного слова, а кроме того может происходить коннотативный сдвиг¹ в положительную (мелиорация) или отрицательную (пейоризация) сторону. Как правило, использование заимствования в качестве эвфемизма или табуированной лексики обуславливает процесс пейоризации, а престижность и авторитетность, которым обладает заимствованное слово в глазах носителей языка-реципиента, придает дополнительную положительную коннотацию.

ПЕЙОРИЗАЦИЯ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

К одному из факторов пейоризации можно отнести эвфемизацию [Ullman, 1962]. Англицизмы широко используются в корейском языке для обозначения табуированных слов. Вследствие этого стилистически нейтральные английские слова часто имеют в корейском языке сниженную коннотацию (см. табл. 1).

¹ Под коннотацией в данной работе понимается «эмоциональная, оценочная или стилистическая окраска языковой единицы узуального (закрепленного в системе языка) или окказионального характера» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990].

Таблица 1

ЗАИМСТВОВАНИЯ-ЭВФЕМИЗМЫ

Заимствование	Корейский эквивалент	Перевод	Пример употребления заимствования
바스트 (burst)	가슴	грудь	바스트가 큰 편은 아닌데도 엄청 타이트해요! (He.nique, 26.07.2022) У меня небольшой объем груди, но (эта одежда) мне впрытк ² .
히프 (hip)	엉덩이	ягодицы	아름다운 히프를 가꾸려면 그에 적합한 운동과 식요법을 지속적으로 실천해야 한다 (Hankyung, 19.07.2008). Если хотите красивые ягодицы, необходимо постоянно выполнять соответствующие упражнения и соблюдать диету.
볼륨 (volume)	풍만한 몸매	пышная фигура	유승옥은 가녀린 허리와 달리 풍만한 볼륨감을 뽐내고 있어 눈길을 사로잡는다 (JoongAng Ilbo, 03.04.2015). Ю Сынок привлекает внимание своей тонкой талией и пышными формами.
세컨드 (second)	첩	любовник (-ца), запасной вариант	알고보니 제가 세컨드 였네요 (Promppri, 09.05.2021). Как выяснилось, я был у нее запасным вариантом.
텍사스촌 (Texas+촌)	사창가	улица красных фонарей	길음역 주변 미아리텍사스촌이 말끔한 새 아파트 단지로 변신한다 (Maeil Business Newspaper, 18.08.2020). Район «красных фонарей» у станции Крым превратится в опрятный жилой квартал.

² Зд. и далее перевод наш. – Т. М.

Кроме того, пейорации могут подвергаться заимствования, в которых происходит семантическое сужение. В английском языке, как правило, данные слова являются многозначными и употребляются в разных значениях и контекстах, попадая в корейский язык, данные заимствования начинают употребляться в ограниченном контексте в одном определенном значении, которое часто становится негативным.

Такие слова, как 마담 (madam), 호스티스 (hostess), 커넥션 (connection) и т. п., в корейском языке подверглись пейоризации и стали употребляться в ограниченном контексте. Заслуживает

внимания тот факт, что при этом ряд заимствований, например, 보스 (boss), 커미션 (commission) изначально использовались в корейском языке исключительно в узком контексте с негативной коннотацией, однако в последние годы одновременно с расширением семантического значения этих заимствований в корейском языке данные слова стали приобретать нейтральную коннотацию. Приведем примеры заимствований, получивших негативную коннотацию в корейском языке, а также заимствований, получивших негативную и позднее – нейтральную коннотацию (см. табл. 2).

Таблица 2

ЗАИМСТВОВАНИЯ С НЕГАТИВНОЙ И ДВОЙНОЙ КОННОТАЦИЕЙ

Заимствование	Корейский эквивалент	Перевод	Пример употребления заимствования
Заимствования, получившие негативную коннотацию			
마담 (madam)	술집 주인	хозяйка бара	술집 마담에게 투자금 명목으로 돈을 빌려 갔지 않은 노무현 전 대통령의 조카가 사기 혐의로 재판에 넘겨졌다 (<i>Asia Today</i> , 13.10.2014). Племянник бывшего президента Но Мухёна предстал перед судом по подозрению в мошенничестве, после того, как одолжил у хозяйки бара деньги под предлогом инвестиций и не вернул их.
호스티스 (hostess)	술집 접대부	официантка в баре	한국 여성이 일본에서 불법 체류하며 술집 호스티스로 일하다 당국에 적발됐다 (<i>Chosun Ilbo</i> , 29.06.2021). Корейские девушки, незаконно находившиеся в Японии и работавшие официантками в баре, были задержаны.
글래머 (glamour)	풍만한 몸매	пышные формы	브라질 출신 모델 겸 배우 알레산드라 Амбро시오가 글래머 몸매를 자랑했다 (<i>News 1</i> , 03.01.2023). Бразильская модель и актриса Алессандро Амброссио блистает своими пышными формами.
사이코 (psycho)	미치광이	идиот, псих	사장 앞에서 그런 말을 하다니, 김 대리 사이코 아냐? (<i>Naver Dictionary</i>). Может младший менеджер Ким просто сумасшедший, если сказал такое в присутствии директора?
매너리즘 (mannerism)	틀에 박힌 방식	шаблонность	같은 연기를 반복해서 하다보면 매너리즘에 빠질 수도 있다 (<i>Newsis</i> , 14.12.2012). Постоянное исполнение похожих ролей может привести к шаблонности.
커넥션 (connection)	인맥	связи, прикрытие	검찰은 사기단의 배후에 있는 대규모의 커넥션을 밝혀 냈다 (<i>Naver Dictionary</i>). Прокуратура выявила многочисленных покровителей, стоявших за бандой мошенников.
브러커 (broker)	중개인	брокер-мошенник	요즈음 경찰은 토지 브로커에 대한 단속을 하고 있다 (<i>Naver Dictionary</i>). – В последнее время полиция стала вести контроль за деятельностью брокеров, осуществляющих незаконные сделки с землей.
클레임 (claim)	손해 배상 청구	претензия, требование возмещения убытков	바이어로부터 클레임이 들어왔다 (<i>Hangyung</i> , 2012.12.04). Поступила претензия от покупателя.
드럼통 (drum+통)	똥똥보	толстяк	아주머니는 드럼통처럼 똥똥하셨는데 가끔 김치와 반찬을 만들어 주시곤 했다 ¹ (<i>Semakalno</i> , 18.04.2011). Тетушка была очень толстой, иногда она готовила kimchi и pancheon.
시나리오 (scenario)	가상의 결과	(негативный) сценарий событий	독일 부총리가 에너지 수급과 관련해 ‘최악의 시나리오’를 피했으며 내년 겨울까지 상황이 낙관적일 것이라고 밝혔다 (<i>Donga Ilbo</i> , 06.01.2023). Вице-канцлер Германии заявил, что с поставками энергоресурсов удалось избежать «худшего сценария» и к зиме следующего года ситуация улучшится.

¹ URL: <http://www.eswn.kr/news/articleView.html?idxno=1832>

Заимствование	Корейский эквивалент	Перевод	Пример употребления заимствования
Заимствования, получившие негативную коннотацию			
리베이트 (rebate)	뒤통	взятка, коррупционный сговор	제약사로부터 3억 원의 리베이트를 받아 챙긴 의사가 법원에서 실형을 선고받았다 ¹ . Врач, получивший взятку в размере 300 млн вон от фармацевтической компании, был приговорен судом к реальному сроку.
스폰서 (sponsor)	후원자	спонсор в обмен на сексуальные услуги	걸그룹 타히티의 멤버 지수가 스폰서로부터 ‘스폰서’제안을 받았다고 폭로했다 (<i>Chosun Ilbo</i> , 2016.01.12). Певица Чису, участница женской группы «Таити», рассказала о том, что получала от сутенеров предложения о спонсорстве в обмен на сексуальные услуги.
미스 (miss) 미스터 (mister)		мисс, мистер (к нижестоящим)	미스 김, 사무실 커피 좀 줘 (<i>Мун Хёнсыл. Мисс Ким, принеси кофе</i>). Мисс Ким, принеси нам кофе.
브로 (bro)	남성 우월주의	мужское превосходство	리는 자신이 이같은 범죄에 노출된 것이 ‘бро 문화(Bro-culture)’ 때문이라고 주장했다 (<i>Kukmin Ilbo</i> , 2018.02.27). Ли утверждала, что подверглась подобным преступлениям из-за влияния культа мужского превосходства.
Заимствования с двойной коннотацией			
* 커미션 (commission)	뒤통 요금	взятка, оплата творческой работы	그는 커미션을 받아 챙긴 혐의로 구속되었다 (<i>Naver Dictionary</i>). Он был арестован по подозрению в получении взяток. 커미션 시장의 탄생 자체가 열정페이에 힘들어 하던 창작자들에 의해 이뤄졌다 (<i>Financial Today</i> , 2016.05.10). Появление коммерческого творческого рынка стало результатом усилий творческой интеллигенции, которая вынуждена была работать за копейки.
* 보스 (boss)	두목 상사	глава преступной группировки начальник	동대문과 보스 이정제가 정치깡패의 대표주자다. (<i>Hankyung</i> , 2020.06.27). Глава преступной группировки Ли Чонжэ – типичный представитель политической мафии. 나의 보스는 거래처에 전화하는 걸 싫어한다 (<i>Naver Blog</i> , 2022.09.01) ² . Мой начальник не любит разговаривать с клиентами по телефону.
* 팁 (tip)	수고비 정보, 조언	чаевые для официантки из бара подсказка, совет	국세청은 유흥업소의 접대부등이 받는 봉사료(팁)에 대한 과세방안을 검토키로했다 (<i>Hankyung</i> , 1998.01.08). Налоговая служба приняла решение о рассмотрении проекта о налогообложении с чаевых, получаемых официантами в увеселительных заведениях. 스카이스캐너에서 알아두면 두고두고 유용한 팁 8가지를 소개한다 (<i>Skyscanner</i> , 2019.04.05) ³ . Представим вам восемь полезных советов от компании «Скайсканер».

Попадая в корейский язык, англицизмы приобретают узкоспециальное, ограниченное по контексту, употребление и негативную окраску. Напротив, слова иероглифического происхождения (например, 선생님 / учитель, 공주 /

принцесса), имевшие изначально ограниченную сферу употребления и отличавшиеся высоким стилем, став широкоупотребительными, переходят в разряд стилистически нейтральных [노명희, 2013, с. 511–512].

¹ URL: <https://acrc.go.kr/briefs/201702/sub3.html>

² URL: <https://blog.naver.com/crongpia/222863634774>

³ URL: <https://www.skyscanner.co.kr/news/tips/8tips-need-to-know-before-heading-to-vietnam>

МЕЛИОРАЦИЯ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ
ЗАИМСТВОВАНИЙ В КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Одним из основных факторов мелиорации англо-язычных заимствований является престижность английского языка и американской культуры в

Республике Корея, что придает им терминам имидж принадлежности к «высокой» культуре и особую авторитетность. Таким образом, отдельные заимствования, имевшие в английском языке нейтральную или негативную коннотацию, приобретают в корейском языке положительную коннотацию (см. табл. 3).

Таблица 3

ЗАИМСТВОВАНИЯ, ПОЛУЧИВШИЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНУЮ КОННОТАЦИЮ

Заимствование	Корейский эквивалент	Перевод	Пример употребления заимствования
레스토랑 (restaurant)	식당	ресторан (дорогой ресторан, ресторан западной кухни)	미쉐린 가이드에서 미쉐린 등급을 받은 모든 레스토랑을 찾아보세요 (Michelin Guide) ¹ . Посмотрите в путеводителе о всех ресторанах, получивших звезды Мишлена.
쿠키 (cookie)	과자	печенье	커피 원두는 초콜릿, 바디 스크럽, 머핀, 쿠키 및 케이크에 널리 사용됩니다 (Asia Times Korea, 04.01.2023). Зерна кофе широко используются для изготовления шоколада, скрабов для тела, кексов, печенья и тортов.
무드 (mood)	기분	(хорошее) настроение, атмосфера	태양이 감탄을 불러일으키는 역대급 무드를 완성했다 (The Korea Daily, 04.01.2023). Тхэяни создал необыкновенную атмосферу, вызывающую восторг.
티슈 (tissue)	휴지	салфетка (мягкая, салфетка для снятия макияжа)	코를 풀 때는 부드러운 티슈를 사용해 가능한 한 자극을 주지 않도록 하는 것이 중요하다 (KoreaMedicare, 15.03.2022) ² . Когда вы сморкаетесь, важно использовать для этого мягкую салфетку и делать это по возможности аккуратно.
브레인 (brain)	뇌	интеллектуал	그 회사의 기획실은 뛰어난 브레인으로 구성되어 있어 항상 훌륭한 방안을 제시한다 (Naver Dictionary). В плановом отделе компании работают лучшие умы, поэтому они всегда представляют отличные проекты.
드레스 (dress)	원피스	платье (дорогое и изысканное)	김건희 여사는 화이트 A라인 드레스코드를 선택했다 (Hankyung, 30.06.2022). Госпожа Ким Конхи остановила свой выбор на белом платье А-силуэта.
헤어샵 (hair shop)	미용실	парикмахерский салон (изысканный и дорогой)	대통령 전담 미용사가 원장으로 있는 헤어샵으로 전화를 걸었다 (Herald Economy, 09.12.2016). Мы позвонили в парикмахерский салон, который возглавляет бывший парикмахер президента.
셰프 (chef)	요리사	повар, шеф-повар (в дорогом ресторане)	한인 스타셰프 데비 이 한식당 연다 (The Korea Daily, 04.01.2023). Известный корейский шеф-повар Деби Ли открывает корейский ресторан.
바이어 (buyer)	구매자	покупатель (зарубежная компания)	외국 바이어와 판매 계약을 맺다 (Naver Dictionary). Заключать договор купли-продажи с зарубежным покупателем.
메이커 (maker)	제조업자	производитель (известный бренд)	그는 메이커 아닌 옷을 안 입는다 (Naver Dictionary). Он носит одежду только известных брендов.
스키니하다 (skinny)	날씬하다	стройный	송해나의 동안 외모와 함께 모델다운 스킨리한 몸매도 눈길을 끌었다 (TWNews, 13.12.2022). Молодое лицо и стройная фигура Сон Хэна привлекли внимание.

¹ URL: <https://guide.michelin.com/kr/ko/restaurants>

² URL: <https://kormedi.com/1386173/%EF%BB%BF%EC%B4%88%EC%B7%8C%ED%95%9C-%EB%AA%B0%EA%B3%A8-%EA%B0%90%EA%B8%B0-%ED%99%98%EC%9E%90%EB%8F%84-%EC%83%9D%EA%B8%B0-%EC%9E%88%EC%96%B4-%EB%B3%B4%EC%9D%B4%EB%8A%94-%EB%B2%95-7/>

Займство- вание	Корейский эквивалент	Перевод	Пример употребления заимствования
와이프 (wife)	아내	супруга	이쪽은 제 와이프입니다 (Naver Dictionary). Это – моя супруга.
나이브하다 (naive)	순진하다	наивный	어떻게 그렇게 나이브한 사고를 할 수 있는지 (ShinDongA, 29.07.2022). Как же можно так наивно думать.
파이팅 (fighting)	힘내	Держись! Давай!	우리 팀, 파이팅! (Naver Dictionary). Наша команда, держитесь, ребята!
비전 (vision)	포부	видение, концепция	양사는 프레스 행사를 개최하며 회사 비전을 공유했다 (Chosun Ilbo, 05.01.2023). Обе компании провели встречу с прессой, в ходе которой представили свое видение развития компании.
마니아 (mania)	미치광이	увлечение (чем-либо), любитель (чего-либо)	게임과 애니메이션 마니아들의 축제 현장 (Aju News, 14.12.2022). Фестиваль любителей компьютерных игр и аниме.
실버 (silver)	노인	пожилой, для пожилых	실버 맞춤 서비스 누리 보세요 (Chosun Biz, 06.01.2023). Воспользуйтесь услугами для пожилых людей.
비주얼 (visual)	시각적	красивый внешний вид, красавец (красавица)	배우 강세정이 그룹 ‘파파야’ 비주얼 담당 멤버였다고 고백했다 (Money Today, 05.02.2021). Актриса Кан Сечжон поведала о том, что она была лицом группы «Па-пая».
토일렛 (toilet)	화장실	туалет	스마트 토일렛 시스템은 주거 또는 상업용 환경에서 사용할 수 있도록 설계했다 (Medical Observer, 26.05.2021) ¹ . Система смарт-туалетов спроектирована так, что ее можно использовать как в жилых, так и в коммерческих помещениях.
키링남 (key ring + 남)	귀여운 남자	милый мужчина (досл. мужчина-брелок)	극 중 김희애는 김강우에게 “당황할 때 귀엽더라?”라며 단 한마디로 남편으로서의 진한을 설명한다. 이에 김강우는 ‘키링남’이라고 애칭이 생기기도 (Xportsnews, 12.03.2018). Ким Хиэ в фильме одной фразой: «Такой милый, когда расстерян» – раскрывает сущность ее мужа Чинхана, которого играет Ким Кану. Поэтому у него появляется ласковое прозвище мужчина-брелок.
아이슬 레저 (ice+ath- leisure)	냉감 의류	охлаждающая одежда	아웃도어 업체는 냉감 기술을 적용한 다채로운 아이슬레저 스타일을 선보이고 있다 (Tenant News, 05.06.2020). Аутдор-бренды представили разнообразную охлаждающую одежду, в которой применены различные технологии отведения тепла.
테러 (terror)	해, 피해	вред, вредительство	한국인들이 해당 식당의 구글 리뷰에 ‘평점 테러’를 하기도 했는데, 현재는 최근 리뷰가 거의 삭제된 상태다 (Mael Business Newspaper, 09.01.2023). Корейцы даже попробовали навредить, обрушив рейтинг на сайте «Гугл», но почти все их комментарии сейчас удалены.
사이다 (cider)	시원하다, 기분 좋다	приятный, веселый, бодрящий	막힌 속을 뽕 뚫는 대사와 행동으로 사이다 매력을 폭발시키고 있다 (Sports Chosun, 06.10.2016). Он всех очаровал своими веселыми репликами и поведением.

Как видно из приведенных выше примеров, нейтральные лексические единицы (*visual*, *wife* и пр.) или даже негативный, например, *mania*, благодаря действию механизма престижности приобретают в корейском языке положительную коннотацию. Слова, имевшие в английском языке резко отрицательную коннотацию, как например

terror – *террор*, *террористический акт*, могут приобретать в корейском языке менее отрицательную окраску (заимствование 테러 / *terror* в корейском означает «вред, вредительство») и использоваться в повседневной речи. Положительную коннотацию могут приобретать и заимствования, использующиеся в корейском языке с целью эвфемизации (такие как, например, *silver*, *toilet* и т. п.). Причем эффект эвфемизации может возникать и в процессе

¹ URL: <http://www.monews.co.kr/news/articleView.html?idxno=304291>

метафоризации. Так, например, английское слово *silver* в корейском языке употребляется в значении «пожилые люди», *ice* в словосочетании *охлаждающая одежда* – 아이슬레저 – *ice* + *athleisure* употребляется в переносном значении «охлаждающий, освежающий».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изменение коннотации заимствований представляет собой серьезную переводческую проблему, которую необходимо учитывать в процессе разработки учебных материалов по иностранному языку.

В XXI веке в корейском языке стремительно увеличились скорость и масштабы заимствования из

английского языка. В процессе заимствования происходит не только изменение денотативного значения (семантическое сужение и расширение), но и изменение коннотации заимствуемых слов. В процессе адаптации заимствований к системе корейского языка и корейской культуре происходят различные коннотативные сдвиги, заимствуемая лексика получает в языке-реципиенте новые положительные или отрицательные коннотации. Вопрос адаптации англицизмов в корейском языке не достаточно изучен и требует системного подхода. Данное исследование не является исчерпывающим, в дальнейшем необходимо изучение большего числа заимствований и анализ факторов, способствующих формированию коннотативного сдвига и т.д.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Виноградов В.В. Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка // Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1967. С. 47–68.
2. 국립국어원. 2001년 신어. 서울: 가야원, 2001. = Национальный институт корейского языка. Неологизмы 2001 года. Сеул: Каявон, 2001.
3. 국립국어원. 2019년 신어 조사. 서울: 경대디지털. 2019. Национальный институт корейского языка. Неологизмы 2019 года. Сеул: Кёндэджитхоль, 2001.
4. Haspelmath M. Lexical borrowing: Concepts and issues // Loanwords in the world's languages : a comparative handbook / ed. By Martin Haspelmath, Uri Tadmor. Berlin: Walter de Gruyter, 2009. P. 35–54.
5. Михайлова Т.А. Социокультурная мотивация и семантическое развитие латинских дублетных заимствований в древнеирландском: семья // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79. № 5. С. 87–97.
6. Лингвистический энциклопедический словарь. 1990. URL: <https://rus-lingvist-dict.slovaronline.com>
7. Bolinger D. Meaning and form. London: Longman, 1977.
8. Ullmann S. Semantics: An Introduction to the Science of Meaning. Oxford Basil Blackwell, 1962.
9. 노명희. 의래어의 의미 전이 // 대동문화연구. 2013. 제82집. 493-524쪽. = Но Мёнхи. Семантическая трансформация заимствований // Тэдонмунхваёнгу. 2013. № 82. С. 493–524.

REFERENCES

1. Vinogradov, V. V. (1967). Ob osnovnom slovarnom fonde i ego slovoobrazujushhej roli v istorii jazyka = The main lexical fund and its word-building function in the language history. In Vinogradov, V. V. (ed.), Selected works: Lexicology and lexicography (pp. 47–68). Moscow: Nauka. (In Russ.)
2. 국립국어원 (2001). 2001년 신어. 서울: 가야원 = National Institute of Korean Language (2001). New words of the 2001 year. Seoul: Kayawon.
3. 국립국어원 (2019). 2019년 신어 조사. 서울: 경대디지털 = National Institute of Korean Language (2001). New words of the 2019 year. Seoul: Kyeongdae Digital.
4. Haspelmath, M. (2009). Lexical borrowing: Concepts and issues. In Haspelmath, M., Tadmor, U. (eds.), Loanwords in the world's languages (pp. 35–54): a comparative handbook. Berlin: Walter de Gruyter.
5. Mikhailova, T. A. (2020). Socio-kulturnaya motivaciya i semanticheskoe razvitie latinskih dubletnyh zaimstvovanij v drevneirlandskom: semya = Social and Cultural Motivations and Semantic Shifts in Latin Doublet Borrowings in Old Irish: a Case of 'Family'. Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language, 79(5), 87–97. (In Russ.)
6. Linguistic Encyclopedic Dictionary. (1990). <https://rus-lingvist-dict.slovaronline.com>
7. Bolinger, D. (1977). Meaning and form. London: Longman.
8. Ullmann, S. (1962). Semantics: An Introduction to the Science of Meaning. Oxford Basil Blackwell.
9. 노명희 (2013). 의래어의 의미 전이 // 대동문화연구. 제82집. 493-524쪽 = Noh Myung-hee (2013). Aspects of Semantic Shift in Loanwords. Daedong Munhwa Yeongu, 82, 493–524.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мозоль Татьяна Сергеевна

кандидат педагогических наук, доцент
заведующая кафедрой восточных языков переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mozol Tatiana Sergeevna

PhD (Pedagogy), Associate Professor
Head of the Oriental Languages Department
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	14.01.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	25.01.2023	approved after reviewing
принята к публикации	31.01.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'42
DOI 10.52070/2542-2197_2023_4_872_80

Синергия информативов текстового информативного кода (на материале произведения В. Скотта «Waverley; or 'Tis sixty years since»)

Е. А. Огнева

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия
ogneva@bsu.edu.ru*

Аннотация. В статье рассматривается архитектура текстового информативного кода как совокупности информативов, формирующих текстовые тематические модели. Интерпретируется текстовое художественное пространство в качестве одной из базовых тематических моделей. Определяется специфика информативов, среди которых выявляются синергичные информативы. Впервые вводится авторское понятие «семантическая синергия информативов» как семантическое единство двух и более информативов информативного кода в пределах одного слова или словосочетания.

Ключевые слова: художественный текст, текстовый информативный код, информатив, тематическая модель, архитектура, художественное пространство, синергия

Для цитирования: Огнева Е. А. Синергия информативов текстового информативного кода (на материале произведения В. Скотта «Waverley; or 'Tis sixty years since») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 4 (872). С. 80–85. DOI 10.52070/2542-2197_2023_4_872_80

Original article

Informants' Synergy of the Textual Informative Code (based on W. Scott's «Waverley; or 'Tis sixty years since»)

Elena A. Ogneva

*Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia
ogneva@bsu.edu.ru*

Abstract. The article deals with the architectonics of a textual informative code as a unit of informants that form textual thematic models. The textual literary space is interpreted as one of the basic thematic models. The specific features of informants are determined, among which synergistic informants are identified. For the first time, the author's concept of "semantic synergy of informants" is introduced as the semantic unity of two or more informants of an informative code within one word or phrase.

Keywords: literary text, informative text code, informant, thematic model, architectonics, literary space, synergy

For citation: Ogneva, E. A. Informants' Synergy of the Text Informative Code (based on W. Scott's «Waverley; or 'Tis sixty years since»). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(872), 80–85. 10.52070/2542-2197_2023_4_872_80

ВВЕДЕНИЕ

В современной теории текста одним из актуальных направлений исследования предстает рассмотрение текстового информативного кода, под которым понимается совокупность лексико-грамматических и синтаксических информативов, обеспечивающих причинно-следственные связи построения текстовой сюжетно-тематически обусловленной материи¹. Сюжетно-тематическая текстовая материя / матрица в интерпретативном ракурсе различных исследовательских подходов видится в качестве многогранного информативного конструкта, функционирование которого обусловлено «культурно-языковыми кодами» [Киосе, 2021, с. 7], воплощаемыми в «измерениях динамики нарратива» [Ирисханова, 2018, с. 192], где текст – это «семиотическое пространство, в котором взаимодействуют, интерферируют и иерархически самоорганизуются языки» [Лотман, 1992, с. 152].

Современные интерпретативные подходы к сюжетно-тематической текстовой матрице основаны, по мнению В. И. Карасика, на том факте, что «постмодернистское понимание интерпретации исходит из признания поливариантности и предельной субъективности смысла» [Карасик, 2019, с. 110]. Текстовый информативный код как совокупность маркеров субъективности смысла функционирует в поле содержательной интерпретации текста под воздействием «компрессии оценочного смысла» [Голованова, Ковалева, 2017, с. 32]. Текстовый информативный код состоит из следующих информативов: маркеров невербального кода (кинем, такем, проксем, хронем, сенсем), лингвокультурем, колоративов, эмотивов, глуттонимов, фитонимов (перечень информативов может быть пополнен в зависимости от анализируемого материала), функционирование и частотность которых формирует тематическое пространство текста «в виде статистически возникающих организованностей большей и меньшей степени общности» [Белоусов, 2014, с. 16].

Превалирование того или иного типа / типов информативов текстового информативного кода в текстовой авторской проекции реального или воображаемого мира основано на подборе «ключевых элементов текста» [Даниленко, 2022, с. 10], которые, во-первых, обеспечивают «необходимую целостность тексту» [Жирова, 2020, с. 88], где целостность текста представляет собой «определенный способ концептуализации действительности» [Богачев, 2008, с. 70]; во-вторых, предопределяют типы текстов и текстовое конструирование событий.

Цель данной статьи заключается в выявлении и интерпретации синергии информативов в текстовой тематической модели, представляющей собой сегмент текстового информативного кода.

Поставлены следующие исследовательские задачи:

- 1) интерпретировать художественный текст в качестве информативного кода авторской проекции реального или вымышленного мира;
- 2) проанализировать информативы информативного кода рассматриваемого художественного произведения;
- 3) смоделировать тематическую модель «A Scottish manor-house sixty years since» / «шотландская усадьба шестьдесят лет назад» в текстовом информативном коде романа В. Скотта «Waverley; or 'Tis sixty years since» / «Уэверли, или Шестьдесят лет назад».

Материалы и методы

Материалом исследования послужили информативы текстового информативного кода, выявленные в архитектонике романа В. Скотта «Waverley; or 'Tis sixty years since».

Методы. В исследовании применены следующие методы: метод лингвистического анализа, направленный на выявление тематических сегментов текстового информативного кода романа и определение информативов, формирующих тематическую модель «A Scottish manor-house sixty years since» / «шотландская усадьба шестьдесят лет назад»; интерпретативный метод, позволяющий выявить специфику информативов, составляющих тематическую модель «A Scottish manor-house sixty years since»; метод моделирования текстовых конструктов, направленный на создание таксономической тематической модели «A Scottish manor-house sixty years since» в архитектонике текстового информативного кода в романе В. Скотта «Waverley; or 'Tis sixty years since».

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО В МОДЕЛИ ТЕКСТОВОГО ИНФОРМАТИВНОГО КОДА

Конструируемый художественный текст, рассматриваемый как «реконструкция бытия»². В свете текстовой проекции реконструкции бытия созда-

¹ Подробнее об этом см.: Огнева Е. А. Темпоральный текстовый аттрактор в информативном коде военной прозы (на материале романа Б. Васильева «А зори здесь тихие ...») // Вестник ЧелГУ. 2022. № 9 (467). С. 178–188.

² Подробнее об этом см.: Огнева Е. А. Синергия в модели текстового художественного мира // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=13955>.

ние художественного текста трактуется «как вид эстетической деятельности» [Бутакова, Мячин, 2020, с. 86], где художественное пространство определяется как «модель мира данного автора, выраженная на языке его пространственных представлений» [Лотман, 1992, с. 413] локального континуума, в котором локативность трактуется в качестве семантической категории.

Художественное пространство является базовым сегментом текстового информативного кода, поскольку все информативы кода взаимосвязаны и взаимодействуют в рамках модели текстового художественного пространства, предстающей в качестве лингвофилософского символа.

Параметры категории художественного пространства, репрезентируемого проксемами как информативами текстового информативного кода, очерчивают текстовую пространственную модель. Восприятие текста как начальный этап интерпретации носит в этом случае «ситуативно-личностное осмысление полученной информации» [Карасик, 2020, с. 14].

В целом итогом осмысления информации предстает текстовая тематическая модель как сегмент модели текстового информативного кода. В текстовой тематической модели, как показывают исследования, часть информативов могут быть синергичны в свете того, что «синергия обуславливает уникальность этнокультурной обусловленности художественной картины мира» [Алефиренко, Нуртазина, Шахпурова, 2021, с. 255].

СИНЕРГИЯ В ТЕКСТОВОЙ ТЕМАТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ «A SCOTTISH MANOR-HOUSE SIXTY YEARS SINCE»

Рассмотрение текстового информативного кода романа В. Скотта «Waverley; or 'Tis sixty years since» выявило наличие тематических моделей, среди которых модель «A Scottish manor-house sixty years since», детально представленная в данной статье, включает в свой состав значительное количество синергичных информативов. Прежде всего в названии модели проявляется синергия трех информантов: информатива-проксеми *manor-house*, информатива-лингвокультуры *a Scottish manor-house*, информатива-хронемы *sixty years since*. Вхождение информатива-хронемы в синергичную триаду информативов придает названию модели такое свойство, как «перспективность и ретроспективность» [Иваскевич, Комуцци, 2021, с. 134]. Анализ контекстов выявляет ряд закономерностей употребления информативов в рассматриваемой текстовой модели.

Пример 1

It was about noon when Captain Waverley entered the straggling village, or rather hamlet, of Tully-Veolan, close to which was situated the mansion of the proprietor. The houses seemed miserable in the extreme, especially to an eye accustomed to the smiling neatness of English cottages. They stood, without any respect for regularity, on each side of & straggling kind of unpaved street (*W. Scott. Waverley; or 'Tis Sixty Years Since*). – Было около полудня, когда капитан Уэверли вошел в разрозненную деревню, или, вернее, деревушку Тулли-Веолан, недалеко от которой располагался особняк владельца. Дома казались до крайности жалкими, особенно для глаза, привыкшего к улыбочивой опрятности английских сельских домов. Они стояли, не соблюдая никакой регулярности, по обеим сторонам какой-то разбросанной немощеной улицы¹.

В рассматриваемом контексте информатив-хронема *It was about noon* синергична проксемам *straggling village* (проксема имеет второе название *hamlet*) и проксемам-топониму *Tully-Veolan*. Сопряжены два пространства: пространство деревни и пространство, занимаемое особняком владельца деревни, посредством указания факта их близкого расположения: *close to which was situated the mansion of the proprietor / недалеко от которой располагался особняк владельца*. Характеризуя пространство деревушки, В. Скотт применил прием лингвокультурной контекстной поляризации жилья как одного из типов лингвокультурной контекстной поляризации, под которой понимается «поляризация текстовой культурной составляющей, выраженной чаще всего лингвокультурами и репрезентированной в пределах контекста» [Огнева, Гламазда, 2021, с. 79]. Писатель сопоставил шотландские и английские сельские дома в пользу последних в контексте *the houses seemed miserable in the extreme, especially to an eye accustomed to the smiling neatness of English cottages*, употребив эпитет *miserable in the extreme* по отношению к шотландским домам и олицетворение *the smiling neatness* по отношению к английским домам. Описывая пространство деревушки, В. Скотт включил дома в качестве пространственных точек в характеризующее пространство, указав на их нерегулярное расположение по обеим сторонам дороги в контексте *they stood, without any respect for regularity, on each side of & straggling kind of unpaved street*, тем самым изобразив модель пространства, подразделенного на два сегмента с вкраплением пространственных точек-домов. Описывая дома,

¹ Зд. и далее перевод наш – Е. О.

писатель придал этой модели персонифицированную пространственную категорию в качестве художественной текстовой категории.

Пример 2

The village was more than half a mile long, the cottages being irregularly divided from each other by gardens, or yards, as the inhabitants called them, of different sizes, where (for it is Sixty Years since) the now universal potato was unknown, but which were stored with gigantic plants of KALE or colewort, encircled with groves of nettles, and exhibited here and there a huge hemlock, or the national thistle, overshadowing a quarter of the petty enclosure (*W. Scott. Waverley; or 'Tis Sixty Years Since*). – Деревня была более полумили в длину, хижин были неравномерно отделены друг от друга огородами или дворами, как их называли жители, разной величины, где (ибо шестьдесят лет тому назад) не было известного теперь универсального картофеля, но которые были засажены гигантскими растениями листовой капусты и катрана, окружены рощами крапивы попеременно с то здесь, то там поселившимся громадным болиголовом или национальным чертополохом, затеняющим четверть мелкой ограды.

В рассматриваемом контексте прослеживается деление пространства деревни на отдельные персонифицированные пространства и неперсонифицированные пространства природы, которые образуют синергичную пространственную модель. Персонифицированные пространства характеризуются проксемами, сегментирующими пространство: *the cottages being irregularly divided from each other by gardens, or yards*. Подобное наименование «предметной лексики» в произведениях художественной литературы характеризует «национальные и семейные традиции и обычаи» [Бондарчук, Никулина, 2019, с. 80]. Выявлено, что синергия персонифицированного и неперсонифицированного пространства обозначена посредством перечисления фитонимов, номинирующих окультуренные растения *gigantic plants of KALE or colewort*, окруженные дикорастущими растениями *groves of nettles* и *a huge hemlock or the national*. Наряду с синергией двух пространств выявлена семантическая синергия информативов текстового информативного кода фитонима и лингвокультуры в словосочетании *the national thistle* / *национальный чертополох*. Под семантической синергией информативов предлагается понимать семантическое единство двух и более информативов информативного кода в пределах одного слова или словосочетания.

Следовательно, семантическая синергия информативов «зависит от способа подачи» [Кушнерук, 2022, с. 245], предопределяющего «особенности персонального построения текстов» [Левченко, 2018, с. 167].

Пример 3

The dry-stone walls which fenced, or seemed to fence (for they were sorely breached), these hanging gardens of Tully-Veolan, were intersected by a narrow lane leading to the common field (*W. Scott. Waverley; or 'Tis Sixty Years Since*). – Сухие каменные стены, которые ограждали или казались ограждающими (ибо они были сильно разрушены) эти висячие сады Тулли-Веолана, пересекала узкая улочка, ведущая к общему полю.

В рассматриваемом контексте выявлена синергия проксем, хронем и лингвокультурем в персонифицированном художественном пространстве:

1) в информативе *the dry-stone walls* репрезентирована семантическая синергия информативов, а именно: реалий культурно маркированной архитектуры и пространства по вертикальной пространственной оси;

2) в информативе *hanging gardens of Tully-Veolan* репрезентирована семантическая синергия информативов, а именно: синергия реалий культурно маркированного ландшафта деревни и пространства по горизонтально-вертикальной пространственной оси, поскольку сады висели по вертикали и одновременно располагались по горизонтали, более того, рассматриваемый информатив содержит культурно-историческую отсылку к садам Семирамиды (висячим садам Вавилона), одному из семи чудес Античного мира, т. е. информатив маркирует время, являясь лексическим таймером; под лексическими таймерами понимаются «словосочетания, косвенно отображающие темпорально-семантическую сторону текста» [Огнева, Бузина, 2019, с. 277];

3) в информативе *a narrow lane leading to the common field* репрезентирована семантическая синергия проксема-дромонима и лингвокультуры, номинирующей реалию быта шотландцев, а именно, узкую улочку, ведущую к полю.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Интерпретация архитектоники художественного текста в виде текстового информативного кода, состоящего из информативов, формирующих тематические модели, позволяет выявить как синергичность различных информативов, так и семантическую

синергию информативов. Рассмотрение пространственной тематической модели «A Scottish manor-house sixty years since» в текстовом информативном коде романа В. Скотта «Waverley; or 'Tis sixty years since» определило проявление семантической синергии информативов, в которых сопряжены параметры проксем, хронем и лингвокультурем.

Предложенный интерпретативный подход к рассмотрению тематических моделей в

архитектонике текстового информативного кода позволяет определить синергию различных информативов и семантическую синергию информативов в качестве одного из условий функционирования идиостиля писателя.

Изложенный в статье исследовательский подход к изучению синергии информативов текстового информативного кода может быть экстраполирован на другие литературно-художественные произведения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Киосе М. И. Секреты интерпретации текста и изображения. Конструирование и окулографический эксперимент. М.: Р. Валент, 2021.
2. Ирисханова О. К. К вопросу об измерениях динамики нарратива // Образы языка и зигзаги дискурса. Сборник научных статей к 70-летию В. З. Демьянкова. М.: Культурная революция, 2018. С. 192–215.
3. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике и типологии культуры. Избранные статьи Ю. М. Лотмана : в 3 т. Таллин: Александра, 1992. Т. 1.
4. Карасик В. И. Модусы интерпретации: эмблемы, аллегории, символы // Семантика и прагматика языковых единиц. Материалы Международной научной конференции. Калуга, 20–22 сентября 2019. Калуга: Издательство Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, 2019. С. 109–119.
5. Голованова Е. И., Ковалева О. Н. Когнитивные механизмы компрессии оценочного смысла в художественном тексте // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 3 (52). С. 31–36.
6. Белоусов К. И. Стратегии структурирования тематического пространства текста // Вестник Пермского государственного университета. Российская и зарубежная филология. 2014. № 4 (28). С. 15–25.
7. Даниленко И. А. Роль текстовых когнитивных аттракторов при построении вариативных текстовых миров // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 1. С. 6–13.
8. Жирова И. Г. Структура высказывания и система языковых коммуникативных средств: на материале современных художественных произведений // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т. 6. № 3. С. 85–98.
9. Богачев Р. Е. Фактор структуры языка в анализе языковой картины мира // Научная мысль Кавказа. 2008. № 3 (55). С. 70–74.
10. Бутакова Л. О., Мясин К. А. Компонентный состав концептуальной категории «тметогу» и ее роль в смыслообразовании текстов современной прозы // Филологический класс. 2020. Т. 25. № 3. С. 84–99.
11. Алефиренко Н. Ф., Нуртазина М. Б., Шахпуртова З. Х. Автохтонная синергия русского художественного дискурса // Русистика. 2021. Т. 19. № 3. С. 253–270.
12. Иваскевич В. В., Комуцци Л. В. Пространственно-временная структура исторического нарратива «Нерассказанные истории» британских офицеров о Крымской войне // Филологический аспект. 2021. № 5 (73). С. 132–139.
13. Огнева Е. А., Гламазда С. Н. Концепция контекстной поляризации: монография. М.: Эдитус, 2021.
14. Бондарчук Г. Г., Никулина Н. В. Семиотическая роль английской предметно-бытовой лексики в тексте // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 1 (817). С. 80–87.
15. Кушнерук С. Л. Стратегическое фреймирование как объект зарубежной коммуникативистики: истоки, проблемы, перспективы // Коммуникативные исследования. 2022. Т. 9. № 2. С. 243–259.
16. Левченко М. Н. Вербальная репрезентация категории личности в текстах различных языков и функциональных стилей // Значимые личности в языке и культуре: научное наследие Августа Шлейхера. Сб. ст. по материалам Международной научно-практической конференции, Москва, 19 ноября 2018 года. М.: Изд-во Московского государственного областного университета, 2018. С. 166–177.
17. Огнева Е. А., Бузина Е. И. Алгоритм интерпретации художественного концепта ВРЕМЯ (на материале романа Д. дю Морье «Rebecca») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 4. С. 275–279.

REFERENCES

1. Kiose, M. I. (2021). Sekrety interpretacii teksta i izobrazhenija. Konstruirovanie i okulograficheskij jeksperiment = Text interpreting secrets and images. Constructive and oculographic experiment. Moscow: R. Valent. (In Russ.)
2. Iriskhanova, O. K. (2018). K voprosu ob izmerenijah dinamiki narrative. Obrazy jazyka i zigzagi diskursa = About the Question of Measuring the Dynamics of Narrative. Images of Language and Zigzags of Discourse (pp. 192–215). Collection of papers. Moscow: kul'turnaya revolyuciya. (In Russ.)

3. Lotman, Ju. M. (1992). Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury = Papers on semiotics and cultural typology (vol. 1): in 3 vols. Tallin: Aleksandra. (In Russ.)
4. Karasik, V. I. (2019). Modusy interpretacii: jemblem, allegorii, simvoly. Semantika i pragmatika jazykovykh edinic = Modes of interpretation: emblems, allegories, symbols. Semantics and pragmatics of language units (pp. 109–119). Conference's papers, Kaluga, 20–22 September 2019. Kaluga: Izdatel'stvo Kaluzhskogo gosudarstvennogo universiteta im. K. E. Ciolkovskogo. (In Russ.)
5. Golovanova, E. I., Kovaleva O. N. (2017). Kognitivnye mehanizmy kompressii ocenocnogo smysla v hudozhestvennom tekste = Cognitive mechanisms of compression of evaluative meaning in literary text. Voprosy kognitivnoj lingvistiki, 3(52), 31–36. (In Russ.)
6. Belousov, K. I. (2014). Strategii strukturirovaniya tematiceskogo prostranstva teksta = Strategies of structuring thematic space of text. Vestnik Permskogo gosudarstvennogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija, 4 (28), 15–25. (In Russ.)
7. Danilenko, I. A. (2022). Rol' tekstovykh kognitivnykh attraktorov pri postroenii variativnykh tekstovykh mirov = The role of text cognitive attractors at the construction of variable text worlds. Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics, 1, 6–13. (In Russ.)
8. Zhirova, I. G. (2020). Struktura vyskazyvaniya i sistema jazykovykh kommunikativnykh sredstv: na materiale sovremennykh hudozhestvennykh proizvedenij = The structure of utterance and the system of language communication tools: based on contemporary literary works of art. Research result. Theoretical and Applied Linguistics, 6(3), 85–98. (In Russ.)
9. Bogachev, R. E. (2008). Faktor struktury jazyka v analize jazykovoj kartiny mira = The language structure factor in the analysis of the picture of the world. Nauchnaja mysl' Kavkaza, 3(55), 70–74. (In Russ.)
10. Butakova, L. O., Mjachin, K. A. (2020). Komponentnyj sostav konceptual'noj kategorii "memory" i ee rol' v smysloobrazovanii tekstov sovremennoj prozy = Components in the conceptual category and its role in the meaning forming of contemporary prose's text. Filologicheskij klass, 25(3), 84–99. (In Russ.)
11. Alefirenko, N. F., Nurtazina, M. B., Shahputova, Z. H. (2021). Avtohtonnoe sinergija russkogo hudozhestvennogo diskursa = Autochthonous synergy of Russian literary discourse. Rusistika, 19(3), 253–270. (In Russ.)
12. Ivaskevich, V. V., Komucci, L. V. (2021). Prostranstvenno-vremennaja struktura istoricheskogo narrativa «Nerasskazannye istorii» britanskikh oficerov o Krymskoj vojne = Spatial-temporal structure of the historical narrative: the "Untold Stories" of British officers about the Crimean War. Filologicheskij aspekt, 5(73), 132–139. (In Russ.)
13. Ogneva, E. A., Glamazda, S. N. (2021). Konceptcija kontekstnoj poljarizacii: monografija = Theory of context polarisation. Moscow: Jeditus. (In Russ.)
14. Bondarchuk, G. G., Nikulina, N. V. (2019). Semioticheskaja rol' anglijskoj predmetno-bytovoj leksiki v tekste = Semiotic role of English everyday lexis in the text. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(817), 80–87. (In Russ.)
15. Kushneruk, S. L. (2022). Strategicheskoe frejmirovanie kak ob'ekt zarubezhnoj kommunikativistiki: istoki, problemy, perspektivy = Strategic framing as an object of communication studies: origin, problems, prospects. Kommunikativnye issledovanija, 9(2), 243–259. (In Russ.)
16. Levchenko, M. N. (2018). Verbal'naja reprezentacija kategorii personal'nosti v tekstah razlichnykh jazykov i funkcional'nykh stilej = Verbal representation of personality in the texts of different languages and various functional styles. Znachimye lichnosti v jazyke i kul'ture: nauchnoe nasledie Avgusta Shlejhera (pp. 166–177): collection of papers of the International Scientific Conference. Moscow, 19 November 2018. Moscow: Moscow Region State University. (In Russ.)
17. Ogneva, E. A., Buzina, E. I. (2019). Algoritm interpretacii hudozhestvennogo koncepta VREMJA (na materiale romana D. dju Mor'e "Rebecca") = Algorithm to interpret the artistic concept TIME (by the material of Daphne du Maurier's novel "Rebecca"). Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, 12(4), 275–279. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Огнева Елена Анатольевна

доктор филологических наук, профессор,

заведующая кафедрой иностранных языков Белгородского государственного национального исследовательского университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ogneva Elena Anatolievna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor,

Head of the Department of Foreign Languages, Belgorod State National Research University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

09.01.2023
10.02.2023
01.03.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья

УДК 81.112

DOI 10.52070/2542-2197_2023_4_872_86

Анализ эмоциональных состояний в условиях цифровой коммуникации

Р. К. Потапова¹, В. В. Потапов²

¹Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия,

²Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

¹RKpotapova@yandex.ru

²Volikpotapov@gmail.com

Аннотация.

Цифровизация в области гуманитарных наук рассматривается как современный технологический процесс цифрового кодирования и декодирования в определенном формате всех видов гуманитарной информации, образующей определенную информационную среду. Изучение этой среды включает следующие аспекты: семиотический, семантический, эмоциогенный, валеологический и др. Особое внимание уделяется разработке итеративной модели, в рамках которой анализируются особенности динамики преобразования оригинального цифрового текста во вторичный цифровой интертекст и далее в третичный и n-тичный интерпретативный текст на выходе коммуникативного пространства, что приводит, по нашему мнению, к появлению по существу абсолютно нового текста, более того преобразованного с помощью специальных программ цифровой цензуры и цифрового редактирования в абсолютно новый текст. В связи с этим нами вводится понятие цифрового квазитекста, содержащего преобразованную сетевую информацию с элементами эмоциогенности и токсичности.

Ключевые слова: цифровая гуманитаристика, цифровая коммуникация, «портрет человека», психологический портрет молодых пользователей, эмоциогенность, токсичность, цифровой интер- и квазитекст

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект No 22-28-01050.

Для цитирования: Потапова Р. К., Потапов В. В. Анализ эмоциональных состояний в условиях цифровой коммуникации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4 (872). С. 86–96. DOI 10.52070/2542-2197_2023_4(872)_86

Original article

Sentiment Analysis of Digital Communication

Rodmonga K. Potapova¹, Vsevolod V. Potapov²

¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

²Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

¹RKpotapova@yandex.ru

²Volikpotapov@gmail.com

Abstract.

Digitalization in the field of the humanities is considered as a modern technological process of digital coding and decoding in a certain format of all types of humanitarian information that forms a certain information environment. The study of this environment includes many aspects: semiotic, semantic, emotional, valeological, etc. Special emphasis is given to the development of an iterative model, the analysis of which includes the dynamics of the transformation of the original digital text into a secondary digital intertext and then into a tertiary and n-ary interpretative text at the output of the communicative space, which, in our opinion, preconditions the emergence of an essentially new text; moreover, such a text is transformed with the help of special programs of digital censorship and digital editing into a completely new text. In this regard, we introduce the concept of a digital quasi-text containing transformed network information with elements of sentimentality and toxicity.

- Keywords:** digital humanities, digital communication, “person’s portrait”, psychological profiling of young users, sentimentality, toxicity, digital inter- and quasi-text
- Acknowledgments:** The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation (RSF), project No. 22-28-01050.
- For citation:** Potapova, R. K., Potapov, V. V. (2023). Sentiment Analysis of Digital Communication. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 4(872), 86–96. 10.52070/2542-2197_2023_4_872_86

INTRODUCTION

*Sentiment analysis*¹ (also known as emotion artificial intelligence or opinion mining) is the use of natural language processing, text analysis, computational linguistics (which is a whole scientific direction), and biometrics to systematically identify, extract, quantify, and study affective states and subjective information. Sentiment analysis in our case is widely applied to such digital materials as reviews and survey responses, online and social media.

Modern digital interpersonal communication has a mass nature and from this point of view there is a need to analyze the emotional state of Internet users with the involvement of various kinds of digital sentiment analysis programs. But first of all, the basis for such an analysis is to more thoroughly investigate the influence of Internet communication on the individual emotional profiling of digital Web users, which will be discussed in our article.

FEATURES OF INTERPERSONAL COMMUNICATION IN THE DIGITAL TECHNOLOGIES

In the process of converting a verbal signal, that is, a signal of a humanitarian profile into a digital code, the so-called “OSI-Model” (Open Systems Interconnection Model) is used all over the world, that is designed to transfer multi-level data and was developed in 1977 by the International Organization for Standardization (ISO). This model is multi-layered and includes seven level positions: from the level of application purpose to the level of information transfer in bits, including the levels of presentation, localization, transportation (transfer), delivery and security [Digital Humanities, 2017]. With regard to the humanities, the use of digital technologies is expedient when it comes to solving such problems as, for example, analyzing a large statistically significant text array, searching for language constructs of a certain type, etc. [Ibid]. As for the study of fine semantic nuances, allusions, the author’s stylistic originality when conveying the meaning of the text, etc., then in this case the task is more complex than the previously mentioned tasks. Since our task

is determined by identifying the features of human behavior in the digital age, correlating with the manifestation of these features in the act of digital communication, the emotional correlates of the information content in the communicative act as a whole come to the fore. Of particular importance are studies focusing on the subject-user of the Internet, who is in constant interaction not only with other Internet communicants, but also with the sign-symbolic codes of the virtual environment itself.

All of the above raised the following question: how new is the human emotional sphere in the “digital age”? How does it differ and does it differ from the experience of the entire previous era of communication? It is known that emotions have always been distinguished by the property of “infecting” those to whom they are addressed in appropriate situations and conditions: for example, in situations of escalation: from anxiety, concern, fear, intimidation to horror, panic, shock... How new is all this in the digital age?

The sentimental nature of certain kinds of stimuli is well known in psychology and psychiatry. It is *emotio*, and not *ratio*, that, first of all, pushes people to commit crimes, extraordinary actions, etc. At the same time, we observe that it is the scale of digital communication that contributes to the transformation of dialogue into anti-dialogue. This is also facilitated by large-scale virality, that is, the dissemination of the information content by the method of “viral infection”².

The modern digital environment in which a person is “placed” in our time is fundamentally different from all types of situational prerequisites under which human emotions developed and were observed, studied, classified and interpreted earlier. A person and his/her emotional reactions to the world around us were considered primarily as a result of biological, physiological and psychological processes [Panksepp 1988; Пэйн, Купер, 2008].

This network communication led to changes in the types of social interaction not limited by ethics, conventions, rules, plausibility, honesty and truth. The modern “digital personality” (we previously introduced the concept of “electronic personality” [Потапова, Потапов, 2017]) is functionally involved in constant iterations between one’s own “I”

¹ URL: <https://aclanthology.org/2021.eacl-main.142>

² URL: <http://community.sk.ru/news/reading/b/advisorblog/archive/2013/03/10/mechanizmyvarialnosti.aspx>

and the network environment. And the wider this space is, the more diverse the combination rules of emotional reactions is also. *Information processes* functioning in the digital environment radically change the **cognitive model of the world** of an individual, subordinating the set of individual emotional-modal reactions of this model formulated in the digital network to the generally accepted cognitive “standard”.

According to the cognitive-behavioral approach that currently prevails in modern ideas about dysfunctional emotions, emotional reactions are an interpretation of the psychosocial world [Пэйн, Купер, 2008]. A person under the conditions of digital communication, from our point of view, finds himself/herself to be a “part” of an integral digital organism, the rules of which make him/her function, constantly adapting to its requirements, suppressing his/her natural idiosyncratic beginning, “breaking” himself/herself in terms of emotional-modal states. Thus, the digital age has a “reformatting” effect on the personality, changing his/her mood, temperament and emotions. A significant role is played by the functioning of the “conflictogen”, which we consider as a consequence of endogenous and exogenous processes of personality formation¹. The idiosyncrasy of the digital personality is restructured, individuality disappears, and the opinion of the “digital monster” (the crowd) is formed. All emotional-modal individu-

¹ For more information, see: Потапова Р. К. О комбинаторно-конверсиональной природе конфликтогена // Язык в глобальном контексте: языковые контакты и языковые конфликты в современном мире: Сб. науч. трудов / отв. ред. В. В. Потапов, Е. А. Казак. М.: ИНИОН РАН, 2021. С. 5–16.

al differences are erased. Everything is subordinated to the digital Moloch. This gives rise to the effect of the predominance of negative emotional-modal states, neurosis, irritability, distress, anger, fear, hostility, aggression, anxiety, etc., which “pulls out” a person from the context of the classical epistolary style and turns him/her into the owner of a quasi-text (quasi-information), which has nothing to do with the primary original informing text [lat. quasi – as if, sort of].

DIGITAL COMMUNICATION STUDIES WITH EMOTIONAL-MODAL APPROACH

Modern digital communication science, in our opinion, violates the individual cognitive-motivational-relational model of human behavior in a network environment, on the one hand, making it one of the areas of digital humanities under research, and, on the other hand, offering the possibility to analyze the features of the transmission of emotional information using a dimensional (parametric) approach that includes factor-analytical methods for determining the minimum number of parameters that correlate with the largest number of emotional options. Thanks to this approach, three main categories of the study of emotions were identified: positivity – negativity, tension – relaxation, activation – deactivation (inhibition) [Потапова, Потапов, 2017]. For each specific emotion, key relational situations were developed, which, according to our observations, fully fit into the variability of network digital behavior of communicants (Table 1).

Table 1

SOME EXAMPLES OF A CAUSE AND EFFECT RELATIONSHIP BETWEEN A REAL STIMULUS AND AN EMOTIONAL RESPONSE

Anger	Response to humiliation, insult
Anxiety	Feelings of uncertainty or threat
Fright	Instantaneous, specific, all-encompassing physical danger
Guilt	Violation of moral principles
Sense of shame	Failure to achieve the ego-ideal
Sadness	Experiencing irretrievable loss
Envy	Feeling of being unfairly left out
Jealousy	Resentment for the loss of affection
Happiness	Achievement of the desired goal
Pride	Increasing your own ego-identity
Relief	Change for the better after some sad experience
Hope	Faith in the improvement of the situation
Love	Participation in affection
Gratitude	Appreciation
Sympathy	Willingness to be helpful

All of the above emotional-modal states within the problem under study are, on the one hand, the results of the communication process and, on the other hand, an emotional trigger for the start of a new round of emotional modification, that is, a *model is realized that is infinite, spiral-shaped and iterative*.

In the course of development, emotions are differentiated and form various types differing in their psychological characteristics and patterns of their course. Emotional (in the broadest sense) processes currently include affects, as well as emotions and feelings themselves [Психология мотивации и эмоций, 2002]. Emotional objects include, as a rule, a wide class of processes of internal regulation of human activity. They perform this function, reflecting the meaning they have and the situations that affect the subject, their significance for his / her life. Unlike affects, emotions themselves are long-term states. They are of a clearly expressed situational nature, i.e. express an evaluative, personal attitude to emerging or possible scenarios, to their effects and to their manifestation in these situations. More conditional and less generally accepted is the separation of *feelings* as a special subclass of emotional processes. The basis for such a separation is their clearly expressed objective nature, which results from a specific generalization of emotions. Social attitudes play a significant role in the formation and development of higher human feelings [Потапова, Потапов, 2017].

As for affects¹, "... in a person, affects are caused not only by factors affecting the maintenance of his/her physical existence. They can also arise in emerging *social relations*, for example, as a result of social assessments and sanctions. The repetition of situations that cause some negative affective state leads to the accumulation of affect, which can be discharged in violent uncontrollable affective behavior, an "affective explosion"" [Ibid, c. 77].

From our point of view, the study of emotions on the material of network communication should be based primarily on a comprehensive interdisciplinary approach, which is based on the behavioral psychology of an individual. For example, Karl Jaspers combines the consideration of feelings and emotional states in terms of psychological behavior [Jaspers, 1973], including a phenomenological classification according to the object of feeling, source, biological goal, intensity and duration of the process.

¹ According to Aristotle, an affect (lat. *afficere* – to influence, to strike) is a designation of all spiritual impulses that are accompanied by pleasure or suffering: attraction, anger, fear, courage, malice, joy, love, hatred, longing, envy and pity. Adhering to Plato's doctrine of the soul, the Stoics defined affects as unreasonable mental states that contribute to the destruction of natural impulses [Брокгауз. Философия: концепции, мыслители, понятия : пер. с нем. СПб.: Амфора, 2010, с. 35].

According to Reinhard Fieher, any kind of interpersonal communication can be represented using a number of models of emotional responses on the part of the addressee; that is, from the standpoint of modern research ideology, it is an emotional trigger for a further communicative reaction. R. Fiehler [Fiehler, 1990] identifies the following models of emotional responses of the addressee:

- physiological reactions (trembling, paleness);
- unvoiced non-verbal responses (facial expressions, gestures, proxemics);
- vocalized non-verbal responses (laughter, groans, affective sounds);
- verbal manifestations (choice of words, choice of topics, appeals, reproaches, etc.);
- verbal-emotional means of communication (reproaches, threats);
- verbalization of significant events and processes;
- description of the situational details of the experienced event;
- verbalization of experienced events and their details, etc.

Based on psychometric studies, some physiological correlates of emotional measurements have been found. It has been established that the relationship between positive and negative emotions is the weaker, the longer the period of evaluation of their subjects is [Watson, Tellegen, 1985]. This model takes into account the activation and deactivation of emotions realized in a spherical space. There are two poles in this spherical model: the pole of intense negative experience (activation) and the pole of weak negative experience (deactivation). A similar relationship is observed for positive emotions.

MODERN FRAME APPROACH TO THE PROBLEM OF DESCRIBING EMOTIONS

For the analysis of the emotional sphere in a digital network, the analysis of frames is of decisive importance, the purpose of which is to identify, describe and study stable semantic structures (frames), within which the information content of the analyzed material is realized.

It is usually assumed [Minsky, 1974] that:

- the primary initial frame systems are the frames of society, culture and nature;
- the number and types of frames depend on the formation of reality;
- frame systems are not set as rigid algorithms, as they are constantly in the process of formation;
- frames are keys that can switch our attention or perception from one level to another.

At the perceptual, mental and cognitive levels, there are 5 main frame keys (according to E. Goffman) [Goffman, 1986]:

- “fake”: fiction, through which a staged representation of the situation is realized [Вахштейн, 2011], which differs from reality (theater, cinema, mass media);
- “competitions”: switching the frame of the fight (struggle) to the safe sphere of the game (sense of risk and uncertainty);
- “ceremonial” as ritual actions that trigger the mechanism for assigning social roles and distributing appropriate powers;
- “technical alteration” or “reconfiguration”, with the help of which the real situation is represented by its images accompanied by clear background indications of their perception;
- “rethinking” as some key to understanding the motives of the players’ actions in situations where the image does not match reality (fraud and juggling with facts) [Сарна, 2017].

According to a number of German researchers in the field of psychology and the science of communication (communicativistics), the modern psychology of post-facts (that is, the facts stated in the messages and their reflections in the digital environment) is characterized by *sentimentality*; attention to the discussion of famous persons, figures, etc.; the main shift in the information content towards the most negative facts, events, etc. The most valuable are facts that do not differ from advertising (commercials), i. e. they should be catchy and attractive. The choice of algorithms should be consistent with the types of the information content and the person in question. These algorithms for presenting the information content about a person should reflect in advance *a priori* the relationship between this person and information related to him/her, which coincides with the initial opinion about this person [Die Psychologie des Postfaktischen, 2020].

Thus, for example, in M. Appel’s opinion [Appel, 2020], the picture looks gloomy. When exchanging opinions, instead of truth and plausibility, there are bullying, trolling, lies, cheating, fraud, etc. The author believes that in this regard, the aim to “stand everything on its ear” caused a lot of neologisms. These include primarily such words as *das Postfaktische*, *postfaktisch* (German): *post-truth* (English) (*post-facts*, *post-factual*) (messages). To denote the beginning of the **era of lies** for the information content, a new word was introduced: “post-factual/post-fact period (era)”, which was declared the “word of the year” by the Law Society of the German Language of Germany in 2016. The post-fact era covers the media period over the past 25 years and is associated with the spread of the Internet since the 1990s, as well as with the advent of

social media platforms such as Facebook, Instagram and Twitter since the late 2000s.

According to German researchers [Сарна, 2017], the Internet provides information in a form of access that has never existed before. Moreover, it allows the unhindered dissemination of information to persons who are neither journalists, nor content experts, etc. All this, along with the coverage of a large number of people receiving information, leads to a danger of reducing and changing the content and quality of the information itself. Thanks to digitalization, new group corporations have emerged, whose financial entrepreneurial interests have come into conflict with the reduction of false information.

A special place in the study of the media sphere is held by *digital humanities* including the use of digital methods for accumulating, transmitting and processing data in the field of the humanities: linguistics, sociology, literature studies, archeology, art criticism, history studies, historiography, textual criticism, etc. [Digital Humanities, 2017]. Due to the active use of digital technologies in the transmission of textual information, of particular importance is intertextual analysis (ITA) correlating with the strategy of interpreting network messages, which implies that the text interacting with other texts changes both in content and in form. ITA is considered from two points of view: the author’s and the reader’s ones. In semiology, for example, the concept of intertextuality is defined as one of the possible types of relationships that arise between texts (e. g., [Барт, 1994]).

The broadening exchange of information on the Internet has led to the fact that all the individual features of the person’s psyche, his/her social and antisocial behavioral habits, the level of intellectual development, psychopathological inclinations, etc. turned out to be the “property” of the macrosociety due to the freedom and unhindered transmission of the information content. Naturally, the multimodal polycode nature of information transmission in the digital age has become the main optimal channel including a verbal text, pictorial and artistic illustrativeness and supporting music serving to solve the main communicative task, that is, to influence the person’s psyche, change his/her cognitive-evaluative reactions to the world around and etc.

FEATURE OF “TOXICITY” IN INTERNET COMMUNICATION

The logical consequence of the functioning of such a large-scale process was the use of the term “toxicity”¹

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. Изд. 17-е. М.: Русский язык, 1985; Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. М.: Ридерз Дайджест, 2004.

(“harmful”, “harmfulness”) in relation to various types of network information: linguistic, visual, sound, locomotion, etc. In verbal network communication, a number of lexemes have appeared that serve to indicate the presence of “toxicity” facts, for example: bullying, trolling, hating, mobbing, stalking, menspreading, sexing, etc. The term “toxicity” itself is part of the semantic field “infectiousness”, “infect”, “contagious”, which correlates with the meanings of a figurative nature in this case: perceive, learn from someone, get carried away by something, carry an infection in oneself, make others imitate something, harm oneself from the contagion process, etc. A multi-vector approach to the analysis of various types of manifestations of “network toxicity” provides an interdisciplinary consideration of the phenomenon of “network toxicity”: a) the multi-code nature of linguistic means, which includes, in addition to verbal, other information transmission codes (for example, graphic, pictorial); b) genres covering various types of media communication (e.g., posts, chats, comments, memes, etc.); c) testing a scale to measure propensity for using network toxicity; d) psychological analysis of a personality prone to manifest network toxicity, including elements of psychopathology and psychopathy; e) provocative-evocative role of “network toxicity”.

What is meant by the term “network toxicity”? There are many answers to this question, the meaning of which is concentrated around the concept of the behavior of a communicant in a social network, misleading the addressee(s), preventing normal communication, containing elements of contradiction, as well as irony that should not be understood (recognized) by other users, including insults, mockery, threats of violence, etc. That is, including a pronounced emotive component [Rieger, Dippold, Appel, 2020]. Network toxicity is especially widespread among young people on global anonymous platforms, where *sexism* and *racism* are typical language patterns. A study of the psyche of individuals prone to clearly expressed network aggression and conflict potential shows that all personal characteristics of network behavior fit into the formula “The Big Five”. This model was developed to systematize psychological indicators that correlate with a person’s propensity for various types of provocative and evocative network behavior. Among the five main features that have an individual degree of manifestation in different personalities, the authors include neuroticism, extrovertism, propensity (openness) to gain experience, endurance and the threshold of conscientiousness. Of particular difficulty are combinations of the above personality traits in various proportions. Different ratios of the above features may indicate, for example, the predominance of psychopathy, sadism, narcissism

and Machiavellianism. The result of such combinatorics is the search for a “victim” in the network and the targeted manipulation of the addressee(s), which leads to provocative-evocative effects of a multi-scale format.

When referring to the verbal features of “network toxicity”, as a rule, the lexical and syntactic-semantic analysis of the material under study comes to the fore. In this regard, linguists have already gained quite sound experience. Programmers are actively involved together with linguists; for example, to solve this problem, a program approach is developed to automate the search for “traces” of semantic-lexical information. An original approach to solving the problem has been proposed that is based on the distribution of derivative units of Russian-language word formation, as well as on the method of grapheme substitution [Потанов, Маслова, 2021]. Thus, verbalics is a kind of a “surface” layer of network toxicity, including the verbal and communicative competence of communicants, which correlates with six functions of speech communication (according to R. Jakobson) [Jakobson, 1972]: expressive (verbally reflecting the emotiveness of the statement); conative (appellative-incentive); referential (communicative-cognitive-denotative); phatic (contact-establishing); metalinguistic (explaining the features of the language code used in the message); poetic (concentrating on the form of the message).

CONCLUSION

From the perspective of presupposition, that is, the “knowledge fund of the author of the message”, the linguistic vector of analysis acquires special significance when solving the problem, for example, of profiling a person communicating in the polycode environment of the Internet. Naturally, the list of vectors proposed in this message would be incomplete without the involvement of cognitive information that correlates with the picture of the world of Internet communicants, the features of mental processes within the activity model of communication, characterized by procedurality, continuity and contextuality. It is the cognitions that cover knowledge and thinking that are realized in each individual, determining the specifics of his/her behavior.

The study and description of the “*person’s portrait*” (“*profiling*”), whose behavior is characterized by toxicity, which is realized by various types of bullying for the sake of self-affirmation, based on various situations of deprivation, frustration, enmity and hatred, is within the competence of representatives of a number of scientific fields. Thus, the study of the large-scale phenomenon of communicative toxicity

in network communication requires an interdisciplinary approach, taking into account knowledge in the field of, for example, neurophysiology, psychology, psychiatry, psychopathology, cognitive science, linguistics, etc.

Among the main reasons for toxicity on the Web are the following: aggression, thirst for bullying the weak, need for a victim, sadism, masochism, self-affirmation, imitation, vanity, physical and mental disabilities, fashion, craving for fame at any cost, lack of socially-oriented education, etc.

In addition, the manifestation of toxicity typically includes the intrusion into personal space in terms of tabooed, indecent and offensive topics as compensation for one's own insolvency, also resulting from fame, the presence of a team of like-minded people and social significance; and use of "dummy profiles" (dummy post authors). Toxic posts are also characterized by the use of such terms as "hater" – a hating person, a volunteer (lack of one's own social and creative realization, a hidden thirst for recognition); stalking, stalkers – access to the real world; mobbing – colleagues "love" the one who has "shaken" their "swamp", etc.

Those who are characterized by demonstrativeness, self-centeredness, hysteroid mindset, like to be in the spotlight and suffer from its absence. In the presence of cyclothymia, a sharp change in mood occurs: from euphoria and aggression to apathy and depression, suspiciousness, excitability, susceptibility to various phobias, etc. Among representatives of toxism on the Internet, as a rule, are the "under-liked" (those who did not receive public admiration, fame) and the "under-banned" (those whose personal life is flat, uninteresting, monotonous).

Communication through picture(s) plays a special role [Stein, Sehic, Appel, 2020]. Programs based on the transfer of images, for example, Instagram, Snapchat, etc., in competition with text platforms (Facebook, Twitter), have long overtaken them in terms of the number of active users. The advantages of images (pictures) are undeniable, since in this case perception connects what is seen with the reaction. There is a possibility of manipulations, deceptions, etc. Some of the main research areas on the topic should be mentioned: *Bildkommunikation* (German) (i.e. *communication based on visual perception of images/pictures*), which is important for the study of meme information¹. For example, pictures, short texts, parodies, cartoons, etc., usually generate cognitive dissonance. If some event is preferential for a person, then the pro-

cess of his/her thinking "steers" imperceptibly through a series of systematic errors to the desired direction of decision-making, while making unconscious mistakes. In connection with cognitive dissonance, one usually speaks of the "self-deception" effect, which, as a rule, affects decision-making. Thus, digitalization in the field of the humanities (*Digital Humanities*) is considered as a modern technological basis for the process, thanks to which network formats of different scales form an information environment – a humanitarian information space, within which polymodal polycode communication of network users takes place [Stein, Sehic, Appel, 2020].

In this regard, the problem of a special study arises that suggests answers for the following questions: how new is the human emotional sphere in the digital age; what emotional triggers are included in network communication; what is the phenomenon of toxicity of modern means of transmitting polycode information: verbal, paraverbal, nonverbal and extraverbal (see the works of Rodmonga K. Potapova), the use of which in the digital environment has become gigantic and has made it possible to expand the boundaries of frame analysis of digital textual and discursive matter. In the presented concept, special attention is paid to modeling the correlation process, that is, the formation of the human cognitive sphere, taking into account the following factors: a) distorted reality, b) reality and virtuality with the primary role (base) of reality, c) virtuality and reality with the primary role of virtuality, and d) absolute virtuality. According to our concept, of particular importance is the development of a modern *multi-iterative model*, within which the features of the dynamics of the transformation of the *original digital text* into a *secondary digital intertext*, a *quasi-text* and further into an *n-ary interpretative text* are analyzed, which practically leads to the emergence of an *essentially new digital text*, which is further transformed to the final version after digital censorship and digital editing. As mentioned earlier, the result of this process is a significant change in the digital narrative, leading to the transformation of dialogics into anti-dialogics. For studies of this kind, it is necessary to take into account the types of frame analysis of the network polycode corpus, on the basis of which it is possible to establish ranked data that make it possible to determine and evaluate the relevant features of *sentimentality* in relation to the behavior and response to the stimulus of the "*digital personality*".

Particular attention should be paid to the results of an interdisciplinary study in the field of influence of digital content on the cognitive and

¹ See, e. g., Потапова Р. К., Потапов В. В. Интернет-меметика как эмоциогенная среда сетевой коммуникации // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 2. С. 78–91.

neurophysiological parameters of the emotional state of Internet users (*global digital network*). At the same time, a special role of coping (counteraction) in the interaction of communicants in the digital environment is noted, as well as in the study of cognitive-behavioral emotional functions in relation to digital communication.

On the basis of our research, a model of chromatic subtypes (modulations) of emotional states realized in the communication process was developed, and the results of the analysis of the effect of informational resonance are presented in relation to emotionally marked digital narratives containing emotional-modal transitions from one emotional-modal state to another. The broadening exchange of information on the Internet has led to the fact that particular features of the individual psyche of a person, his/her social and antisocial behavioral markers, the level of intellectual development, psychopathological inclinations, etc. turned out to be the property of the macrosociety due to the freedom and unhindered transmission of the information content. Naturally, the multimodal polycode nature of information transmission in the digital age has become the main favorable channel, including textual verbalics, visual and artistic illustrativeness of extraverbalism, supporting music, etc. that serve to solve the main communicative task: *to influence the person's psyche, change his/her cognitive evaluative reactions to the world around, etc.* As mentioned earlier, the logical consequence of the functioning of such a large-scale process was the use of the term "toxicity" ("something that is harmful", "harmfulness") in relation to various types of network information: linguistic, visual, sound, locomotion, etc. In verbal network communication science, a number of lexemes appear that are borrowed from the English language and serve to indicate the presence of toxicity: e. g., hating, mobbing, stalking, bullying, trolling, manspreading, sexing, etc.

In the study of toxicity, from our point of view, the *multi-vector approach* to the analysis of various types of manifestations of network toxicity seems to be optimal, since it provides an interdisciplinary consideration of this phenomenon. Among these vectors are: polycode language means, diverse genres covering various types of media communication (e. g., posts, chats, comments, memes, etc.), profiling research direction, including data from psychopathology, sociology, types of addiction, verbalics of "network toxicity" taking into account the provocative and evocative elements of affecting Internet users [Потанов, Маслова, 2021]. From the perspective of presupposition, that is, the "knowledge fund of the author of the message", the linguistic vector of analysis acquires special significance when solving the problem of portraying a

person communicating in the polycode environment of the Internet. Naturally, the list of vectors proposed in this message would be incomplete without the involvement of the cognitive function that correlates with the picture of the world of Internet communicants, the features of mental processes within the activity model of communication, characterized by procedurality, continuity and contextuality. It is the cognitions that cover knowledge and thinking of the communicants that are realized in each individual, determining the specifics of his/her behavior.

When studying the *"person's portrait" (profiling)* in network communication, all of the above analytical approaches focus on the "concept" as the basis of the language picture of the world that determines the individual characteristics of the studied profiling, the "network behavior" of which is characterized by toxicity, which is realized by various types of extremism, harassment, hatred, boycott, humiliation, threats, etc. for the sake of their own self-affirmation in relation to various situations of enmity, hatred, deprivation, frustration. From this point of view, network toxicity can be considered in relation to Internet communicators as a type of *subject addiction* (dependence), within which the activity of individuals in the state of this dependence is realized in a communicative network environment. As mentioned earlier, the study of the phenomenon of network communicative toxicity requires a *multi-vector* approach, taking into account data from cognitive science, cognitive linguistics, neurophysiology, psychology, psychiatry, and sociology. In addition, we propose to distinguish *three registers in the study of "linguistic toxicity"*, taking into account the number of addressees and addressers: register 1 – very individual; register 2 – medium, covering a limited number of a particular social group; and register 3 characterizing the scale of communication participants (up to the city, countries and a number of state associations). Considering various registers of toxicity, it is possible to determine the degree of demonstrativeness and egocentricity of participants in toxic communication, as well as the presence of various types of phobias and psychopathologies that characterize addictive behaviors characteristic of various types of communication. Therefore, the phenomenon of "network toxicity" can be characterized as a marker of an existing network addiction, which is characteristic of a person functioning in the polycode environment of the Internet.

Thus, the "toxicity of digital behavior" of a person is a special type of behavior, or rather one of the types of behavioral addiction. It is thanks to information toxicity that such digital artifacts as dehumanization, mythologizing, changes of narrative paradigms, mosaic factography, cynicism, etc. flourish. The concept

of epistolary dialogics is transformed into the concept of epistolary anti-dialogics. The development scheme itself: *text*→*intertext*→*quasi-text* becomes universal, and the model becomes iterative. Naturally, the transition from some emotional and emotional-modal states is not discrete, but, as a rule, continuant, which can be compared, in our opinion, with the chromatic scale in music (by semitones), where transitions from one emotional and emotional-modal states to another are often elusive, but all the more dangerous for the final effect on the addressee(s) (e. g., from surprise to irritation, anger, shock, etc.; from concern, anxiety → to fear, horror, panic, etc.). E. g., **any kind of frustration and deprivation gives rise to an iteration of emotiogenic layers, radically changing the behavior of the person.** Consequently, with the digital version of communication, the factors that affect the person's psyche are replaced: it is not the external environment as such that influences, but the repeatedly reformatted stimulus essence expressed in mono- and polycode modes: text, image, various musical and acoustic noises, etc. The cognitive sphere of the person is no longer formed under the influence of reality, but under the influence of repeatedly reformatted digital virtuality perceived by users as an analogue of reality. And in this process, according to the "stimulus-response" model, no one thinks about the fact that digitalization in the field of humanities is a purely technical process of digital coding and digital decoding of humanitarian information, which forms a certain specific environment including semiotic, semantic, *sentimental*, valeological, psychophysiological, cognitive and other features of information receiving, storing, understanding and transmitting. And it is natural that the digital processing of the subtle matter of human mental operations cannot fully ensure the process of its transformation. In this case, *entropy*, similarities and differences between the source and recipient, models of understanding, influence of the code variety, etc. play a special role [Потанова, Потанов, 2017].

The information flow increases in proportion to the increase in entropy. It only makes sense that the natural power of the individual brain does not have time to process all the information that comes with the help of digital means, which results in: *partial (incomplete) understanding of information, misunderstanding of information, distorted subjective understanding of information, fundamentally misconception of information*, etc. At the same time, no one thinks that digitalization is a special technological basis of the process, thanks to which, as already mentioned, it is possible to translate any text in the broadest sense of the word into a compact record that is easily transmitted and associated with other records of the same format.

It is this transition that makes it possible to create multimedia networks, collaboration and interactive communication. Here, all and everything is edited, modified, adjusted to a certain standard, etc., that is, is changed in the image and likeness of the "customer" who is interested in putting pressure on the psyche of users. Moreover, in studying the role of cognitive-behavioral emotional functions in relation to network communication, a special role can be played by such a type of behavior as coping designed to develop norms for the behavior of communicants in the global digital network [Пэйн, Купер, 2008, с. 94–95]. But the development of this field of research in relation to the Internet is hardly realistic, given the emotiogenic diversity of facts of both a socially large-scale nature and in an ethno-cultural sense. It is hardly realistic to demand from network users (according to coping) the tactics of restraining emotions, their regulation or suppression, since in this case the social position and status of communicants can affect the digital emotional background of communication in general.

It is metaphoricity and conventionality that form a deep *code line* between the digit and the word, the system and the absence of a single system, unambiguity and variability. Naturally, it is this difference that significantly complicates the use of digital technologies for the construction of semantic complexes-texts that carry the given information and destroy redundant information, which becomes the subject of variation, manipulation and emotive tools.

It is quite natural that the systemically variable environment of the functioning of the word cannot be completely homothetic to the units of the digital environment, and here a rich capability of varying the units of both codes appears. The digital network creates its own environment, within which the cognitive and emotive features of the personality are formed, which becomes the subject of manipulation. Emotional-modal network toxicity becomes a socio-cultural marker of network communicants that forms them and uses them for provocative and evocative purposes. It is with the help of digital software that the humanistic essence of the word is "washed out" of non-digital content, its correlation with the semantic depth, metaphoricity and subtext formed by the entire cultural environment of the human mind, talent, individuality and narrative. The specificity of translation from one language to another is also not taken into account, as well as polysemy, context dependence and metaphorical nature of languages. It is in this way that the text is "polished" programmatically, thus acquiring new meanings, "sub- and over-meanings". It is multilingual recoding that also makes it possible to influence the psycho-emotional state of participants in the communication process.

Sensimentality of an invisible scale appeared; and the foundations of the relationship between ratio and emotio disappeared in spite the fact that they had been formed over centuries and millennia based on the metaphorical nature of the language. Everyone and everything rushed

to practice in abuse, insults, lies, finding pleasure in bullying, trolling, sexing, menspreading, etc. New linguo-stylistic registers of social network discourse have emerged that are realized on the basis of frustration, deprivation and addiction [Potapova, 2015].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Digital Humanities: Eine Einführung / F. Jannidis, H. Kohle, M. Rehbein (Hg.). Stuttgart: J.B. Metzler Verlag, 2017.
2. Panksepp J. Posterior pituitary hormones and separation distress in chicks // *Neuroscience Abstracts*. 1988. 14. P. 287.
3. Пэйн Р. Л., Купер К. Л. Эмоции и работа. Теории исследования и методы применения: пер. с англ. Харьков: Гуманитарный центр, 2008.
4. Потапова Р. К., Потапов В. В. Основы многоаспектного исследования «электронной личности» по голосу и речи в информационно-коммуникационной среде Интернета // *Человек: Образ и сущность*. ИНИОН РАН. 2017. № 1–2. С. 87–111.
5. Психология мотивации и эмоций / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, М. В. Фаликман. М.: ЧеРо; Московский психолого-социальный институт, 2002.
6. Jaspers K. *Allgemeine Psychopathologie*. 8., korr. Aufl. Springer, 1973.
7. Fiehler R. *Kommunikation und Emotion*. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1990.
8. Watson D., Tellegen A. Toward a consensual structure of mood // *Psychological Bulletin*. 1985. Vol. 98. P. 219–235.
9. Minsky M. *A framework for representation knowledge*. Cambridge: Massachusetts Institute of Technology, 1974.
10. Goffman E. *Frame analysis: an essay on the organization of experience*. Boston (Mass.): Northeastern University Press, 1986.
11. Вахштейн В. С. Социология повседневности и теория фреймов. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2011.
12. Сарна А. Интертекстуальный анализ // *Новые медиа: социальная теория и методология исследований* / отв. ред. О. В. Сергеева, О. В. Терещенко. СПб.: Алетейя, 2017. С. 87–89.
13. *Die Psychologie des Postfaktischen: Über Fake News, „Lügenpresse“, Clickbait & Co.* Berlin; Heidelberg: Springer Verlag, 2020.
14. Appel M. *Die Psychologie des Postfaktischen-Einleitung und Überblick* // *Die Psychologie des Postfaktischen: Über Fake News, „Lügenpresse“, Clickbait & Co.* Berlin; Heidelberg: Springer Verlag, 2020. S. 1–7.
15. Барт Р. *Избранные работы. Семиотика. Поэтика* / Пер. с фр. М.: Прогресс, 1994.
16. Rieger D., Dippold J., Appel M. Trolle gibt es nicht nur in Märchen – das Phänomen Trolling im Internet // *Die Psychologie des Postfaktischen: Über Fake News, „Lügenpresse“, Clickbait & Co.* Berlin; Heidelberg: Springer Verlag, 2020. S. 45–58.
17. Потапов В. В., Маслова Н. Е. О структурном моделировании провокационно-эвокационных словоформ русскоязычного сегмента Интернета // *Язык в глобальном контексте: языковые контакты и языковые конфликты в современном мире: Сб. науч. трудов* / Отв. ред. В. В. Потапов, Е. А. Казак. М.: ИНИОН РАН, 2021. С. 50–61.
18. Jakobson R. Verbal communication // *Scientific American*. 1972. Vol. 227. № 3. P. 73–80.
19. Stein J.-Ph., Sehic S., Appel M. Machtvolle Bilder und Bildmanipulationen // *Die Psychologie des Postfaktischen: Über Fake News, „Lügenpresse“, Clickbait & Co.* Berlin; Heidelberg: Springer Verlag, 2020. S. 177–182.
20. Potapova R. From Deprivation to aggression: verbal and non-verbal social network communication // *International Conference “Global Science and Innovation”*. USA, Chicago, November 18–19th, 2015. P. 129–137.

REFERENCES

1. Jannidis, F., Kohle, H., Rehbein, M. (2017). (Hg.). *Digital Humanities. Eine Einführung*. Stuttgart, J.B. Metzler Verlag.
2. Panksepp, J. (1988) Posterior pituitary hormones and separation distress in chicks. *Neuroscience Abstracts*. No. 14. P. 287.
3. Payne, R. L., Cooper, C. (2008). *Emotions and work. Research theories and methods of application: transl. from English*. Kharkov: Humanitarian Center Publ. (In Russ.)
4. Potapova, R. K., Potapov, V. V. (2017). Fundamentals of the multi-versatile voice and speech research of the «electronic personality» on the information and communication Internet medium. *Human Being: Image and Essence*. Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. No. 1–2. P. 87–111. (In Russ.)
5. Gippenreyter, Ju. B., Falikman, M. V. (eds.). (2002). *Psikhologija motivacii i emocij = Psychology of motivation and emotions*. Moscow: CheRo Publ., Moscow Psychological and Social Institute Publ. (In Russ.)
6. Jaspers, K. (1973). *Allgemeine Psychopathologie*. 8., korr. Aufl. Springer.
7. Fiehler, R. (1990). *Kommunikation und Emotion*. Berlin; New York: Walter de Gruyter.

8. Watson, D., Tellegen, A. (1985). Toward a consensual structure of mood. *Psychological Bulletin*. No. 98. P. 219–235.
9. Minsky, M. (1974). A framework for representation knowledge. Cambridge, Massachusetts Institute of Technology.
10. Goffman, E. (1986). *Frame analysis: an essay on the organization of experience*. Boston (Mass.): Northeastern University Press.
11. Vahshtejn, V. S. (2011). *Sociologija povsednevnosti i teorija freymov = Sociology of everyday life and the theory of frames*. St. Petersburg: European University Publ. (In Russ.)
12. Sarna, A. (2017). *Intertekstualnyj analiz = Intertextual analysis*. New media: social theory and research methodology (pp. 87–89), ed. by O. V. Sergeeva, O. V. Tereshchenko. St. Petersburg: Aleteija Publ. (In Russ.)
13. *Die Psychologie des Postfaktischen* (2020): Über Fake News, „Lügenpresse“, Clickbait & Co. Berlin; Heidelberg: Springer.
14. Appel, M. (2020). *Die Psychologie des Postfaktischen-Einleitung und Überblick*. In *Die Psychologie des Postfaktischen: Über Fake News, „Lügenpresse“* (pp. 1–7). Berlin; Heidelberg: Springer.
15. Bart, R. (1994). *Izbrannyye raboty. Semiotika. Poetika = Selected Works. Semiotics. Poetics: Transl. from French*. Moscow: Progress. (In Russ.)
16. Rieger, D., Dippold, J., Appel, M. (2020). *Trolle gibt es nicht nur in Märchen – das Phänomen Trolling im Internet*. In *Die Psychologie des Postfaktischen: Über Fake News, „Lügenpresse“* (pp. 45–58). Berlin; Heidelberg, Springer.
17. Potapov, V. V., Maslova, N. Je. (2021). *O strukturnom modelirovanii provokacionno-evokacionnyh slovoform russkojazychnogo segmenta Interneta = On Structural Modeling of Provocative-Evocative Word Forms in the Russian-Speaking Segment of the Internet*. In Potapov, V. V., Kazak, E. A. (eds.), *Language in a global context: language contacts and language conflicts in the modern world* (pp. 50–61). Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Russ.)
18. Jakobson, R. (1972). Verbal communication. *Scientific American*, 227(3), 73–80.
19. Stein, J.-Ph., Sehic, S., Appel, M. (2020). *Machtvolle Bilder und Bildmanipulationen*. In *Die Psychologie des Postfaktischen: Über Fake News, „Lügenpresse“* (pp. 177–182). Berlin; Heidelberg: Springer.
20. Potapova, R. (2015). *From Deprivation to aggression: verbal and non-verbal social network communication*. In *Global Science and Innovation* (pp. 129–137): International Conference. Chicago, November 18th–19th.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Потапова Родмонга Кондратьевна

доктор филологических наук, профессор
действительный член Международной академии информатизации
директор Института прикладной и математической лингвистики
Московского государственного лингвистического университета

Потапов Всеволод Викторович

доктор филологических наук
старший научный сотрудник Учебно-научного компьютерного центра
Филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Potapova Rodmonga Kondratyevna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Full Member of the International Informatization Academy
Director of Institute of Applied and Mathematical Linguistics of Moscow State Linguistic University

Potapov Vsevolod Viktorovich

Doctor of Philology (Dr. habil.), Senior Researcher of the Centre of New Technologies for Humanities
Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University

Статья поступила в редакцию	28.12.2022	The article was submitted
одобрена после рецензирования	16.02.2023	approved after reviewing
принята к публикации	01.03.2023	accepted for publication

Потенциальное влияние баскского языка на формирование специфических лексико-грамматических явлений во французском языке

В. В. Пылакина

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

veronikap2002@mail.ru

Аннотация. Во французском языке существуют явления, невыводимые из системы латыни, которая послужила основой для формирования французского языка. Появление сложных времен, развитие в этих временах двух вспомогательных глаголов – *avoir* и *être*, формирование *futur simple*, двадцатеричная система счета и ряд других особенностей, появившихся еще в галло-романский период, говорит о том, что это – результат влияния языков, которые были распространены в этом ареале до латыни. Традиционно некоторые из этих явлений связывались с галльским субстратом, однако в данном случае нельзя отрицать и воздействие более древних, автохтонных языков, в частности баскского.

Ключевые слова: изолят, баскский язык, баскский глагол, сложное время, вспомогательный глагол, будущее время, двадцатеричная система счета

Для цитирования: Пылакина В. В. Потенциальное влияние баскского языка на формирование специфических лексико-грамматических явлений во французском языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 4 (872). С. 97–103. DOI 10.52070/2542-2197_2023_4_872_97

Original article

The Potential Influence of the Basque Language on the Formation of Specific Lexico-Grammatical Phenomena in French

Veronika V. Pylakina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

veronikap2002@mail.ru

Abstract. There are a number of phenomena in the French language which are not derived from the system of Latin, which served as the basis for the formation of French. The formation of compound tenses, the development in these tenses of two auxiliary verbs, *avoir* and *être*, the formation of the future simple, the twenty-digit counting system and a number of other features which appeared in the Gallo-Romanic period, indicate that this is the result of the influence of languages which were widespread in this area before Latin. Traditionally, some of these phenomena were associated with the Gallic substrate, but in this case one cannot deny the influence of the older, autochthonous languages, in particular, the Basque language.

Keywords: isolate, the Basque language, Basque verb, compound tense, auxiliary verb, future tense, vigesimal numeral system

For citation: Pylakina, V. V. (2023). The Potential Influence of the Basque Language on the Formation of Specific Lexico-Grammatical Phenomena in French. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(872), 97–103. 10.52070/2542-2197_2023_4_872_97

ВВЕДЕНИЕ

Теория формирования французского языка сложилась давно. Иначе она называется теорией стратификации. Эта теория предполагает, что на галльский субстрат наложился латинский страт, в результате чего сформировался галло-романский язык. «Субстрат – совокупность черт языковой системы, невыводимых из внутренних законов развития данного языка и восходящих к языку, распространенному ранее на данной лингвогеографической территории» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 497]. Можно сказать, что это элементы языка побежденных в языке победителей. Все явления, которые наблюдаются в галло-романском языке, но не могут восходить к латыни в силу отсутствия прототипа в латинском языке, принято возводить к галльскому субстрату. Однако достоверно неизвестно, что представлял собой галльский язык, система галльского языка не может быть изучена, так как от него не осталось письменных памятников. Причиной стала сознательная политика галльских жрецов-друидов, которые всячески препятствовали распространению письменности среди населения. С одной стороны, жрецы, передавая свою традицию лишь изустно, препятствовали проникновению чужаков в свой жреческий клан, с другой – жрецы прекрасно понимали, что малограмотным населением проще манипулировать и не давали развиваться письменности в целях сохранения власти правящей верхушкой. Тем не менее существуют единичные надписи на галльском языке, которые сделаны как греческим шрифтом, так и латиницей, однако связанные тексты, написанные на галльском языке, отсутствуют, поэтому реконструировать систему галльского языка невозможно. Несмотря на скудность информации о галльском языке, все явления, которые развились в галло-романском языке, но не могут восходить к латыни, считаются галльскими.

Далее, согласно теории стратификации, ареал распространения галло-романского языка был завоеван германцами, и язык германских завоевателей выступил в роли суперстрата для формирования французского языка. «Суперстрат – совокупность черт языковой системы, не выводимых из внутренних законов развития языка и объясняемых как результат растворения в данном языке языка пришлых этнических групп, ассимилированных исконным населением» [там же, 1990, с. 499]. Иначе говоря, это элементы языка победителей в языке побежденных. Однако эта глобальная теория не учитывает более мелких влияний, которым подвергался французский язык на различных этапах своего формирования. К языкам, оказавшим определенное влияние на французский язык, следует, в частности, отнести баскский.

СПЕЦИФИКА НЕКОТОРЫХ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ В БАСКСКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ФРАНЦУЗСКИМ

Баскский язык – это изолят, не имеющий ничего общего ни с одним из известных языков¹. «В современных генеалогических классификациях баскский язык рассматривается как изолированный язык» [там же, с. 70]. Неоднократно предпринимались попытки сблизить его с грузинским, мегрельским, китайским, японским, армянским языками. Эти попытки не увенчались успехом, хотя сами баски допускают возможность родства своего языка с грузинским. По одной из версий, баски являются потомками кроманьонцев, а баскский язык – продолжением языка кроманьонцев, которые считаются первыми людьми из рода *homo sapiens*, населявшими Европу². В этой связи баскский язык иногда считают самым древним языком в Европе, это язык доиндоевропейский, который может быть назван протоязыком.

Баскский язык именуется его носителями *euskara*, а баск – *euskaldun*, т. е. баск – это человек, говорящий на баскском языке. Иначе говоря, у басков национальная самоидентификация происходит по языку. Этот случай можно считать уникальным. У некоторых народов национальность передается по отцу, как у французов, у других – по матери, как у евреев. У басков национальная принадлежность передается по языку, таким образом, человек, выучивший баскский язык, становится баском. Такая самоидентификация неопровержимо свидетельствует о том, что язык *a priori* сложный. Более того, существует легенда, что дьявол, оказавшись у басков, провел там семь лет, и за это время выучил только *bai* – да и *ez* – нет, и те забыл, когда уходил по мосту Святого Духа в городе Байонн³. Эта легенда сама собой наводит на мысль о божественном происхождении баскского языка, которую, по каким-то причинам, до сих пор никто не произнес вслух.

Типологически баскский язык относится к языкам агглютинирующим. «Для них характерны развитая система словообразовательной и словоизменительной аффиксации, отсутствие фонетически не обусловленного алломорфизма, единый тип склонения и спряжения, грамматическая однозначность аффиксов, отсутствие значимых чередований» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 511]. Порядок слов в баскском языке отличается от французского. Если во французском языке типичным является порядок *sujet*

¹ <http://philippe.mocoteguy.free.fr/baskcult.html/>

² <https://www.vokrugsveta.ru/telegraph/globe/687/>

³ <https://www.paysbasque.net/histoire/la-langue-basque/>

+ *verbe* + *objet*, то в баскском *sujet* + *objet* + *verbe*, например:

Enekok Juliri ogia eramaten dio.
Eneko apporte le pain à Julie.

Все грамматические отношения в баскском языке выражаются окончаниями и в целом элементами, стоящими в постпозиции.

Во всех индоевропейских языках, включая французский, сказуемое согласуется в числе с подлежащим, а именная часть составного именного сказуемого согласуется с подлежащим еще и в роде. Баскский язык, как было сказано, не индоевропейский, поэтому индоевропейские универсалии на него не распространяются. В баскском языке нет грамматической категории рода как таковой, однако в форме «ты» согласование существует¹: оно наблюдается у подлежащего в форме «ты» с прямым и косвенным дополнением со всеми глаголами и во всех временах, например:

duk – tu <i>m</i> l'as	dun – tu <i>f</i> l'as
nindukan – tu <i>m</i> m'avais	nindunan – tu <i>f</i> m'avais
dauk – il (elle) te <i>m</i> l'a	daun – il (elle) te <i>f</i> l'a
zaik – il (elle) t' <i>m</i> est	zain – il (elle) t' <i>f</i> est ²

Система счета у басков двадцатеричная, т. е. $30 = 20 + 10^3$. Во французском языке есть числительное 80, которое представляется как 4×20 (*quatre-vingts*). Даже в настоящее время в некоторых французских диалектах можно встретить форму $60 = 3 \times 20$ (*trois-vingts*). Кроме того, до начала XX века, бытовало числительное 120, обозначавшееся, как 6×20 (*six-vingts*), а в старо- и среднефранцузском языке было числительное $300 = 15 \times 20$ (*Louis IX et ses 300 (quinze-vingts) chevaliers*). Эти остатки двадцатеричной системы счета не могут быть связаны с влиянием латыни, так как у римлян система счета, как известно, была десятичной. Следовательно, можно предположить, что, в данном случае, мы имеем дело с более древним, долатинским влиянием. Логично допустить, что оно могло быть галльским, и традиционно это явление принято связывать с влиянием галльского субстрата. Но такая версия не учитывает, что до галлов в этом ареале уже жили люди, в частности баски, которые до сих пор имеют двадцатеричную систему счета и которые могли оказать влияние как на галльский, так впоследствии и на галло-романский язык.

В баскском языке есть артикль, определенный и неопределенный, т. е. выражена свойственная и французскому языку категория определенности – неопределенности. Определенный артикль представляет собой звук и букву – *a* в постпозиции (*gison* + *a* = *gisona* – *l'homme* – *этот человек*). Неопределенный артикль выражается постфиксом *-bat* (*gison* + *bat* = *gisonbat* – *un homme* – *какой-то человек*).

В баскском языке выражена категория числа. Существует единственное и множественное число, которое обозначается постфиксом *-ak* или *-k* (*gison* + *ak* = *gisonak*).

Личные приглагольные местоимения опускаются, что в корне отличается от французского языка, в котором употребление личных приглагольных местоимений является строго обязательным, кроме форм императива, в котором они отсутствуют. Формы «ты» в баскском языке практически нет, если она и встречается, то очень редко. Однако именно в форме «ты» иногда появляется женский род⁴. Как и во французском языке, в качестве формы вежливости используется «вы». Следует отметить, что использование местоимения «вы» в качестве формы вежливости отнюдь не является правилом, например, в немецком языке в этих целях используется местоимение *Ihnen* *они* (ср. в русском устар. *они-с*), т. е. нельзя исключать, что французская форма вежливости сформировалась под неким влиянием древнейшего баскского языка.

В баскском языке глагол не имеет инфинитива, в словарях глаголы даются в форме причастия прошедшего времени (*participe passé*). Здесь следует отметить, что инфинитив французского глагола – это форма не глагольная, как можно было бы предположить с точки зрения логики, а именная, почему инфинитив французского глагола так легко субстантивируется, становясь существительным мужского рода. Инфинитив в баскском языке склоняется, как все существительные⁵. В баскском языке есть прошедшее время, которое образуется при помощи причастия прошедшего времени и глагола *ukan* *иметь* или *izan* *быть*, т. е., по сути, французское *passé composé* могло бы восходить к прошедшему времени баскского языка. Однако от баскского прошедшего времени французское *passé composé* отличается тем, что во французском языке глаголы *avoir* и *être* в личной форме стоят в препозиции к причастию прошедшего времени, тогда как в баскском языке глаголы *ukan* и *izan* стоят в постпозиции к причастию. Например, *erosi dut* (*j'ai acheté*), *etorri naiz* (*je suis venu*). Так как в латыни не было сложного прошедшего времени, к которому могло бы

¹ <https://www.paysbasque.net/histoire/la-langue-basque/>

² Lafon R. Sur la catégorie de genre grammatical en basque. In: *Bulletin Hispanique*, tome 49, n°3–4, 1947. pp. 373–394.

³ URL: <https://www.paysbasque.net/histoire/la-langue-basque/>

⁴ <https://www.paysbasque.net/histoire/la-langue-basque/>

⁵ <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k65658916/texteBrut/>.

восходить французское *passé composé*, то влияния баскского языка в данном случае исключать нельзя.

Интересной особенностью баскского языка является то, что глаголы подразделяются на четыре группы по типу окончания причастия. В баскском языке причастие прошедшего времени может заканчиваться на *-en (ukanen)*, *-si (hasi)*, *-u (geldu)* или *-i (etorri)*¹. Следует отметить, что формы на *-u* и *-i* характерны для французских глаголов самой архаичной III группы, например, *vu* и *sorti*.

Еще один момент, сближающий французское *passé composé* с баскским прошедшим временем: для образования форм прошедшего времени используются два вспомогательных глагола, причем для основной массы глаголов как вспомогательный используется глагол *ukan* – *иметь*, и лишь для некоторых – глагол *izan* – *быть*.

Глаголы переходные спрягаются с *ukan (avoir)*, а глаголы непереходные спрягаются с *izan (être)*. Существует список глаголов, спрягаемых с *izan*. В этот список входят следующие глаголы:

atera – partir – уходить, уезжать
 atxeki – s'en tenir à – держаться, придерживаться, ограничиваться
 edin – rouvoir – мочь (*полусвязочный глагол*)
 egon – être, exister – быть (*вспомогательный глагол*)
 rester – оставаться
 ekin – se dévouer – посвятить себя
 erion – renverser, verser, coler – опрокинуть, налить, прилипать
 etorri – venir – приходить, приезжать
 etzan – mentir, s'allonger, coucher, signifier, être – лгать, вытягиваться, ложиться, означать, быть
 hil – mourir, décéder, tuer, assassiner – умереть, скончаться, убить, прикончить
 ibili – marcher, faire du cheval, être (dans un état), travailler, fonctionner, participer, souffler (le vent), se déplacer, aller, conduire, tomber – идти, скакать на лошади, быть в каком-л. состоянии, работать, функционировать, принимать участие, дуть (*о ветре*), перемещаться, ехать, вести машину, падать
 izan auxiliaire, copulatif, intransitif – être; exister, arriver – быть, существовать, приходить, приезжать
 transitif – avoir, posséder – иметь, обладать
 auxiliaire, transitif – avoir – иметь (*est utilisé pour conjuguer les verbes transitifs*)
 jaio – naître – рождаться
 jarraiki – suivre, tracer, persécuter, attaquer, poursuivre – следовать, идти по следу, притеснять, атаковать, преследовать

joan – partir – уходить, уезжать (*в большинстве диалектов*)

sortu – aller, concerner, affecter, impliquer – ехать, идти, касаться, затрагивать, вовлекать

zapaldu – avancer d'un pas, transitif marcher sur, transitif opprimer – продвигаться на один шаг, *перех.* наступать на ... притеснять²

Бросается в глаза то, что этот список, в целом ряде случаев, совпадает со списком французских глаголов, спрягающихся с глаголом *être*. По мнению французских грамматистов, с *être* спрягаются следующие глаголы [Grevisse, 1993, с. 1179]:

aller – ехать, arriver – приходить, приезжать
 décéder – скончаться
 devenir – становиться
 échoir – выпадать (*на долю*)
 entrer – входить
 mourir – умирать
 naître – рождаться
 partir – уходить, уезжать
 rester – оставаться
 retourner – возвращаться
 sortir – выходить
 tomber – падать
 venir – приходить, приезжать

К глаголам, спрягающимся с *être* – *быть*, М. Гревисс также относит [там же]:

redevenir – снова становиться
 rentrer – возвращаться
 repartir – снова уезжать
 ressortir – снова выходить, выделяться
 retomber – снова упасть
 revenir – возвратиться
 parvenir – достигать
 survenir – происходить
 advenir – происходить, случаться
 intervenir – вмешиваться
 provenir – происходить из какого-л. места

Некоторые специалисты относят к этому списку также глаголы *descendre* – *спускаться* и *passer par* – *проходить через*, а также *apparaître* – *появляться*. Этот список заметно шире, чем изучаемый в практических грамматиках список глаголов, спрягающихся с *être*.

² <https://dictionary.tn/quels-sont-les-14-verbes-qui-se-conjuguent-avec-etre-18/>

<https://dictionary.tn/quels-sont-les-17-verbes-qui-se-conjuguent-avec-etre/>
https://en.wiktionary.org/wiki/Category:Basque_intransitive_verbs/

<https://portal-español.es/Spain.php?lang=rus&id=5&type=3/>

¹ http://www.bascorama.com/BASQUE_COURS/Lecons/45_Futur.htm/

Обращает на себя внимание тот факт, что ни один из грамматистов не предложил внятного объяснения причин того, почему большая часть французских глаголов спрягается с *avoir* и небольшая – с *être*. Если сравнивать список французских глаголов, спрягающихся с *être*, и баскских глаголов, спрягающихся с *izan*, то становится очевидной их общая особенность: все эти глаголы – непереходные (intransitifs), т.е. они в принципе не могут иметь прямого дополнения. В случае, если французский глагол получает прямое дополнение, он начинает спрягаться с *avoir* и часто меняет свое значение, ср.:

je suis descendu dans la rue – я вышел на улицу
j'ai descendu l'escalier – я спустился по лестнице
j'ai descendu mes valises – я вытащил багаж

Это может в какой-то мере объяснить, почему баскский глагол *atera* – *partir* – *уходить, уезжать* и французский *partir* – *уходить, уезжать*; баскский глагол *egon* – *rester* – *оставаться* и французский *rester* – *оставаться*; баскский *etorri* – *venir* – *приходить, приезжать* и французский *venir* – *приходить, приезжать*; баскский глагол *hil* – *mourir, décéder* – *умирать* и французские глаголы *mourir, décéder* – *умереть, скончаться*; баскский глагол *ibili* – *aller, tomber* – *ехать, падать* и французские глаголы *aller* – *ехать* и *tomber* – *падать*; баскский вспомогательный связочный непереходный глагол *izan* – *être, arriver* – *быть, приезжать* и французский глагол *arriver* – *приходить, приезжать*; баскский глагол *jaio* – *naître* – *рождаться* и французский глагол *naître* – *рождаться*; баскский глагол *joan* – *partir* – *уезжать* и французский глагол *partir* – *уходить, уезжать*; баскский глагол *sortu* – *aller* – *идти, ехать* и французский глагол *aller* – *идти, ехать* спрягаются с *izan* – *быть* и с *être* – *быть* соответственно. Таким образом, девять французских глаголов, спрягающихся с *être* (*partir, rester, venir, mourir, décéder, aller, tomber, arriver, naître*), имеют соответствия в баскском языке.

Интересно также отметить, что в немецком языке вспомогательный глагол *sein* – *être* – *быть* – спрягается с *sein*, как баскский *izan*, в отличие от французского, в котором *être* спрягается с *avoir* – *иметь*. Еще один баскский вспомогательный глагол *egon* – *être, exister* – *быть, существовать* также спрягается с *izan*. Здесь проявляется отличие баскского языка от французского, поскольку во французском языке оба вспомогательных глагола спрягаются с *avoir*.

В латинском языке сложных времен не было, следовательно, во французском они сформировались под влиянием языков, на которых ранее говорили в ареале распространения французского

языка. Доподлинно неизвестно, что представлял из себя галльский язык, так как от него не осталось никаких письменных памятников, поэтому неизвестно, были ли сложные времена в галльском языке, и, соответственно, могли ли они послужить прототипом для формирования сложных времен во французском языке. Поскольку сложные времена бытуют в баскском языке, можно предположить, что на формирование сложных времен во французском оказали влияние некоторые языковые явления, которые встречались в ареале распространения современного французского языка до появления кельтского субстрата. Не исключено, что определенную роль в этом сыграл баскский язык, как один из древнейших языков Европы, который был распространен на этой территории до прихода галлов.

Еще одной интересной особенностью баскского языка является то, что, если глагол может спрягаться то с *ukan* – *иметь*, то с *izan* – *быть*, то, при наличии прямого дополнения, он спрягается с *ukan*, а при отсутствии прямого дополнения – с *izan*, т.е. переходные глаголы спрягаются с *ukan*, а непереходные – с *izan*. Стоит отметить, что подобные колебания есть и во французском языке. Один и тот же глагол может спрягаться то с *avoir*, то с *être*, в зависимости от переходности-непереходности (например, *j'ai sorti un mouchoir* – я вынул платок, но *je suis sorti dans la rue* – я вышел на улицу). Трудно сказать, вследствие чего возникли подобные колебания, но полностью исключать влияние баскского языка нельзя.

Представляет также интерес образование будущего времени в баскском языке. Это время образуется от формы, производной от причастия прошедшего времени, путем прибавления определенного суффикса и личной формы вспомогательного глагола, с которым спрягается данный глагол. Если причастие прошедшего времени баскского глагола заканчивается на *-i, -si, -tu, -du*, то к нему прибавляется суффикс *-ko* (например, *etorriko zara* – *vous viendrez* – вы придете; *ikusiko dugu* – *nous verrons* – мы увидим; *ulertuko duzu* – *vous comprendrez* – вы поймете; *galduko du* – *il prendra* – он возьмет). Если же глагольная форма заканчивается на *-n*, то к ней прибавляется суффикс *-en* (например, *ukanen dut* – *j'aurai* – я буду иметь)¹. Во французском языке латинские будущие времена не получили своего продолжения, французский пошел по пути создания своего собственного будущего времени, образуемого путем прибавления к инфинитиву глагола в постпозиции личной формы глагола *avoir* – *je parlerai, tu parleras, il parlera, ils parleront* – я

¹ http://www.bascorama.com/BASQUE_COURS/Lecons/45_Futur.htm/

буду говорить, ты будешь говорить, он будет говорить, они будут говорить или части личной формы глагола *avoir* – *nous parlerons* – мы будем говорить; *vous parlerez* – вы будете говорить. Сопоставление с баскским языком напрашивается само собой.

Представляет интерес также проблема согласования *participe passé* глаголов, спрягающихся с *ukan* в баскском и с *avoir* во французском языках с прямым дополнением. Во французском языке в XIII–XVI веках *participe passé* таких глаголов согласовывался с прямым дополнением вне зависимости от места, которое это дополнение занимало¹. В современном баскском языке часто спрягается лишь вспомогательный глагол, но этот глагол согласуется как с подлежащим, так и с прямыми и косвенными дополнениями². Примером согласования в числе с подлежащим может служить форма *dut – je l'ai* – я это имею, с подлежащим и двумя дополнениями, прямым и косвенным, *diz-kiot – je les lui ai* – я ему их имею, *diz-kiet – je les leur ai* – я им их имею, и, наконец, с подлежащим и тремя дополнениями *dizkiezut – je vous les leur ai* – я вам их имею³. Если учесть, что порядок слов в баскском языке всегда обратный, и глагол всегда в конце, а прямое дополнение могут иметь лишь глаголы, спрягаемые с *ukan* (*avoir*), так как все глаголы, спрягаемые с *izan* (*être*) по определению непереходные, то можно заподозрить некую связь согласования *participe passé* глаголов, спрягающихся во французском языке с *avoir*, с баскским языком.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Баскский язык, безусловно, представляет собой уникальный случай древнейшего изолированного языка. Этот язык особенно интересен тем, что он сохранился на территории Европы и до сих пор бытует как живой язык баскского народа. Поскольку баскский язык представляет собой изолят неиндоевропейского происхождения, прямых сопоставлений его лексико-грамматической структуры со структурой индоевропейского французского языка быть не может в силу отсутствия генеалогической общности. Никакие универсалии, свойственные индоевропейским языкам, на него не распространяются. Типологически французский и баскский языки тоже очень далеко отстоят друг от друга. Агглютинативный баскский трудно сопоставить с аналитическим французским.

Однако не стоит забывать, что баскский язык бытовал в ареале распространения современного французского языка задолго до появления там галлов, которых французы считают своими предками,

римлян, которых они считают захватчиками, и тем более германцев, которые пришли на эту территорию последними, когда галло-романский язык уже в основном сформировался. Поскольку считается, что рассматриваемые в статье специфические особенности французского языка возникают еще в галло-романский период, т. е. до проявления влияний германского суперстрата, то логично апеллировать либо к воздействию галльского субстрата, либо к догалльским наслоениям.

Подробно изучить систему галльского языка не представляется возможным, в силу обрывочности сведений об этой лингвистической структуре и отсутствия письменной культуры у галлов. Отдельные единичные надписи на галльском языке, сделанные как латиницей, так и греческим шрифтом, не могут внести ясности в систему галльского языка. Всё, что о нем известно, относится к разряду предположений. Напротив, баскский язык, как язык ныне живущего народа, очень подробно изучен и описан. Следует понимать, что в доисторический период, галлы, расселяясь по Европе, оттеснили басков и заняли их ареал обитания. Таким образом, в силу территориальной общности, сначала галльский, затем галло-романский языки не могли не иметь контактов с баскским, и нельзя исключать, что эти контакты оставили некоторые следы в современном французском языке.

Глубокая и всеохватывающая теория стратификации, которая описывает историю формирования французского языка в целом, в силу своей глобальности, не учитывает влияние мелких факторов, которые могли внести определенный вклад в возникновение французского языка. Очевидно, что процесс создания французского языка был фрагментарным, многогранным, многоступенчатым. Французский язык, в процессе своего появления, подвергался множеству разнородных влияний, большинство из которых мы сейчас не можем восстановить в силу утраты языков и диалектов, которые входили с ним в соприкосновение. Влияние могли оказывать как языки родственные, так и языки неродственные, как языки типологически близкие, так и языки, принадлежащие к совершенно иным типологическим классам. Наиболее вероятным основанием для того, чтобы допустить вероятность такого влияния, следует считать возможность непосредственного контакта между носителями этих языков.

Таким образом, несмотря на типологические и генеалогические различия между баскским и французским языками, можно предположить, что баскский язык как язык коренного, автохтонного населения, мог оказать некоторое, хотя и не очень значительное, влияние на формирование французского языка.

¹ <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-03419418/document/>

² https://fr.wikipedia.org/wiki/Grammaire_du_basque/

³ http://www.euroskara.com/ETXAMENDI_Partie_3_Syntaxe_Phrase-simple.htm/

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.
2. Grevisse M. Le bon usage. Grammaire française. 13-e éd. rev. P.: Duculot, 1993.

REFERENCES

1. Jarceva, V. N. (ed.). (1990). Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' = Linguistic Encyclopedic Dictionary. Moscow: Sovetskaja jenciklopedija. (In Russ.)
2. Grevisse, M. (1993). Le bon usage. Grammaire française. 13-e éd., rev. Paris: Duculot.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пылакина Вероника Валерьевна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры французского языка переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pylakina Veronika Valerievna

PhD (Philology), Associate Professor
Associate Professor at the Department of the French Language
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	26.12.2022	The article was submitted
одобрена после рецензирования	01.02.2023	approved after reviewing
принята к публикации	01.03.2023	accepted for publication

Научная статья

УДК 81'42

DOI 10.52070/2542-2197_2023_4_872_104

Темпорально-аспектуально-таксисный комплекс как средство создания художественного диалога в драме (на материале пьесы Б. Шоу «Пигмалион»)

Т. С. Сорокина¹, О. В. Ерохина²^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия¹sotan1462116@gmail.com,²olgaverokhina@gmail.com

Аннотация. В статье на материале пьесы Б. Шоу «Пигмалион» рассматривается методика сегментации художественного диалога. Представлены данные анализа темпорально-аспектуально-таксисного (ТАТ) комплекса как грамматического средства создания диалога. По результатам исследования авторский выбор наполнения ТАТ-комплекса опосредовано через драматургический прием дискуссии отражает языковую картину мира эпохи создания пьесы, детерминированную соответствующим литературным направлением.

Ключевые слова: художественный диалог, диалогический модуль, категориальная ситуация, темпорально-аспектуально-таксисный комплекс, языковая картина мира

Для цитирования: Сорокина Т. С., Ерохина О. В. Темпорально-аспектуально-таксисный комплекс как средство создания художественного диалога в драме (на материале пьесы Б. Шоу «Пигмалион») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4 (872). С. 104–112. DOI 10.52070/2542-2197_2023_4_872_104

Original article

Tense-Aspect-Taxis Complex as a Means of Forming a Drama Dialogue (a case-study of B. Shaw's "Pygmalion")

Tatiana S. Sorokina¹, Olga V. Erokhina²^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia¹sotan1462116@gmail.com,²olgaverokhina@gmail.com

Abstract. The article is a case-study of B. Shaw's "Pygmalion" to illustrate segmentation of dialogue and analyse the realization of Tense-Aspect-Taxis complex as means of forming a drama dialogue. The resulting evidence is that the playwright's choice of TAT-complex in his dramatic method of discussion is indirectly reflected in the language worldview of the time, affected by the respective literary movement.

Keywords: literary dialogue, dialogic module, categorial situation, Tense-Aspect-Taxis complex, language worldview

For citation: Sorokina, T. S., Erokhina, O. V. (2023). Tense-aspect-taxis complex as a means of forming a drama dialogue (a case-study of B. Shaw's "Pygmalion"). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(872), 104–112. 10.52070/2542-2197_2023_4_872_104

ВВЕДЕНИЕ

Художественный диалог в драме является объектом многочисленных исследований в литературоведении и лингвистике. Литературоведение изучает вопросы литературно-художественного контекста и историко-политического фона. В лингвистике диалог рассматривается как тип речевой деятельности, обсуждаются вопросы построения и стратегий формирования диалогического дискурса, авторский выбор языковых средств для характеристики персонажей и др. Грамматический аспект подобных исследований касается средств связности диалогического дискурса и коммуникативных типов предложений. Особо стоит отметить анализ драматического диалога с позиции теории речевых актов. При этом грамматическая категориальная характеристика данного типа диалога не освещалась в имеющейся исследовательской практике.

Предлагаемое исследование выполнено в русле грамматики конструкций (C_xG) Ч. Филлмора [Fillmore, 1989] и его последователей и функциональной грамматики А. В. Бондарко [Бондарко, 2002] и представляет собой попытку совместить литературоведческий и лингвистический подходы к художественному диалогу в драме: определить совокупность категориальных ситуаций (темпорально-аспектуально-таксисный комплекс, далее ТАТ-комплекс), выраженную в разных сегментах драматического диалога (диалогических модулях), и интерпретировать реализацию ТАТ-комплекса как отражение языковой картины мира соответствующего периода, доступной нам через английскую драматургию определенного литературного направления.

Данная работа относится к исследовательской стратегии case-study, направленной на анализ языкового явления на примере отдельного эмпирического объекта (пьесы Б. Шоу «Пигмалион») и выработку методики и приемов для последующего их использования в полномасштабном диакронном исследовании.

Отсюда цель статьи: установить возможную связь реализации ТАТ-комплекса художественного диалога с языковой картиной мира через призму содержательно-ценностного компонента английской драмы конца XIX – начала XX века.

СЕГМЕНТАЦИЯ ДИАЛОГА. ТИПЫ ДИАЛОГИЧЕСКИХ МОДУЛЕЙ

В настоящее время интерес лингвистов и языковедов всё больше привлекает изучение принципов членения диалога на минимальные

диалогические составляющие с целью подробного описания художественного диалогического дискурса. Изучение подходов к организации диалога показало, что большая часть исследователей склоняется к выделению одного определяющего параметра при сегментации единиц диалога. Например, для некоторых исследователей тематический принцип является ведущим [Теплицкая, 1974], в то время как ряд других лингвистов предлагают рассмотреть фактор иллокутивной силы для выделения минимальных диалогических единств [Баранов, Крейдлин, 1992; Крейдлин, 2006].

Мы же разделяем мнение В. Л. Соколовой, которая утверждает, что один критерий сегментации диалогического дискурса не позволяет получить полное представление о коммуникативной сформированности художественного диалога. Представляется целесообразным применять комплексный подход к организации диалогического взаимодействия, что позволяет учитывать набор как лингвистических факторов (например, коммуникативного единства фрагментов), так и экстралингвистических особенностей [Соколова, 2008]. На наш взгляд, принцип деления диалога на диалогические модули (*далее* ДМ), разработанный и представленный В. Л. Соколовой, может быть применен к описанию художественного диалога в драме. Далее мы будем использовать термин ДМ для «обозначения фрагмента художественного диалога, обладающего относительной коммуникативной самостоятельностью и характеризующийся комплексом параметров» [там же, с. 47]. Основной и наиболее значимой характеристикой ДМ признается конкретное коммуникативное задание (*далее* КЗ), которое определяет характер развертывания диалогической коммуникации и место ДМ в общей структуре диалога. ДМ, являясь частью иерархической структуры диалога, имеет сложную концептуальную структуру, которая включает в себя несколько составляющих: тип КЗ, базовый концепт, концептуальные операторы.

В основе базового концепта лежит конкретный коммуникативный тип ДМ. Выделяются следующие концепты: 1) сообщение информации, 2) выражение эмоции/чувства, 3) побуждение к действию, 4) сообщение предусмотренной этикетом информации [Соколова, 2008].

В свою очередь, в рамках каждого коммуникативного типа выделяются концептуальные операторы, которые соответствуют подтипам ДМ. В рамках нашего исследования мы рассматриваем концептуальную структуру ДМ с учетом следующей классификации (см. рис 1–3):

Рис. 1. Концептуальная структура базового концепта «сообщение информации»

Рис. 2. Концептуальная структура базового концепта «сообщение предусмотренной этикетом информации»

Рис. 3. Концептуальная структура базового концепта «побуждение к действию»

Основные типы	Смешанные типы
• сообщение информации • сообщение предусмотренной этикетом ситуации • выражение эмоций • побуждение к действию	• выражение эмоций + побуждение к действию • сообщение информации + выражение эмоций / чувств • сообщение информации + побуждение к действию

Рис. 4. Типы диалогических модулей, выделенных в пьесе Б. Шоу «Пигмалион»

ДМ, которые относятся к эмотивному коммуникативному типу, имеют упрощенную концептуальную структуру (концептуальные операторы отсутствуют) и представлены в виде базового концепта «выражение эмоции / чувства».

В результате проведенного анализа ДМ, выделенных в тексте пьесы, нами сделаны выводы. С учетом реализуемого КЗ, были обнаружены основные и смешанные ДМ, т. е. базовые концепты (см. рис. 4).

Приведем примеры базовых концептов для иллюстрации того, как определенные критерии выделения ДМ, КЗ и наличие маркеров во фрагменте текста, способствуют определению коммуникативного типа.

Mrs. Pearce: You're tempting the girl. She should think of the future.

Higgins: Nonsense! Time enough to think of the future when you haven't any future to think of. No, Eliza: do as this lady does: think of other people's futures. Think of chocolates, and taxis, and gold, and diamonds.

Liza: No: I don't want no gold and no diamonds. I'm a good girl, I am.

Higgins: You shall remain so, Eliza, under the care of Mrs. Pearce.

Информационный ДМ содержит аргументированное мнение персонажей Хиггинса и Миссис Пирс о будущем Элизы, выраженное при помощи лексико-грамматических маркеров (*it's not right, she should think, I don't want, You shall remain so*).

Liza. What I always say is –

Higgins. Ahem!

Liza. Well: I must go. So pleased to have met you. Good-bye.

Mrs. Higgins. Good-bye.

Этикетный ДМ содержит форму выражения прощания, т. е. обозначает параметры выхода из

диалогического взаимодействия при помощи фраз, характерных для подобных ситуаций (*well: I must go, good-bye, so pleased to have met you*).

Clara (impulsively). How do you do?

Mrs. Eynsford Hill (introducing). My son Freddy.

Higgins (suddenly). By George, yes: it all comes back to me! (*They stare at him*). Covent Garden! (*Lamentably*). What a damned thing!

Особенность эмотивного ДМ характеризуется наличием авторских ремарок, которые являются ключевыми для передачи и восприятия эмоций персонажей (*impulsively, lamentably, they stare at him, what a damned thing!*).

Doolittle: And you'll come to the church and put me through straight?

Pickering: With pleasure. As far as a bachelor can.

Mrs. Higgins: May I come? I should be very sorry to miss your wedding.

Doolittle: I should indeed be honored by your condescension, ma'am.

Mrs. Higgins (rising): I'll order the carriage and get ready.

Приведенный пример относится к проактивному типу, а его КЗ состоит в оказании прямого или косвенного влияния на чувства и / или действия собеседника, а также побуждения собеседника к действию.

При сопоставлении коммуникативных типов ДМ, нами было обнаружено следующее соотношение базовых концептов (см. рис. 5). Исходя из полученных данных, очевидно, что наиболее частотными типами ДМ оказываются «сообщение информации», «сообщение предусмотренной этикетом информации» и «побуждение к действию». С учетом статистических данных, нами были выделены наиболее употребляемые концептуальные операторы в трех основных типах ДМ. Результаты исследования представлены в таблицах 1–3.

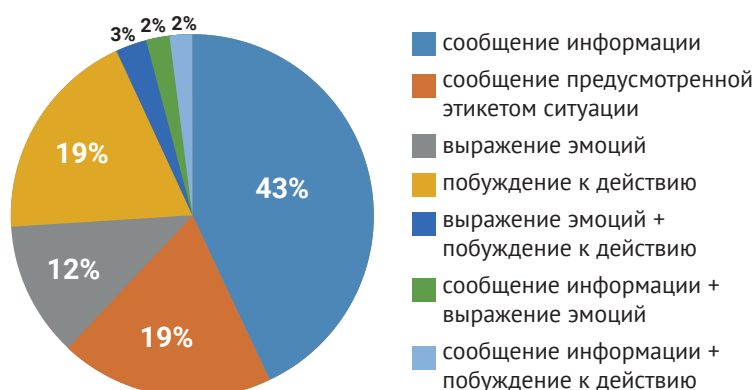

Рис. 5. Процентное соотношение типов ДМ (базовые концепты)

Выделенные на нашем материале путем сегментации наиболее частотные диалогические модули и их концептуальные операторы послужили

основой для анализа ТАТ-комплекса как грамматического средства создания художественного диалога в драме.

Таблица 1

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОПЕРАТОРЫ (СООБЩЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ)

Экспликация	Выражение мнения	Указание на предполагаемое действие / событие	Вербализация действия
36 (52%)	18 (26 %)	9 (13 %)	6 (9 %)

Таблица 2

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОПЕРАТОРЫ (ПОБУЖДЕНИЕ К ДЕЙСТВИЮ)

Прямая просьба	Указание на обстоятельства, обуславливающие необходимость действия	Долженствование	Стремление изменить эмоциональное состояние собеседника	Согласование действий с собеседником
13 (38 %)	7 (20 %)	3 (9 %)	6 (18 %)	5 (15 %)

Таблица 3

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОПЕРАТОРЫ (СООБЩЕНИЕ ПРЕДУСМОТРЕННОЙ ЭТИКЕТОМ ИНФОРМАЦИИ)

Вхождение в диалогическое взаимодействие / Выход из диалогического взаимодействия	Смена темы в ходе реализации диалогического взаимодействия
20 (71 %)	8 (29 %)

ТЕМПОРАЛЬНО-АСПЕКТУАЛЬНО-ТАКСИСНЫЙ КОМПЛЕКС ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИАЛОГА В ДРАМЕ. ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

ТАТ-комплекс как грамматическое средство формирования художественного диалога представляет собой совокупность категориальных ситуаций. В соответствии с моделью функциональной грамматики А. В. Бондарко категориальная ситуация входит в концептуальную триаду к «семантическая категория – функционально-семантическое поле – категориальная ситуация» [Бондарко, 2002, с. 10]. При этом под категориальной ситуацией (КС) имеется в виду типовая содержательная структура, которая входит в семантическую базу ситуации и реализует определенную категорию. Иными словами, данное понятие ориентировано на реализацию в высказывании того или иного варианта семантической категории – категории темпоральности, аспектуальности, таксиса и т. п., а выражаемая высказыванием семантическая ситуация включает в себе определенный комплекс КС.

Среди КС, взаимодействующих в выражаемой высказыванием ситуации, может выделяться доминирующая КС – наиболее важный и прототипический элемент из числа компонентов, образующих смысл высказывания. Остальные семантические элементы составляют «фон», и «в иерархии актуализированных элементов содержания высказывания их роль относительно второстепенна» [Бондарко, 2002, с. 325].

По общему мнению, диалог – это вид речевого общения. На уровне речи единицами исследования диалога являются высказывания, на уровне языка – предложения. Одним из инструментов описания предложения признается грамматическая конструкция. С позиции грамматики конструкций (C_xG) конструкция понимается как гештальт, поскольку значение конструкции, хотя и определяет наполнение его компонентов, является не простой суммой отдельных частей, а результатом их сложного взаимодействия [Goldberg, 1995]. Центром грамматической конструкции признается глагол. Именно глагол как деятельностный компонент ситуации является основным носителем эксплицитной информации, в частности, о темпоральных, аспектуальных и таксисных характеристиках ситуации. Вместе с тем дополнительную информацию содержат в себе и другие компоненты грамматической конструкции (контекст) и фоновые знания коммуникантов.

Результаты проведенного исследования показали, что в ТАТ-комплексе на нашем материале

доминирует семантическая категория темпоральности: план настоящего, прошедшего и будущего выражается преимущественно глаголом в недлительных и неперфектных формах (86%). При этом аспектуальные характеристики ситуации передаются морфологически маркированными длительными формами в 5% случаев, а таксисные характеристики – перфектными формами в 9% случаев. Наблюдается также, что отнесенность ситуации к будущему, помимо форм Future Simple и Future in the Past, выражается:

- формами Present Simple:
Pickering: I'll say you're the greatest teacher alive if you make that good.
- формами Present Continuous
Freddy: Are you walking across the Park, Miss Doolittle?
- сослагательным наклонением:
Higgins: You see, she'll be a pupil; and teaching would be impossible unless pupils were sacred.
- модальными глаголами:
Higgins: You shall have boxes of them, barrels of them, every day. You shall live on them. LIZA: What am I fit for? Where am I to go? What am I to do? What's to become of me?

Отнесенность к прошлому в дополнение к информации глагола поддерживается другими компонентами грамматической конструкции, например, такими как:

- любые объекты и обстоятельства, косвенно указывающие на время действия:
The Flower Girl: They walked to the bus when the rain stopped.
- согласование времен:
Miss Eynsford Hill: Is it so very cynical? Higgins: Cynical! Who the dickens said it was cynical?
- указание на место действия:
Liza: This ring isn't the jeweler's: it's the one you bought me in Brighton.
- порядок следования претеритных форм:
Higgins: She was left last night, and instead of going to bed she changed her clothes and went right off.

Для конкретной реализации TAT-комплекса существенным оказывается учет наиболее частотных концептуальных операторов, а также подтипов информативных ДМ. Так, для ДМ «сообщение информации» экспликативно-логический подтип содержит условия для вневременной или ситуативной отнесенности ситуации; модально-суггестивный и футурально-суггестивный подтипы указывают на желательность / нежелательность и степень вероятности события в будущем; перформативный подтип представляет вербализованное действие, в том числе относящееся к прошлому. Наиболее частотные концептуальные операторы ДМ «побуждение к действию», такие как «долженствование», «указание на обстоятельства, обуславливающие необходимость действия», создают предпосылки для возможного выбора модальных глаголов, форм будущего времени и сослагательного наклонения для выражения побуждения к действию в будущем.

Вернемся теперь к главной задаче исследования – совмещению литературоведческого и лингвистического подходов к диалогу в драме. Есть ли основания полагать, что существует зависимость выбора грамматических средств создания художественного диалога от авторских установок литературного направления, определяемого общественно-историческими условиями создания того или иного драматического произведения?

По мнению литературоведов, драма – это не только самый традиционный, но и самый авангардный род литературы, поскольку «каждый исторический период несет в себе определенный дух времени, его нравственный нерв» [Журчева, 2001, с. 1.]. Драма, может быть, больше других форм искусства требует соответствия современному ей уровню общественного сознания. Поэтому «в процессе своей художественной эволюции драма не только отражает самые новаторские творческие поиски, но в некоторых случаях становится важнейшим выразителем творческого метода, направления или стиля» [там же].

Пьеса Б. Шоу «Пигмалион» написана на рубеже XIX–XX веков, в период, который знаменует уходящий викторианский век и приход эпохи перемен и противоречий: перемены, происходившие в экономике и политике, сказались на духовном состоянии общества, прежде всего в философии и литературе. Картина литературного процесса этого периода включает разные направления, однако ведущее место занимает реализм. Опираясь на

драматургическую школу Г. Ибсена, Б. Шоу, как подлинный новатор, утвердил в английском театре новый тип драмы – интеллектуальную драму. Сам Б. Шоу называл свои пьесы «пьесами-дискуссиями» [Трутнева, 2015], где драматизм основан не на внешней интриге, а на острых идейных противоречиях с самой действительностью. Свою задачу как драматурга Б. Шоу видел в том, чтобы вскрыть тающиеся в обществе противоречия и найти путь к более современным формам общественной и частной жизни. В «новой драме» меняется роль автора в тексте пьесы. Так, система авторских ремарок уже не играет служебную роль, но активно способствует выражению настроений, эмоционального фона и обстоятельств жизни героев. Происходят изменения и в структуре диалога: они часто перерастают в монологи, либо объясняющие существующее положение дел в жизни персонажей, либо повествующие о прошлом и выражающие взгляд в неизведанное будущее.

Анализ показал, что конкретная реализация TAT-комплекса, а именно – доминирующая семантика темпоральности настоящего, прошлого и будущего (при фоновом участии аспектуальности и таксиса), отражает языковую картину мира английской «новой драмы» – литературного направления, в котором драматургические установки и содержательно-оценочные характеристики детерминированы общественной жизнью начала XIX – конца XX века.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование продемонстрировало возможности методики сегментации диалога, определения основных типов диалогических модулей, их подтипов и концептуальных операторов, которые во многих случаях определяют наполнение TAT-комплекса, который, в свою очередь, иллюстрирует авторский выбор грамматических средств формирования художественного диалога в соответствии с идеями «рационального театра», «интеллектуальной драмы», где дискуссия (обмен мнениями персонажей) становится драматургическим приемом, вскрывающим идейные конфликты современной автору действительности. Таким образом, конкретная реализация TAT-комплекса опосредовано, через драматургический прием, отражает языковую картину мира, определяемую общественным сознанием эпохи создания пьесы Б. Шоу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Fillmore Ch. Grammatical Construction Theory and the Familiar Dichotomies // *Language Processing in Social Context*. Amsterdam: Elsevier, 1989. P. 17–38.

2. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. Рос. академия наук. Ин-т лингвистических исследований. М.: Языки славянской культуры, 2002.
3. Теплицкая Н. И. Некоторые проблемы диалогического текста: дис. ... канд. филол. наук. М., 1974.
4. Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е. Структура диалогического текста: лексические показатели минимальных диалогов // Вопросы языкознания. 1992. № 3. С. 84–93.
5. Крейдлин Г. Е. Механизмы взаимодействия вербальных и невербальных единиц в диалоге I. Жестовые ударения // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды международной конференции «Диалог 2006» : под ред. Н. И. Лауфер [и др.]. М.: РГГУ, 2006. С. 290–296.
6. Соколова В. Л. Коммуникативная структура англоязычного художественного диалога: дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.
7. Goldberg A. Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure. Chicago: The University of Chicago Press. 1995.
8. Журчева О. В. Формы выражения авторского сознания в «Новой драме» рубежа XIX–XX веков // Вестник Самарского государственного университета. Литературоведение. 2001. Вып. 1. С. 1–11.
9. Трутнева А. Н. «Пьеса-дискуссия» в драматургии Б. Шоу конца XIX начала XX века (проблема жанра): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2015.

REFERENCES

1. Fillmore, Ch. (1989). Grammatical Construction Theory and the Familiar Dichotomies. *Language Processing in Social Context* (pp. 17–38). Amsterdam: Elsevier.
2. Bondarko, A. V. (2002). *Teoriya znacheniya v sisteme funkcional'noj grammatiki: Na materiale russkogo yazyka.* = The theory of meaning in the system of functional grammar (founded on the materials of the Russian language). Institute of Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences. Moscow: Languages of Slavic Cultures. (In Russ.)
3. Teplickaya, N. I. (1974). *Nekotorye problemy dialogicheskogo teksta* = Some aspects of dialogical text: PhD in Philology. Moscow.
4. Baranov, A. N., Krejdlin, G. E. (1992). *Struktura dialogicheskogo teksta: leksicheskie pokazateli minimal'nyh dialogov* = The structure of the dialogical text: lexical indicators of minimal dialogues. *Voprosy yazykoznanija*, 3, 84–93. (In Russ.)
5. Krejdlin, G. E. (2006). Means of interaction between verbal and nonverbal sign units in a dialogue. Part I: batons. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies* (pp. 290–296): international conference “Dialogue 2006” proceedings. Russian State University for the Humanities. (In Russ.)
6. Sokolova, V. L. (2008). *Kommunikativnaya struktura angloyazychnogo hudozhestvennogo dialoga* = Communicative structure of English literary dialogue: PhD in Philology. Moscow.
7. Goldberg, A. (1995). *Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure*. Chicago: The University of Chicago Press.
8. Zhurcheva, O. V. (2001). Forms of expression of the author's consciousness in New Drama at the turn of the 19th–20th centuries. *Vestnik of Samara State University. Literature Studies*, 1, 1–11. (In Russ.)
9. Trutneva, A. N. (2015). *P'sa-diskussiya v dramaturgii B. Show konca XIX nachala XX veka (problema zhanra)* = A play discussion in the dramaturgy of B. Shaw of the late 19th and early 20th centuries (the problem of the genre): abstract of PhD in Philology. Nizhnij Novgorod.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сорокина Татьяна Сергеевна

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры грамматики и истории английского языка
факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета

Ерохина Ольга Викторовна

аспирант кафедры грамматики и истории английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sorokina Tatiana Sergeevna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor, Professor at the Department of Grammar and History of English,
Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University

Erokhina Olga Viktorovna

Postgraduate Student, Department of Grammar and History of English,
Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

28.12.2022
31.01.2023
01.03.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Типы контактных вариантов слов (на материале словацкого и чешского языков)

Ю. П. Уварова^{1,2}

¹Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, uvarova.junior@icloud.com

²Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматривается классификация контактных вариантов слов в соответствии с уровнями языка (фонетическим, словообразовательным, лексическим, морфологическим, синтаксическим и фразеологическим) на материале словацкого и чешского языков. Предлагается новая классификация, основанная на отношениях между исконным словом и его контактным аналогом. В статье подробно анализируются разные типы контактных вариантов, делается вывод: содержит ли рассматриваемая пара слов контактный вариант или нет.

Ключевые слова: языковой контакт, контактология, контактная лингвистика, контактный вариант, классификация

Для цитирования: Уварова Ю. П. Типы контактных вариантов слов (на материале словацкого и чешского языков) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4 (872). С. 113–119. DOI 10.52070/2542-2197_2023_4_872_113

Original article

Types of Contact Variants of Words (based on the Slovak and Czech languages)

Julia P. Uvarova^{1,2}

¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, uvarova.junior@icloud.com

²Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract. The article examines the classification of contact variants existing in Czech and Slovak linguistics in accordance with the language levels (phonetic, word-formation, lexical, morphological, syntactic and phraseological). A new classification based on the relationship between the original word and its contact analogue is proposed. The article analyzes in detail different types of contact variants, and concludes whether this pair of words contains a contact variant or not.

Keywords: language contact, contactology, contact linguistics, contact variant, classification

For citation: Uvarova, J. P. (2023). Types of Contact Variants of Words (based on the Slovak and Czech languages). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(872), 113–119. DOI 10.52070/2542-2197_2023_4_872_113

ВВЕДЕНИЕ

Современное языкознание уделяет пристальное внимание проблеме языковых контактов. Проблематикой взаимодействия языков занимается контактная лингвистика (контактология). Это относительно новое направление в языкознании, с середины XX века формирующееся как самостоятельная лингвистическая дисциплина. Основной круг проблем, которыми занимается контактная лингвистика, был определен У. Вайнрайхом [Weinreich, 1953]. Поскольку контактная лингвистика является наукой молодой, круг исследуемых проблем постоянно дополняется и конкретизируется, и соответственно понятия и термины находятся на стадии становления.

В настоящее время контактная лингвистика активно развивается на материале славянских языков, причем это происходит не одновременно в национальных лингвистиках, в результате чего они приобретают специфические особенности. Так, еще в Чехословакии возник особый интерес к изучению контактов чешского и словацкого языков, причем сохраняется он и после разделения единого государства. При этом было выяснено, что целый ряд лексических заимствований в названных языках приводил к тому, что возникали специфические пары слов – исконное и заимствованное, – обладающие аналогичным значением, но не равнозначные в области функционирования, стилистической характеристики или эмоциональной оценки сообщаемой информации. Нейтральным статусом обладают исконные слова, тогда как заимствованные отличаются определенной спецификой. Последние в чешской и словацкой лингвистиках получили наименование контактных вариантов слов. Первым ввел этот термин А. Едлиčka, подчеркнувший, что контактные варианты слов возникли в период существования чехословацкого государства [Jedlička, 1968].

Отметим, что вопрос квалификации заимствованного слова как контактного варианта является достаточно сложным и в полной мере не разработанным, поэтому выделение типов контактных вариантов является целью данной статьи, в которой теоретические положения иллюстрируются из корпусов чешского¹ и словацкого² языков.

КЛАССИФИКАЦИЯ В СООТВЕТСТВИИ С ЯЗЫКОВЫМИ УРОВНЯМИ

В чешской и словацкой лингвистиках уже была предложена классификация типов контактных

вариантов слов в соответствии с тем, к какому языковому уровню относится данное явление. Так, выделяются контактные варианты на фонетическом, словообразовательном, лексическом, морфологическом, синтаксическом и фразеологическом уровнях [Gajdošová, 2013; Gazdík, 2005; Sokolová, 1995; Musilová, 2011].

На фонетическом уровне происходит приспособление звуковой оболочки божества или слова к системе принимающего языка. При этом заимствованное слово, по сути, может совпадать с уже существующим в языке, но отличаться от него фонетически. Приведем соответствующие примеры.

Operoval zručne, preparoval anatomicky, jeho technika bola do posledných rokov brilantná, šetriaca vždy živú tkáň a živú buňku.³ – Он оперировал искусно, анатомически препарировал, его техника была до последних лет изумительной, всегда сохраняющей живую ткань и живые клетки.⁴
Týmus pomáha lymfocytom pri ich rozpoznávaní, aby nepoškodzovali zdravé bunky.⁵ – Вилочковая железа помогает лимфоцитам распознавать их, чтобы они не вредили здоровым клеткам.

Чешское слово *buňka* – *клетка, ячейка* считается контактным вариантом чешского происхождения, существующим наравне со словацким *bunka*.

Можно найти и аналогичные примеры в словацком языке:

Posílám foto, kdy na terase vybudoval vojenské opevnění a spolu s pejskem strážili celý dům.⁶ – По-сылаю фото, на которой он построил на террасе военные укрепления и вместе с песиком сторожили весь дом.
Už není sama, kdo střeží to tajemství, teď jsou na to dva.⁷ – Уже не одна она охраняет эту тайну, теперь их двое.

Словацкое слово *strážit* – *охранять, сторожить* проникает в чешский язык в форме *strážit*, утрачивается мягкость на конце, поскольку все чешские глаголы оканчиваются на твердое *t*. При этом в чешском языке уже существует глагол *střežit* с тем же значением.

На словообразовательном уровне параллельными являются формы с заимствованными и своими аффиксами.

³ Forum Historiae. Elity na Slovensku v 19. a 20. storočí. Bratislava: Historický ústav SAV 2018, č. 1.

⁴ Зд. и далее перевод наш. – Ю. У.

⁵ <https://www.nextech.sk>

⁶ Moje rodina, č. 20/2013, Korpus syn2015

⁷ Katalpa, Jakuba (2017): Doupe. Brno: Host. Korpus syn2020.

¹ https://kontext.korpus.cz/first_form?corpname=syn_v8

² <https://korpus.sk/>

Например, в словацком языке – формы *predsedkyňa* – женщина-председатель (чеш. *předsedkyně*) и *predsedníčka*:

...upozornila predsedkyňa zväzu Tatiana Lopúchová.¹ – ...сообщила председатель союза Татьяна Лопухова.
...bola predsedníčkou Krúžku mladých pri Zväze spisovateľov.² – ...она была председателем Кружка молодых при Союзе писателей.

В чешском языке также существуют параллельные формы: *psychiatřička* – женщина-психиатр и *psychiatryně* с тем же значением:

...důkaz jeho naprosto normálního duševního stavu, dodala psychiatřička.³ – ...доказательство его абсолютно нормального душевного состояния, – добавила психиатр.

Psychiatryně si uvědomuje, že se chvílemi usmívá...⁴ – Психиатр понимает, что временами она улыбается...

Контактный вариант *psychiatřička* пришел в чешский язык из словацкого.

На лексическом уровне конкурируют между собой заимствованное и исконное слово, образованные от разных основ.

Например, в словацком существует слово *dielčí* – частичный, частный, составной (чеш. *dílčí*) и *čiasťkový*.

Slovensko zapojené do riešenia dielčích otázok tejto témy⁵... – Словакия включена в решение отдельных вопросов по этой теме...

Z uvedených úvah možno urobiť čiasťkový záver...⁶ – Из приведенных размышлений можно сделать предварительный вывод...

О чужеродности слова *dielčí* свидетельствует отсутствие в примере ритмического сокращения, хотя в склонении качественных и относительных прилагательных оно реализуется последовательно.

В чешском языке можно найти аналогичную пару – *dovolenkový* (от слов. *dovolenka* – отпуск) и *prázdninový* – каникулярный, отпускной:

...odjel si prohlídat svá bolavá záda do své zamilované dovolenkové destinace na Maledivách⁷ – Он уехал прогреть больную спину в свое любимое место для отпуска – на Мальдивы.

Kolem něho radostně štěbetaly děti, těšící se na prázdninové zážitky.⁸ – Вокруг него радостно щебетали дети в предвкушении удовольствия от каникул.

К морфологическому уровню относят случаи, когда различие между чешским и словацким вариантами заключается в роде существительного, что находит отражение в их парадигмах.

Например, в словацком языке слово *dráma* – драма женского рода, но под влиянием чешского языка встречаются случаи его употребления в среднем роде (в чешском *drama* – слово среднего рода), как показывает следующий пример:

...príde dramatik, ktorý z jeho materiálu, tak krásne zoskupeného, utvorí nám klasické dramató.⁹ – ...придет драматург, который из своего материала, так прекрасно собранного, сделает нам классические драмы.

Dramató – окончание существительного *á*, типичное для словацких существительных среднего рода. Однако сохраняется исконный средний род существительного и наращение *-at-*, характерные для чешского языка и под его влиянием перенесенные в словацкий. Еще один пример:

Dráma sa odohrala v stredu¹⁰. – Драма разыгралась в среду.

Окончание глагола указывает на женский род слова *dráma*.

По-словацки *variant* – вариант мужского рода, но встречается также *varianta* женского рода (от чешского *varianta* женского рода):

Systém s touto variantou nepočítá¹¹. – Система не учитывает этот вариант.

Окончания творительного падежа указательного местоимения *tou* и существительного *variantou* указывают на женский род.

¹ URL: <https://www.sme.sk>

² Szczygiel, Mariusz: Nie je. Žilina: Absynt 2020. 312 s. Preklad: Miroslav Zumrlik.

³ Blesk, 14. 1. 2019. Korpus syn2020

⁴ Postgraduální medicína, č. 3/2018 korpus syn 2020

⁵ Poľnohospodár. Dvojtyždenník Slovenskej poľnohospodárskej univerzity v Nitre. Nitra: SPU 2020, roč. 64, č. 7

⁶ Bröst, Alexander, Breichová Lapčáková, Marta (eds.): Demokracia, dôstojnosť, diverzita. Košice: Univerzita Pavla Jozefa Šafárika 2020. 133 s.

⁷ Aha! neděle, č. 41/2017. Korpus syn2020

⁸ Švandrlík, Miloslav (2017): Šumavský upír. Praha: Epocha.

⁹ Acta Teatralia Neosoliensis. Banská Bystrica: Fakulta dramatických umení Akadémie umení 2020, roč. 7, č. 1-2.

¹⁰ SME. Denník. Bratislava: Petit Press 17.10.2009

¹¹ MY Trenčianske noviny. Bratislava: Petit Press 2014, roč. 56, č. 19.

Pochopiteľne, počítajú aj s variantom ...¹ – Конечно, они учитывают и вариант...

Окончание творительного падежа существительного *variantom* указывает на мужской род.

К синтаксическому уровню предлагается отнести случаи, когда различие между чешским и словацким вариантами касается управления глаголов.

Так, в словацком языке глагол *zúčastniť sa* – *принять участие* управляется предложным падежом с предлогом *na*, но под влиянием чешского *zúčastnit se čeho* возникает управление в родительном падеже без предлога. Приведем пример:

Zákonodarca ukladal povinnosť zamestnancovi zúčastniť sa takejto akcie.² – Законодатель обязал работника участвовать в данной акции.

Zúčastnil sa na všetkých jeho prezidentských inauguráciách.³ – Он участвовал во всех его президентских инаугурациях.

Сюда же можно отнести управление предлогов: в словацком языке предлог *mimo* – *вне, мимо* управляет родительным падежом, в чешском же винительным, и в словацком языке мы встречаем варианты *mimo zákon* вместо *mimo zákona* – *вне закона*, *mimo plochy* вместо *mimo plochy* – *вне поверхности*.

Ktoré podnikajú v šedej zóne a mimo zákon. – Которые занимаются предпринимательством в теневой зоне и вне закона.

В данном случае предлог *mimo* управляет винительным падежом.

К фразеологическому уровню Газдикова предлагает относить устойчивые сочетания, меняющиеся под влиянием другого языка [Gazdíková, 2005]. Например, заимствованный из чешского языка фразеологизм *dostať sa ku korytu* – *добраться до корыта* начинает конфликтовать со словацким *dostať sa k válovi* – *добраться до корыта*. *Válov* также означает *корыто*, но слово заимствовано из венгерского. Неконтактным аналогом в данном случае, по мнению Газдиковой, можно считать фразеологизм *dostať sa k masnému hrncu* – *к жирному горшочку*. Все приведенные фразеологизмы имеют значение «добраться до кормушки».

¹ Róžová, Jana: Štylistický rozbor súčasnej slovenskej mládežníckej literatúry. Diplomová práca. Trnava: Filozofická fakulta UCM 2006. 91 s.

² Skolodová, Katarína, Minčíková, Monika (eds.): Nové výzvy ochrany zdravia zamestnancov. Košice: Univerzita Pavla Jozefa Šafárika 2020. 120 s.

³ <https://tyzden.sk>

ПАРЫ СЛОВ, НЕ СОДЕРЖАЩИЕ КОНТАКТНЫХ ВАРИАНТОВ

Значительно более интересной, однако, является классификация контактных вариантов слов на основе отношений, существующих между исконным словом и его контактным вариантом. Данная классификация в чешской и словацкой лингвистиках не разрабатывалась.

Для установления типов контактных вариантов слов важно сначала выяснить, какие слова, совпадающие в обоих языках и имеющие хотя бы в одном из них нейтральный эквивалент, контактными вариантами слов не являются.

Во-первых, это слова общего происхождения или общеславянские слова. Например, в словацком языке параллельно используются слова *okno* и *oblok* – *окно*, первое из которых совпадает со словом *okno* в чешском языке, а второе пришло в словацкий язык из венгерского. Приведем примеры:

Umiestnil som ho zvnútra na parapete kuchynského okna smerujúceho do záhrady.⁴ – Я поместил его изнутри, на подоконнике кухонного окна, обращенного в сад.

Keď som sa prebúdzal, slnko už svietilo cez obloky.⁵ – Когда я просыпался, солнце уже светило в окна.

Было бы ошибочно говорить об этих словах как о контактных вариантах, поскольку слово *okno* общеславянское. В кратком словаре словацкого языка 2003 года⁶ встречаются оба слова как синонимы. Интересно, что в корпусе словацкого языка 2020 года слово *okno* встречается 959 раз (частотность 0,58 на миллион), а *oblok* – только 13 раз (частотность 0,01 на миллион).

В качестве еще одного примера можно привести словацкие слова *les* – *лес* и *hora* – *лес и гора*, созвучные чешским *les* – *лес*, а *hora* – *гора*:

Dub – kráľ lesa⁷. – Дуб – король леса.

Veľkým koničkom Mariána Brtku sú huby. Rád chodí do hôr, najlepšie si v nich oddýchne a odreažuje sa.⁸ – Главное хобби Мариана Бртка – грибы. Он любит ходить в лес, там он лучше всего отдыхает и отвлекается.

⁴ <https://www.nextech.sk>

⁵ Seewald, Peter: Ježiš Kristus. Biografia. Trnava: Spolok sv. Vojtecha 2012. 559 s. Preklad: Blažej Belák.

⁶ https://www.juls.savba.sk/kssj_4.html

⁷ Poľnohospodár. Dvojtyždenník Slovenskej poľnohospodárskej univerzity v Nitre. Nitra: SPU 2004, roč. 49, č. 3.

⁸ MY Hornonitrianske noviny. Bratislava: Petit Press 2010, roč. 17, č. 34.

Ошибочно было бы считать, что слово *les* было заимствовано из чешского языка в словацкий, поскольку обе лексемы *les* и *hora* общеславянского происхождения. В KSSJ¹ 2003 они приводятся как синонимы. Во-вторых, это слова другого языка, употребляемые в языке-реципиенте под влиянием внеязыковых факторов. На чешском материале можно рассмотреть пару *naozaj* и *opravdu* – действительно. В данной паре *naozaj* является словакизмом, *opravdu* – чешским словом. В корпусе современного чешского языка слово *naozaj* встречается в публицистике исключительно при пародии на речь словаков, например:

Do médií unikne tajná nahrávka z jednání předsednictva ANO, kde Babiš říká Stropnickému: „Když to prohraješ, to je mi fuk. Ale naopak musíš okolo tých voleb do Národní rady objet republiku, rozdávat koblíhy a vyzerat ako budúci prezident! ² – В медиа будет слита тайная запись с переговоров президиума АНО, где Бабиш говорит Стрופницкому: «Если ты проиграешь, мне всё равно. Но ты действительно должен перед выборами объехать республику, раздать пончики и выглядеть, как будущий президент!».

При анализе надо учитывать, что Бабиш – политический деятель словацкого происхождения. В данном случае заимствованное, словацкое слово употреблено под влиянием происхождения автора текста.

Наконец, это слова, составляющие пары, где оба варианта являются литературными и стилистически нейтральными.

Например, суффикс *-ítko* считается заимствованным из чешского. Однако если мы рассмотрим варианты *právítko* и *lineár* – *линейка*, то увидим, что в словаре KSSJ оба варианта являются литературными, приводятся без помет. А в корпусе словацкого языка даже значительно преобладает слово *právítko* с тем самым «чешским» суффиксом. Эти слова не будут являться контактными вариантами: *právítko* – 1401 употребление, *lineár* – 178 употреблений.

Na experimente bola porovnaná vzdialenosť pomocou pravítka.³ – В эксперименте расстояние было измерено с помощью линейки.

В качестве еще одного примера можно привести пару *ručník* и *uterák* – *полотенце*, в которой

слово *ručník* традиционно принято считать чешским, а *uterák* – словацким. Оба слова являются кальками слов других языков: *ručník* – немецкого *Handtuch*, *uterák* – венгерского *törülköző*. В KSSJ без помет приводятся оба слова в качестве синонимов, оба слова литературные, в словаре словацких наречий эти слова не встречаются. В корпусе больше используется *uterák* (в 2020 году *ručník* – 3, *uterák* – 43 употребления). Для чешского языка тоже принято считать слово *ručník* более чешским, а *utěrák* – более словацким вариантом. Однако в словаре они приводятся без помет, а также такие варианты, как *utěrka*, *utírka* и *utěradlo*, из которых только последнее является устаревшим. В корпусе чешского языка чаще остальных встречается *ručník* (1743), на втором месте – *utěrka* (988), *utěrák* встречается только 3 раза.

ПАРЫ СЛОВ, СОДЕРЖАЩИЕ КОНТАКТНЫЙ ВАРИАНТ

Итак, рассмотрим контактные варианты слов.

1. Заимствования, которые не фиксируются в словаре, но используются в речи. Примером может служить использование предлога *za* в значении «через какое-то время», неправильное для словацкого языка и употребляющееся под влиянием чешского (*za hodinu* – *через час*, *za rok* – *через год*). В словаре KSSJ 2003 такого употребления предлога *za* не приводится. В корпусе современного словацкого языка такие примеры, однако, встречаются регулярно, например:

За годину јеј коңі регуларна pracovнá доба.⁴ – Через час у нее заканчивається работа.

...potom možno ani nie za hodinu prišiel za mnou kamarát a povedal⁵. – Потом меньше, чем через час, ко мне пришел друг и говорит...

Аналогичный пример можно найти и для словацкого языка. Например:

Na ušiach mám sluchátka.⁶ – В ушах у меня наушники.

Приведенное в примере слово *sluchátko* можно считать контактным вариантом чешского происхождения «телефонная трубка, наушник», а *slúchadlo* – словацким неконтактным аналогом с тем же значением. Слово *sluchátko* отсутствует в словаре словацкого языка KSSJ 2003, однако

¹ KSSJ – Krátky slovník slovenského jazyka. Словарь 2003 года является кодификационным справочником. <https://slovník.juls.savba.sk/?w=hora&s=exact&c=135b&cs=8&d=kssi4&d=psp#>

² Hospodářské noviny, 13. 12. 2016.

³ Saksl, Karel: Praktické cvičenia z röntgenovej difraktometrie. Košice: Univerzita Pavla Jozefa Šafárika 2020.

⁴ Tatjana Búgelová, Gabriela Kravčáková (eds.): *Hodnota duševnej práce pre organizáciu a spoločnosť*. Košice: Univerzita Pavla Jozefa Šafárika 2010. 433 s.

⁵ <https://www.birdz.sk>

⁶ <https://www.birdz.sk>

в корпусе словацкого языка зафиксировано 361 его употребление. Интересно, что еще дважды встречается его вариант *slúchatko*, долгота в котором переместилась, очевидно, под влиянием словацкого литературного варианта. *Slúchadlo* – кодифицированный литературный вариант.

В качестве еще одного примера можно привести пару – *kružidlo* и *kružítko* – *циркуль*. Приведем описание товара в словацком интернет-магазине:

Kružítko slúži na precízne rysovanie kruhov¹. – Циркуль служит для точного черчения окружностей.

И в следующем предложении мы встречаем:

Ich priemer závisí od nastavenia ramien kružidla. – Их диаметр зависит от расстояния между ножками циркуля.

Примечательно, что контактный вариант *kružítko* (чеш. *kružítka*), не зафиксированный в словаре словацкого языка KSSJ 2003, и его неконтактный аналог *kružidlo* используются в качестве синонимов в двух соседних предложениях.

2. Заимствования, которые в словаре фиксируются как неверные или со стилистическими пометами, но используются в речи. Например, в словаре словацкого литературного языка KSSJ 2003 слово *kukátko* – *бинокль* обозначено как неверное, *ďalekohľad* – неконтактный аналог. В корпусе словацкого языка 2020 года оба эти варианта фиксируются, что говорит о том, что они действительно являются контактными вариантами. Интересно, что при этом оба слова похожи на чешские. В чешском *kukátko* означает *глазок в двери, театральный бинокль*, *dalekohled* – *бинокль*, например:

Šoth potrel kukátko a situoval scénu do stredu hľadiska.² – Шоф протер бинокль и настроил, чтобы сцена была по центру.

Таким же примером может считаться пара *klud* и *pokoj* – *тишина, спокойствие*. В словаре KSSJ 2003 *klud* фиксируется как неверное, вместо него предлагается использовать словацкий аналог *pokoj*. В корпусе за 2020 год *klud* используется 40 раз, *pokoj* – 615. Даже фонетическая словакизация чешского слова *klid* не способствует его сохранению в языке.

Можно также упомянуть слово *bázlivý* – *трус-ливый, несмелый*, приведенное в словаре словацкого языка 1959–1968 годов³ с пометами «книжное, устаревшее». В более поздних словарях слово уже не встречается. Однако в корпусе словацкого языка мы находим использование этого слова даже в текстах 2020 года:

Ústredný motív je, ako sa bázlivý dramatik neľahko premieňa pred očami diváka na disidenta a politika.⁴ – Центральный мотив – нелегкая перемена несмелого драматурга в диссидента и политика на глазах у зрителя.

Интересный пример можно найти и на материале чешского языка. *Rozlučka* – контактный вариант *прощание, расставание* (сл. *rozlúčka* – *прощание*), *rozloučená* – чешский неконтактный аналог с тем же значением. В словаре литературного чешского языка⁵ контактный вариант представлен с пометой из словацкого языка. В корпусе неконтактный вариант встречается чаще, но незначительно (2,74 – контактный и 7,81 – неконтактный на миллион слов). Интересно, что по статистике, приведенной в корпусе, контактный вариант используется чаще всего в разговорном языке в основном молодыми людьми (моложе 35 лет) с высшим образованием, причем используется он чаще всего в северной части Чехии. Частотность его употребления с 1998 года только растет. Можно говорить о том, что контактный вариант *rozlučka*, хоть и воспринимается как заимствованный, прочно вошел в систему языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полагаем, что приведенная классификация типов контактных вариантов слов является предварительной. Продолжение анализа чешского и словацкого языкового материала позволит ее расширить, так как возможны иные отношения между контактными вариантами слова и неконтактными, связанные с эмоциональной оценкой и экспрессивностью. Полученные результаты могут быть использованы и для классификации контактных вариантов в других языках.

¹ <https://www.tonerpartner.sk/kruzitko-kovove-s-tuhami-52673sk/>

² <https://operaslovakia.sk>

³ https://www.juls.savba.sk/ssj_peciar.html

⁴ <https://tyzden.sk>

⁵ <https://ssjc.ujc.cas.cz/search.php?db=ssjc>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Weinreich U. Languages in contact: findings and problems. Publications of the Linguistic Circle of New York. New York, 1953.
2. Jedlička A. Studium současných spisovných jazyků slovanských a problematika variantnosti normy // Slovo a Slovesnost 29, 1968, S. 113–124.
3. Gajdošová K. České kontaktné jazyky na báze Slovenského národného korpusu // Grammar & Corpora / Gramatika a korpus. 2013. URL: https://korpus.sk/attachments/publications/2013_Gajdosova-Ceske-kontaktove-jazy-na-baze-SNK.pdf
4. Gazdík M. Die tschechischen Kontaktwörter in der slowakischen Sprachpraxis und in der zeitgenössischen Slovakistik. Berlin, 2005.
5. Sokolová M. České kontaktné jazyky v slovenčine // S. Ondrejovič – M. Šimková (ed.), Sociolingvistické aspekty výskumu slovenčiny. Bratislava, 1995. S. 188–206.
6. Musilová K. Slovakismy v súčasnej češtině (sociolingvistický průzkum mezi vysokoškoláky) // Vidy jazyka a jazykovedy Na počesť Miroslavy Sokolovej, ed: Ološtiak M., Ivanová M., Slančová D., Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, 2011, S. 389–396.

REFERENCES

1. Weinreich, U. (1953). Languages in contact: findings and problems. Publications of the Linguistic Circle of New York. New York.
2. Jedlička, A. (1968). Studium současných spisovných jazyků slovanských a problematika variantnosti normy. Slovo a Slovesnost, 29, 113–124.
3. Gajdošová, K. (2013). České kontaktné jazyky na báze Slovenského národného korpusu. https://korpus.sk/attachments/publications/2013_Gajdosova-Ceske-kontaktove-jazy-na-baze-SNK.pdf
4. Gazdík, M. (2005). Die tschechischen Kontaktwörter in der slowakischen Sprachpraxis und in der zeitgenössischen Slovakistik. Berlin.
5. Sokolová, M. (1995). České kontaktné jazyky v slovenčine. In S. Ondrejovič – M. Šimková (ed.), Sociolingvistické aspekty výskumu slovenčiny (pp. 188–206). Bratislava.
6. Musilová, K. (2011). Slovakismy v súčasnej češtině (sociolingvistický průzkum mezi vysokoškoláky). In Ološtiak M., Ivanová, M., Slančová, D. (eds.), Vidy jazyka a jazykovedy Na počesť Miroslavy Sokolovej (pp. 389–396). Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Уварова Юлия Павловна

преподаватель кафедры скандинавских, нидерландского и финского языков переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета
аспирант кафедры славянских языков филологического факультета
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Uvarova Yulia Pavlovna

Lecturer at the Department of Scandinavian, Finnish and Dutch languages, Moscow State Linguistic University
PhD Student, Department of Slavic Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

29.12.2022
23.01.2023
01.03.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

ВВЕДЕНИЕ

Таксис является одной из базовых функционально-семантических категорий языка, выражающей отношения одновременности, предшествования и следования между событиями в объективном времени. В ее выражении участвует сложный комплекс языковых средств различных уровней – сложноподчиненные предложения со специализированными подчинительными союзами, грамматическая семантика глагольных форм времени и вида, лексические значения наречий и предложно-именных словосочетаний.

Семантический анализ предложений с союзами, выражающими предшествование и следование, не может быть однозначным и выявляет различия в их трактовке, поскольку эти значения взаимообусловлены. При этом одни и те же типы сложноподчиненных предложений (далее СПП) с одними и теми же союзами получают различную семантическую дефиницию. Так, при описании категории таксиса в шведском языке Н. Зорихина-Нильссон относит союзы *efter det att* – *после того, как* и *sedan* – *с тех пор, как* к средствам, выражающим предшествование, а союзы *tills* – *до тех пор, пока*, *innan* – *прежде чем, до того, как* к средствам, выражающим следование [Зорихина-Нильссон, 2009].

Е. Л. Жильцова определяет семантику таких предложений, опираясь на хронологию события главной части относительно придаточной, и рассматривает предложения с союзами *efter det att* и *sedan* в составе сложноподчиненного предложения со значением следования, а с союзами *tills*, *innan* – в составе СПП со значением предшествования [Жильцова, 2006]. Это обусловлено особенностями выражения таксиса в предложениях с подчинительными союзами, которые семантически связаны с событиями, выражаемыми в главной части, а структурно относятся к придаточной. Как отмечает В. С. Храковский, в таксисных конструкциях с подчинительной связью выражается временная обусловленность содержания придаточной части содержанием главной, которая в то же время выступает ее временным ориентиром [Храковский, 2009; Храковский, 2003].

В предлагаемой статье обращается особое внимание на грамматическую семантику предикатов главной и придаточной частей в СПП с союзами, по-разному выражающими хронологические отношения предшествования и следования. Это представляется важным, поскольку в «Шведской академической грамматике» – наиболее авторитетном и полном описании морфологии и синтаксиса современного шведского языка, отмечается

необходимость более подробного рассмотрения семантики и употребления грамматических форм глагола в обеих частях СПП [Teleman, Hellberg, Andersson, 1999]. Анализ проводится на материале параллельных текстов из произведений шведских писателей второй половины XX – начала XXI века и их переводов на русский язык, представленных в Национальном корпусе русского языка¹. Отсылка к источнику дается в сноске внизу страницы. В отдельных случаях приводятся примеры из электронного корпуса современного шведского языка, составляемого в Отделении компьютерной лингвистики Гётеборгского университета², с указанием даты употребления.

СОБЫТИЕ ПРИДАТОЧНОЙ ЧАСТИ ПРЕДШЕСТВУЕТ СОБЫТИЮ ГЛАВНОЙ ЧАСТИ

Сложноподчиненные предложения с союзом *efter det att*

В наиболее общем виде предшествование события придаточной части передается составным союзом *efter det att*, употребление которого предполагает наличие временного интервала. В придаточной части, которая может помещаться как в пост-, так и в препозиции относительно главной, как правило, употребляются маркирующие относительное предшествование формы перфекта или плюсквамперфекта, в зависимости от временной отнесенности высказывания к плану настоящего и будущего или прошлого:

Det står klart *efter det att* Magdalena Andersson presenterat sin regering (2021)³. – Это стало ясно после того, как Магдалена Андерссон представила свое правительство;

Hon kommer att fortsätta att vara prinsessa även *efter det att* hon skilt sig från prins Joachim (2006)⁴. – Она продолжит оставаться принцессой после того, как разведется с принцем Иоахимом.

Marie-Louse brast i gråt *efter det att* Erik hade förföljt henne i korridoren⁵. – Мария-Луиса расплакалась после того, как Эрик пристал к ней в коридоре.

¹ URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-para.html?lang=swe>

² URL: <https://spraakbanken.gu.se/korp>

³ Зд. и далее перевод наш. – Е. Ч.

⁴ Зд. и далее в ряде примеров в придаточной части при употреблении перфектных форм в соответствии с нормой шведского языка опускается вспомогательный глагол *ha*.

⁵ Majgull Axelsson. Is och vatten, vatten och is. 2008; Майгуль Аксельссон. Лед и вода, вода и лед / пер. Е. М. Чевкина. 2010.

В СПП с союзом *after det att* часто встречается указание на временной интервал между событиями главной и придаточной частей лексическими средствами:

Den slutliga processen inträffade bara *ett par minuter efter det att* de uppfordrande skriken hade tystnat. – Последующее совершилось очень быстро и произошло через несколько минут после того, как смолкли призывные крики¹.

При кореферентных грамматических субъектах в переводе на русский язык может использоваться деепричастие:

Efter det att jag kommit hem funderade jag länge på hans ord. – Вернувшись домой, я долго размышлял над его словами².

Till slut har vi ändå diktat våra liv, skrivit en sång, som dröjer sig kvar på jordens yta en kort minut *efter det att* den sista tonen har klingat av. – В конечном счете мы всё-таки сочинили свою жизнь, написали песню, которая, отзвучав, витает на земле лишь краткий миг³.

Возможна также замена придаточной части словосочетанием с предлогом *после*:

Han ringde till Anders bara någon timme *efter det att* han hade blivit inlagd. – Он позвонил Андерсу меньше чем через час после госпитализации⁴.

В отдельных случаях после обстоятельства с семантикой временного интервала возможно опущение последней части составного союза *att*:

Han hade sagt det en gång just *efter det* han fått ett vredesutbrott. – Он произнес эту фразу как раз после того, как с ним случился приступ гнева⁵.

Как показывает материал, в шведском языке в придаточной части всегда употребляются предельные глаголы с результитивной семантикой, в русском переводе им соответствуют глаголы совершенного вида.

Сложноподчиненные предложения с союзом *sedan*

В СПП с союзом *sedan*, напротив, наблюдается заметное разнообразие грамматических форм глагола в предикатах главной и придаточной части, которая может помещаться как в постпозиции, так и в препозиции относительно главной. При употреблении претерита событие придаточной части обозначает начальную временную границу действия главной части, предикат которой выражается формами перфектного ряда, в зависимости от того, относится ли высказывание в целом к настоящему или прошлому⁶:

Hon har lärt sig tycka om fisk *sedan* hon kom till Sverige. – Она научилась любить рыбу с тех пор, как приехала в Швецию⁷;

Inte en enda gång hade han sett på henne *sedan* hon kom in i rummet. – Он ни разу не посмотрел в ее сторону с тех пор, как она вошла в комнату⁸.

Как показывают приведенные примеры, причинно-следственная связь между содержанием главной и придаточной частей в СПП данного структурно-семантического типа отсутствует. В таких контекстах грамматические субъекты главной и придаточной частей чаще всего являются кореферентными. В последнем примере кореферентными являются объект главной и субъект «плотно» примыкающей к нему придаточной части.

Указание на временную границу может быть усилено наречием *ända* (от существительного *конец*), которое употребляется в придаточной части перед союзом *с тех самых пор, как*:

Jag har levat på den här gården i hela mitt liv, *ända sedan* mina föräldrar omkom i en båtolycka. – Я всю жизнь жила здесь на ферме, с тех пор как родители мои утонули на лодке⁹.

Ända sedan deras mor dog, när Pell föddes, hade hon varit som en mamma för alla pojkarna. – C toro

¹ Per Olov Enqvist. Magnetisörens femte vinter. 1964; Пер Улов Энквист. Пятая зима магнетизера / пер. Ю. Я. Яхнина. 2001.

² Majgull Axelsson. Is och vatten, vatten och is. 2008; Майгуль Аксельссон. Лед и вода, вода и лед / пер. Е. М. Чевкина. 2010.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Per Olov Enqvist. *Magnetisörens femte vinter*. 1964; Пер Улов Энквист. *Пятая зима магнетизера* / пер. Ю. Я. Яхнина. 2001.

⁶ Употребление форм перфекта в шведском и английском языках в СПП данного структурно-семантического типа отмечал А. Барентсен в типологическом описании предложений с союзами типа *с тех пор как* в различных европейских языках [Барентсен, 2018].

⁷ Annika Thor. Havets djup. 1998; Анника Тор. Глубина моря / пер. М. Конобеева. 2009.

⁸ Karin Alvtegen. Svek. 2003; Карин Альвтеген. Предательство / пер. А. Лавруша. 2012.

⁹ Göran Tunström. Juloratoriet. 1983; Ёран Тунстрём. Рождественская оратория / пер. Н. Н. Федорова. 2003.

самого дня, когда умерла при родах Пелле их мать, она заменила ее всем Мелькерсонам¹.

Как видно из примеров, такое усиление используется в экспрессивных целях, когда в придаточной части сообщается о трагических событиях.

При употреблении форм перфектного ряда в придаточной части структурно-семантический тип СПП, а вместе с ним и значение подчинительного союза меняется. В таком случае подчинительный союз получает значение «после того, как», сохраняя при этом семантику начальной границы содержания главной части, исключающую временной интервал между ними:

Trädgården är mitt enda nöje nu *sedan* Adam har blivit deprimerad. – Сад – моя единственная радость, с тех пор как Адам впал в депрессию².

Denna form av bestraffning uppförde likväl att förfära mig *sedan* jag funnit en lösning. – Но этот вид наказания перестал вселять в меня страх после того, как я нашел выход из положения³.

В отличие от рассмотренных выше случаев, в СПП данного типа выражается причинно-следственная связь между событиями главной и придаточной части. Встречаются и такие контексты, где при форме презенса в главной части предикат придаточной может быть выражен претеритом:

Han bor *sedan* han skilde sig i ett litet torp ute på Näset. – После развода с женой он живет в небольшой усадьбе на Мысу⁴.

В приведенном примере контрастным употреблением форм презенса и претерита, относящихся к различным временным планам, выражается как социальная, так и пространственная разобщенность между событиями главной и придаточной частей. В синтаксической структуре шведского оригинала придаточная часть помещается при этом внутри главной, занимая позицию обстоятельства времени; в русском переводе это передается трансформацией придаточного в именное словосочетание с предлогом *после*. Вместе с тем содержание придаточной части выражает начальную временную границу содержания главной

части, не предполагающую наличие временного интервала между ними.

СОБЫТИЕ ПРИДАТОЧНОЙ ЧАСТИ СЛЕДУЕТ ЗА СОБЫТИЕМ ГЛАВНОЙ ЧАСТИ

Сложноподчиненные предложения с союзом *innan*

СПП с подчинительным союзом *innan* также имеют широкое употребление и могут помещаться как в постпозиции, так и в препозиции. Они выражают временную разобщенность между событиями главной и придаточной части, как без указания, так и с указанием на продолжительность интервала между ними; в последнем случае придаточная часть помещается в постпозиции. В большинстве случаев в СПП с союзом *innan* передается хронологическая последовательность событий «до» и «после», не требующая употребления форм перфектного ряда в главной части. На русский язык союз *innan* переводится союзными сочетаниями, в состав которых входят предлог или наречие с семантикой предшествования – *перед тем, как; до того, как; прежде чем*, реже союзами *пока* и *пока не*:

Det tar några sekunder *innan* hon ser att tapeten vid hennes axel är randig. – Проходит несколько секунд, прежде чем она замечает, что обои возле ее плеча – полосатые⁵.

Folk frågar mig ibland hur jag levde *innan* jag träffade din mamma. – Иногда меня спрашивают, как я жил до того, как встретил твою маму⁶.

Innan han somnade hörde han vinterfågeln sjunga. – Перед тем как его одолел сон, он слышал песнь зимородка⁷.

Det tog ett tag *innan* det långsamt gick upp för mig att någon Carolin måste det ändå finnas. – Прошло некоторое время, пока я поняла, что какая-то Каролина всё же существует⁸.

Sätt er och börja *innan* det kallnar. – Рассаживайтесь и ешьте, пока не остыло⁹.

¹ Astrid Lindgren. Vi på Saltkråkan. 1964; Астрид Линдгрен. Мы – на острове Сальккрока / пер. Л. Брауде, Е. Паклина. 1986.

² Ulf Eriksson. Himlens färg, hoppets. 2003; Ульф Эрикссон. Цвет неба, цвет надежды / пер. А. Афиногенова. 2007.

³ Ingmar Bergman. Laterna Magica. 1987; Ингмар Бергман. Латерна Магика / пер. А. А. Афиногенова. 1989.

⁴ Lars Gustafsson. En biodlares död. 1978; Ларс Густафссон. Смерть пчеловода / пер. Н. Н. Федорова. 2000.

⁵ Majgull Axelsson. Is och vatten, vatten och is. 2008; Майгуль Аксельссон. Лед и вода, вода и лед / пер. Е. М. Чевкина. 2010.

⁶ Fredrik Backman. Saker min son behöver veta om världen. 2012; Ф. Бакман. Что мой сын должен знать об устройстве этого мира / пер. Е. М. Чевкина. 2019.

⁷ Jonas Karlsson. Brevet. 2009; Юнас Карлссон. Письмо / пер. П. Смирнова. 2019.

⁸ Maria Gripe. Agnes Cecilia – en sällsam historia. 1981; Мария Грипе. Сесилия Агнес – странная история / пер. Н. Н. Федорова. 2007.

⁹ Ninni Holmqvist. Enhet. 2006; Нинни Хольмквист. Биологический материал / пер. Е. Хохлова. 2010.

При кореферентных грамматических субъектах главной и придаточной частей используют и другие стратегии перевода на русский язык. Чаще всего они заменяются деепричастием, выражающим предшествование, или сочетанием подчинительного союза с инфинитивом, выражающим следование:

Hon somnade *innan* hon hann klä av sig. – Она заснула, не успев раздеться¹.

Ändå tvekar hon några sekunder *innan* hon öppnar dörren. – Но она медлит еще несколько секунд, прежде чем открыть дверь².

Возможна также трансформация придаточной части в предложно-именное словосочетание.

Han ville besöka henne *innan* han for. – До отъезда ему хотелось бы встретиться³.

При кореферентных грамматических субъектах главной и придаточной части семантика подчинительного союза ослабляется. При переводе на русский язык в таких случаях используются сочинительные союзы *а*, *и* или (реже) бессоюзная связь; завершение события часто подчеркивается наречиями *затем*, *потом* или другими обстоятельствами с семантикой следования:

Den äldre polisen ser förvånat på henne, *innan* han viskar ... – Старый полицейский удивленно перевел взгляд на неё, *а затем* прошептал ...⁴

Doktorn dricker kaffe i biblioteket *innan* han går till sin mottagning. – Доктор пьет кофе в библиотеке, *а потом* отправляется на прием.⁵

Han torkade av sin hand på jacka *innan* han tveksamt gav henne den. – Он вытер свою руку о куртку *и только потом* нерешительно подал ей;⁶

Jag stod en stund tvekande ute i snön, *innan* jag sköt upp dörren och gick in... – С минуту я нерешительно медлил на снегу, *потом* толкнул дверь и вошел...⁷

Семантика подчинительной связи в СПП с союзом *innan* не исключает возможности употребления форм перфектного ряда в главной части в тех случаях, когда в контексте акцентируется предшествование, предполагающее длительность и значительный временной интервал до наступления события придаточной части:

Orden har förlorat sin betydelse *långt innan* de når hennes trumhinna. – Слова успевают утратить смысл задолго до того, как достигнут её барабанных перепонок;⁸

Vi hade träffats en kväll på Fregatten och känt varandra *i flera år innan* hon flyttade hem till mig. – Мы познакомились как-то вечером во «Фрегате», и спустя несколько лет она переехала ко мне.⁹

В придаточной части могут также употребляться формы перфектного ряда, особенно если предикат выражен глаголом *hinna* – *успевать*, когда событие придаточной части опережает так и не успевшее наступить событие главной части:

Men historien tar kraften ur mig *innan* jag ens hunnit börja. – Но история лишает меня сил еще до того, как я успел начать.¹⁰

Innan han riktigt hunnit uppfatta vad det var som hände såg han en man med lång svart rock sopa av snön från motorhuven på den mystiska bilen. – Не успел он сообразить, что происходит, как увидел, что мужчина в черном пальто счищает снег с капота таинственной машины.¹¹

Лексическая семантика глагола *успевать* «отменяет» реализацию события в придаточной части; при этом перфективно-результативное видовременное значение грамматической формы «нарушает» заданную семантикой подчинительного союза логику хронологической последовательности.

¹ Agneta Plejel. En vinter i Stockholm. 1997; Агнета Плейель. Пережить зиму в Стокгольме / пер. Т. М. Линденер. 2013.

² Fredrik Backman. Folk med ångest. 2019; Фредрик Бакман. Тревожные люди / пер. К. Коваленко. 2020.

³ Agneta Plejel. En vinter i Stockholm. 1997; Агнета Плейель. Пережить зиму в Стокгольме / пер. Т. М. Линденер. 2013.

⁴ Fredrik Backman. Folk med ångest. 2019; Фредрик Бакман. Тревожные люди / пер. К. Коваленко, 2020; при переводе изменен временной план.

⁵ Annika Thor. En ö i havet. 1997; Анника Тор. Остров в море / пер. М. Конобеева. 2006.

⁶ Inger Edelfeldt. Skapelsen. 1995; Ингер Эдельфельдт. Творение / пер. А. Зайцева. 2001.

⁷ Göran Tunström. Juloratoriet. 1983; Ёран Тунстрём. Рождественская оратория / пер. Н. Н. Федорова. 2003.

⁸ Majgull Axelsson. Den jag aldrig var. 2004; Я, которой не было / пер. Е. Чевкина. 2008.

⁹ Klas Östergren. Gangsters. 2005; Клас Эстергрэн. Гангстеры / пер. Л. В. Стародубцева, М. Людковская. 2010.

¹⁰ Sven Delblanc. Gunnar Emmanuel. 1978; Свен Дельбланк. Гуннар Эммануэль / пер. А. А. Афиногенова. 2000.

¹¹ Jonas Karlsson. Brevet. 2009; Юнас Карлссон. Письмо / пер. П. Смирнова. 2019.

Сложноподчиненные предложения с союзом *tills*

Особенность СПП с союзом *tills* состоит в том, что событие главной части, предикат которого выражен неопределенным глаголом, прекращается в результате наступления события придаточной части, что предполагает отсутствие временного интервала между ними; при переводе на русский язык используются союзы *пока* и *пока не*. В обеих частях СПП обычно употребляются одни и те же грамматические формы глагола, выражающие отнесенность к настоящему и ближайшему будущему – презентом или к прошлому – претеритом:

Ni människor tror alltid att ni är redo att ge era liv, men bara *tills* ni verkligen förstår vad det innebär. – Вы, люди, считаете, что готовы отдать жизнь, только пока не поймете, что это значит.¹

Ulrika sitter hos Robert just nu, och hon ska sitta där *tills* Anders kommer. – Ульрика сидит теперь возле пациента и будет сидеть, пока Андерс не вернется.²

Polisen väntade *tills* hans kolleger kom uppför traporna. – Дежуривший у двери полицейский дождался, пока наверх поднимутся его коллеги.³

Значение «плотного» контакта между завершением события в главной части и началом события в придаточной в экспрессивных целях может усиливаться наречием *ända*, которое помещается перед подчинительным союзом:

Nöjd och belåten var även jag *ända tills* de ringde från tullen. – Я тоже был рад и доволен до тех самых пор, пока мне не позвонили из таможни.⁴

В контексте часто содержится указание на продолжительность и интенсивность процесса в главной части лексическим повтором предиката или использованием синонимичных глаголов:

Carolina *sopade och sopade*, både inne och ute, *ända tills* det värkte i händerna. – Каролина *подметала*

и подметала – в комнатах и на улице, – пока руки не начинали ныть.⁵

Hon *letar och söker* efter den allra bästa och tydligaste bilden av morfars ansikte *ända tills* det mörknar och hon nästan inte kan se någonting längre. – Она продолжает искать самую лучшую и четкую фотографию дедушки до тех пор, пока не опускаются сумерки и не становится совсем темно.⁶

В литературе отмечалось, что придаточные с союзом *tills* могут приобретать оттенок меры и степени действия [Зорихина-Нильссон, 2009]. Это особенно заметно в тех случаях, когда в главной части лексическими средствами подчеркивается интенсивность процесса:

Vi *såg och såg* på varandra *tills* andra signalen kom. – Мы смотрели друг на друга, пока не раздался второй звонок.⁷

Jag *sprang och sprang och sprang*, jag *sprang tills* jag inte kunde springa mer. – Я бежала, бежала, бежала, бежала, пока окончательно не выбилась из сил.⁸

В то же время в придаточных с союзом *tills*, выражающих следование, могут употребляться формы перфектного ряда. В главной части нередко используется неопределенный глагол *vänta* – *ждать*, который предполагает наступление результата ожидания:

Hon *väntar och pustar tills* jag hunnit upp jämsides med henne. – Она ждет, пока я с ней не поравняюсь.⁹

Han *väntade tills* hans ögon hade vant sig vid mörkret. – Он подождал, пока глаза привыкнут к темноте.¹⁰

Сложноподчиненные предложения с союзом *förrän*

Особый интерес представляют придаточные предложения с союзом *förrän*, который употребляется в тех случаях, когда придаточная часть находится в постпозиции к главной части, в которой

¹ Fredrik Backman. Ditt livs affär. 2017; Фредрик Бакман. Сделка всей жизни / пер. Е. М. Чевкина. 2019.

² Majgull Axelsson. Is och vatten, vatten och is. 2008; Майгуль Аксельссон. Лед и вода, вода и лед / пер. Е. М. Чевкина. 2010.

³ Fredrik Backman. Folk med ångest. 2019; Фредрик Бакман. Тревожные люди / пер. К. Коваленко. 2020.

⁴ Steve Sem-Sandberg. De fattiga i Lódž. 2009; Стив Сем-Сендберг. Отдайте мне ваших детей / пер. Е. Тепляшина. 2011.

⁵ Marianne Fredriksson. Anna, Hanna och Johanna. 1994; Мариан Фредрикссон Анна, Ханна и Юханна / пер. А. Н. Анваер. 2013.

⁶ Там же.

⁷ Klas Östergren. Gangsters. 2005; Клас Эстергрен. Гангстеры / пер. Л. В. Стародубцева, М. Людковская. 2010.

⁸ Jenny Jägerfeld. Här ligger jag och blöder. 2010; Йенни Йегерфельд. Лежу на полу, вся в крови / пер. Н. Банке, Я. Палехова. 2014.

⁹ Katarina Kieri. Dansar Elias? Nej! 2004; Катарина Киери. Никто не спит / пер. Л. В. Стародубцева. 2014.

¹⁰ Tove Jansson. Sent i november. 1970; Туве Янссон. В конце ноября / пер. Н. Белякова. 1990.

содержится фразовое или лексически выраженное отрицание (букв. *не ранее, чем*):

Han kommer *inte förrän* jag ropar på honom. – Он придет не раньше, чем я его позову¹.

Как показывает здесь почти дословный перевод на русский язык, при употреблении этого союза в главной части речь идет об «отсроченном» событии, условием реализации которого является содержание придаточной части, когда между частями существует «сверхплотный» контакт:

Tyvärr kan vi *ingenting* göra *förrän* vi vet vad hon är ute efter. – К сожалению, мы ничего не может сделать, пока не узнаем, что ей нужно².

Folk såg henne *inte förrän* de råkade stöta till henne. – Ее не замечали, пока не сталкивались с ней нос к носу³.

При таком варианте перевода на русский язык отрицание события придаточной части в силу семантики союза переносится и на событие главной части.

При отнесенности к будущему в придаточной части может употребляться форма перфекта, когда подчеркивается, что действие главной части не может осуществиться до тех пор, пока не наступит результат события придаточной части:

Jag får *inte* flytta in *förrän* du har kommit. – Мне не разрешают туда перейти, пока ты не приедешь⁴.

De kan *inte* resa därifrån *förrän* de har fått inresetillståndet till Amerika. – Они не могут уехать оттуда до тех пор, пока не получат въездную визу в Америку⁵.

При переводе на русский язык без отрицания соотношение между частями СПП изменяется и в придаточной части передается событие, предшествующее содержанию главной части:

Poliserna fick *inte* larmen *förrän* brevbäraren ringde till sin fru. – К полицейским сигнал поступил (букв. 'не получали сигнала') лишь после того, как почтальон позвонил своей жене⁶.

«Сверхплотный» контакт между частями СПП становится причиной и других переводческих трансформаций, обусловленных снятием отрицания, например, трансформацией в простое предложение:

Ofta dök han *inte* upp *förrän* det blivit mörkt. – Часто он появлялся дома только с наступлением темноты⁷.

Показательно, что при снятии отрицания в русском переводе в качестве «компенсации» нередко используются ограничительные наречия *едва, лишь, только*.

При употреблении придаточной части в позиции для эмфатического выделения отрицание выносится из главной части в начало предложения и помещается перед союзом, что обусловлено «сверхплотным» контактом между частями СПП:

Inte förrän vi kom till Marhem delade jag nyheten med honom. – Эту новость я сообщила ему только когда мы приехали в Мархем⁸.

Особый структурно-семантический вариант с союзом *förrän* представлен СПП, в главной части которых вместо отрицания употребляется ограничительное наречие *knappt* – *едва*, а придаточное помещается в постпозиции:

Knappt har tecken tagit form i mitt huvud *förrän* jag stöter den ifrån mig. – Но едва этот образ возникает у меня в голове, я стараюсь отогнать его от себя⁹.

Jag hade *knappt* rätat på benen *förrän* det svartnade för ögonen på mig. – Но едва я встала на ноги, как у меня опять потемнело в глазах¹⁰.

В главной части в таких случаях употребляются формы перфектного ряда с результитивной семантикой, указывающие не только на мгновенную резкую смену ситуации при наступлении последующего события придаточной части, «отменяющего» предшествующее событие, но и на причинно-следственную связь между ними.

В то же время «сверхплотный» контакт допускает употребление придаточной части с семантикой предшествования мгновенно следующего за ней события главной части:

¹ Maria Gripe. Skuggornas barn. 1986; Мария Грипе. Дети теней / пер. Г. Палагута. 2005.

² Там же.

³ Majgull Axelsson. Aprilhäxan. 1997; Майгуль Аксельссон. Апрельская ведьма / пер. Е. М. Чевкина. 2009.

⁴ Там же.

⁵ Annika Thor. En ö i havet. 1997; Анника Тор. Остров в море / пер. М. Конобеева. 2006.

⁶ Fredrik Backman. Folk med ångest. 2019; Фредрик Бакман. Тревожные люди / пер. К. Коваленко. 2020.

⁷ Marie Hermanson. Mannen under trappan. 2005; Мария Хермансон. Человек под лестницей / пер. А. Анваер. 2011.

⁸ Caroline Eriksson. De försvunna. 2015; Каролина Эрикссон. Не исчезай / пер. В. Люсина. 2016.

⁹ Там же.

¹⁰ Frida Nilsson. Ishavspirater. 2015; Фрида Нильссон. Пираты Ледового моря / пер. О. Мязотс. 2018.

Hon hinner *inte* få tag i honom *förrän* han redan har huvudet under vatten. – Он ушел под воду с головой, прежде чем она успела его подхватить¹.

Man ska *inte* ge upp *förrän* man försökt med allt. – Сдаваться нельзя – сперва надо попробовать все способы².

Отмечая эту особенность союза *förrän*, Н. Зорихина-Нильссон называет его своего рода «семантическим перевертышем» [Зорихина-Нильссон, 2009, с. 424]. Особый идиоматический характер шведских предложений с этим союзом объясняет наиболее значительную вариативность при их переводе на русский язык.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ показывает, что СПП с семантикой предшествования и следования выявляют различные модели соотношения видовременных форм глагола в главной и придаточной части, в зависимости от значения

союза и содержания высказывания в целом. В СПП с союзами предшествования наблюдается большая степень зависимости предиката придаточной части от синтаксической семантики. Поэтому в главной и придаточной частях употребляются различные грамматические формы глаголов. В обеих частях СПП с союзами следования чаще употребляется одна и та же видовременная форма. В тех случаях, когда наступление результата события в придаточном является необходимым условием реализации события главной части, в придаточной части употребляются формы перфектного ряда. Наибольшую вариативность проявляют СПП с союзом *förrän*, имеющие идиоматический характер, обусловленный наличием отрицания и «сверхплотным» контактом между главной и придаточной частями. При поддержке контекста отрицание в главной части СПП делает возможным употребление подчинительного союза со значением предшествования, «отменяющего» событие главной части. При замене отрицания наречием *knapp* в главной части употребляются формы перфектного ряда, маркирующие предшествование и результативность события главной части. При переводе на русский язык в различных типах контекста широко используется потенциал категории вида, а также грамматическая семантика деепричастий.

¹ Annika Thor. Öppet hav. 1999; Анника Тор. Открытое море / пер. М. Конобеева. 2010. При переводе изменен временной план повествования.

² Katarina Kieri. Dansar Elias? Nej! 2004; Катарина Киери. Никто не спит / пер. Л. В. Стародубцева. 2014.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зорихина-Нильссон Н. Таксис в шведском языке // Типология таксисных конструкций. М.: Знак, 2009. С. 367–469.
2. Жильцова Е. Л. Сложноподчиненное предложение в современном шведском языке. М.: Издательство Московского университета, 2006.
3. Храковский В. С. Таксис: семантика, синтаксис, типология // Типология таксисных конструкций. М.: Знак, 2009. С. 11–113.
4. Храковский В. С. Категория таксиса (общая характеристика) // Вопросы языкознания. 2003. №2 С. 32–54.
5. Teleman U., Hellberg S., Andersson E. Svenska Akademiens grammatik. Stockholm: Norstedts Akademiska Förlag, 1999. Band 4. Satser och meningar.
6. Барентсен А. О функционировании видовременных форм в сложных предложениях с союзом типа «с тех пор как» // La relation temps / aspect: approaches typologique et contrastive / T. Milliaressi (ed.). Collection UL3. Travaux et recherches. Lille, 2018. P. 153–157.

REFERENCES

1. Zorihina-Nilsson, N. (2009). Taksis v shvedskom jazyke = Taxis in Swedish. In Tipologija taksisnykh konstruktsij = The typology of taxis constructions (pp. 367–469). Moscow: Znak Publ. (In Russ.)
2. Zhiltsova, E. L. (2006). Slozhnopodchinennoe predlozhenie v sovremennom shvedskom jazyke = Subordinate clauses in modern Swedish. Moscow: Lomonosov Moscow State University Publ. (In Russ.)
3. Khrakovskij, V. S. (2009). Taksis: semantika, sintaksis, tipologija = Taxis: semantics, syntax, typologi. In Tipologija taksisnykh konstruktsij = The typology of taxis constructions (pp. 11–113). Moscow: Znak Publ. (In Russ.)
4. Khrakovskij, V. S. (2003). Kategorija taksisa (obschaja kharakteristika) = The category of taxis (general features). Voprosy jazykoznanija, 2, 32–54. (In Russ.)

5. Teleman, U., Hellberg, S., Andersson, E. (1999). Svenska Akademiens grammatik. Band 4. Satser och meningar. Stockholm: Norstedts Akademiska Förlag.
6. Barentsen, A. (2018). O funkcionirovanii vidovremennykh form v clozhnykh predlozhenijakh s sojuzom tipa s tekhn por kak = On functions of tense and aspect forms in subordinate clauses with conjunctions of the type 'since'. In Milliaressi, T. (ed.), La relation temps / aspect: approaches typologique et contrastive (pp. 153–157). Collection UL3. Travaux et recherches. Lille. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чекалина Елена Михайловна

доктор филологических наук, профессор
заведующая кафедрой германской и кельтской филологии филологического факультета
Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Chekalina Elena Mikhailovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor, Head of the Department of Germanic and Celtic Philology
Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University

Статья поступила в редакцию	30.12.2022	The article was submitted
одобрена после рецензирования	27.01.2023	approved after reviewing
принята к публикации	01.03.2023	accepted for publication

Терминологические обозначения транскрипции как маркеры когнитивного стиля Е. Д. Поливанова

М. Д. Щепалин

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

Maksim.Dmitrievich.Sch@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается актуальность терминов и их дефиниций для извлечения информации о стилях мышления предложивших их ученых. Работа носит междисциплинарный характер и демонстрирует способность лингвистических методов, в частности, сопоставительного, дискурсивного и контент-анализа, углублять и расширять знания, полученные методами когнитивной психологии. Источником материала послужили прижизненные публикации Е. Д. Поливанова, а также работы, не предназначавшиеся им для публикации. Были сделаны выводы о полнезависимости мышления Е. Д. Поливанова, гибкости познавательного контроля, а также о том, что узкий или широкий диапазон эквивалентности, узость или широта категорий могут варьироваться в зависимости от решаемых ученым задач.

Ключевые слова: транскрипция, практическая транскрипция, фонетическая транскрипция, Е. Д. Поливанов, когнитивная лингвистика, когнитивные стили, речемыслительные операции

Для цитирования: Щепалин М. Д. Терминологические обозначения транскрипции как маркеры когнитивного стиля Е. Д. Поливанова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4 (872). С. 129–134. DOI 10.52070/2542-2197_2023_4_872_129

Original article

Terminological Transcription Designations as Markers of E. D. Polivanov's Cognitive Style

Maksim D. Schepalin

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Maksim.Dmitrievich.Sch@yandex.ru

Abstract. The author of the article considers the suitability of terms and their definitions for extracting information about the cognitive styles of the scholars who proposed them. The work is interdisciplinary and demonstrates the ability of linguistic methods, in particular comparative, discourse and content analysis, to deepen and extend the knowledge obtained by the methods of cognitive psychology. The source material was drawn from E.D. Polivanov's lifetime publications, as well as from works not intended by him for publication.

Conclusions were drawn about the field independence of E.D. Polivanov, the flexibility of cognitive control, as well as the fact that a narrow or wide range of equivalence, the narrowness or breadth of categories may vary depending on the tasks solved by the scientist.

Keywords: transcription, transliteration, phonetic transcription, E. D. Polivanov, cognitive linguistics, cognitive style, intellect operations

For citation: Schepalin, M. D. (2023). Terminological transcription designations as markers of E. D. Polivanov's cognitive style. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(872), 129–134. 10.52070/2542-2197_2023_4_872_129

ВВЕДЕНИЕ

Тема сознания и мышления в настоящее время активно разрабатывается целым рядом наук: философией, психологией, психофизиологией, лингвистикой. Междисциплинарный подход к изучению мышления, а нас интересует мышление ученого, нам представляется наиболее эффективным, поэтому свои наблюдения над материалом мы соотносили с теоретическими положениями, сформулированными не только лингвистами, но и психологами и философами.

Наиболее доступным способом изучения работы мышления ученого на данный момент является анализ вербализированных результатов его научной деятельности. Анализ текстов, отражающих процесс и результаты научного поиска со стороны конкретных ученых, позволит нам определить индивидуальные и / или культурно сформированные особенности мышления, которые выражаются в тех или иных когнитивных стилях ученого. Под когнитивными стилями мы, вслед за М. А. Холодной, понимаем «индивидуально-своеобразные способы переработки информации, которые характеризуют специфику склада ума конкретного человека и отличительные особенности его интеллектуального поведения» [Холодная, 2004, с. 16]. При анализе материала в статье учитывалась классификация когнитивных стилей на основе биполярного подхода, которая была разработана М. А. Холодной, в частности такие параметры, как «полезависимость / полнезависимость», «узкий / широкий диапазон эквивалентности», «узость / широта категорий», «ригидный / гибкий познавательный контроль» [там же]. Кроме этого, мы опирались на классификацию речемыслительных операций, выявленных Ба Юйсинь и О.В. Евтушенко [Евтушенко, Ба, 2016] в процессе изучения словотворчества. Под речемыслительными операциями мы будем понимать особые способы обработки, сохранения и использования результатов отражения объективного мира языковыми средствами. Целью исследования было рассмотрение языковых единиц, способных, согласно нашей гипотезе, выполнять роль маркеров индивидуального когнитивного стиля, и определение объема информации о когнитивном стиле, которую могут нести интересующие нас единицы. Мы также рассчитывали расширить имеющиеся знания о когнитивных стилях.

В качестве языкового маркера когнитивного стиля мы выбрали рабочие термины, использовавшиеся в разное время лингвистом Е. Д. Поливановым для обозначения транскрипции. Выбор такого рода лексической единицы обусловлен многоплановостью понятия «транскрипция» и его

вербальными воплощениями («практическая транскрипция», «фонетическая транскрипция» и т. д.). Это позволяет рассчитывать, что при создании номинации и ее объяснении в тексте могли проявляться особенности когнитивного стиля автора. Личность Евгения Дмитриевича Поливанова (1891–1938) выбрана потому, что, будучи крупнейшим специалистом по созданию алфавитов и транскрипций, он внес значительный вклад в формирование терминологии данной области лингвистики и подкрепил теорию собственными практическими наблюдениями. Деятельность Е. Д. Поливанова хронологически совпадает с переломным для отечественной науки моментом изучения и создания различных систем письменности и способов отражения звукового облика языка в разных письменных системах.

Материалами исследования послужили как прижизненно опубликованные работы Е. Д. Поливанова, например «Проекты латинизации турецких письменностей СССР» [Поливанов, 1926], «О русской транскрипции японских слов» [Поливанов, 1968, с. 263–286], так и те, что не предназначались для публикации, например «Абхазский аналитический алфавит» [Андронов, Симонато, Томеллери, 2017]. В качестве методов исследования мы использовали контент-анализ и сопоставительный анализ.

РАБОЧИЕ ТЕРМИНЫ ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ ТРАНСКРИПЦИИ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Е. Д. ПОЛИВАНОВА

Среди различных типов транскрипций можно выделить практическую транскрипцию, под которой мы понимаем «запись иноязычных слов средствами национального алфавита с учётом их произношения» [Кронгауз, 1990, с. 518]. Е. Д. Поливанов занимался разработкой правил японо-русской практической транскрипции, которая стала нормой русского языка при передаче слов японского происхождения [Алпатов, Аркадьев, Подлесская, 2008; Ермолович, 2015].

Впервые свод данных правил был опубликован в 1917 году. Термин «практическая транскрипция» был назван в нем «популярной транскрипцией»: «...задача всякой транскрипции — передать звуки чужого языка и все существующие в этом чужом языке различия звуков (например, японское различие долгих и кратких гласных, которое в русском не существует). Но а priori нельзя передать не имеющих в данном языке звуков (например, нельзя передать русскими буквами звуков, изображаемых англ. th) и не имеющих в нем различий, не обратившись к условности, т. е.

не пойдя на компромисс с двумя заданиями популярной транскрипции <...> переходя к вопросу о выработке популярной и основанной на ассоциациях русского алфавита транскрипции японских слов»¹ [Поливанов, 1968, с. 264–265].

Из текста видно, что Е. Д. Поливанов имел в виду именно практическую транскрипцию: это отражено в упоминании русского алфавита и того набора звуков, который характерен для сочетания символов данного алфавита, при этом в самом понятии «популярная» отражена массовость и общедоступность транскрипций такого типа. Следовательно, в термине «популярная транскрипция» мы видим проявление такой речемыслительной операции, как детализация, под которой мы понимаем «фокусирование ремы и дефокусирование темы путем выведения ее в аффиксы, а также актуализацию смыслов, не отраженных в дефиниции и связанных с фоновыми знаниями» [Ба, 2017, с. 123].

Для обозначения данного явления Е. Д. Поливанов также использует устоявшееся в современной науке обозначение «практическая транскрипция»: «Об обозначении японских палатализованных согласных в русской *практической транскрипции*» [Поливанов, 1928, с. 169].

Прежде чем продолжить, необходимо уточнить, как формировался термин «практическая транскрипция». Данное обозначение Е. Д. Поливанов использует в статье 1928 года [Поливанов, 1928]. Ряд исследователей относят появление понятия «практическая транскрипция» к 1935 году и приписывают его А. М. Сухотину [Турко, 2014; Гиляревский, Старостин, 1985]. Тем не менее мы не можем согласиться с данным утверждением. В 1928 году впервые данное понятие мы обнаруживаем именно у Е. Д. Поливанова в монографии «Введение в языкознание для востоковедных вузов». По этой причине мы будем трактовать данный термин не как узальный с уже заложенным в нём смыслом, а как результат научного творчества самого Евгения Дмитриевича.

В термине «практическая транскрипция» мы также обнаруживаем такую речемыслительную операцию, как детализация, однако, в отличие от «популярной транскрипции», где фокус внимания сосредоточен на массовости, общедоступности, общеязыковой роли такого типа транскрипций, здесь «практическое» отражает утилитарность данного способа передачи иноязычной лексики.

Готовность к смене базового для развиваемой области знания термина демонстрирует динамичность мышления Е. Д. Поливанова, называемую также «гибким познавательным контролем» [Холодная, 2004]. Термин «популярная транскрипция»

сформировался в 1917 году в период революционного подъема и политизации широких слоев населения. Сам Е. Д. Поливанов был ярким сторонником революции и активно участвовал как в предреволюционных событиях, так и в формировании Советской власти [Сумароков, Сумарокова, 2021]. Всё это отразилось и на понимании транскрипции как способа «популяризации» языков: теперь она была предназначена не узкому кругу специалистов, а широким слоям населения, которые должны были преодолевать языковые барьеры на пути к достижению всеобщего братства.

В 1928 году, когда эпоха НЭПа подходит к концу, а государственная власть становится более централизованной и устойчивой, во главу угла встают более утилитарные задачи, и это изменение системы ценностей нашло отражение в термине «практическая транскрипция». Е. Д. Поливанов в это время активно участвует в проектах создания алфавитов для языков народов Советского Союза [там же]. Изменение общественных запросов и та работа, которую осуществлял Е. Д. Поливанов, отразилось и на его терминологическом аппарате, что и показывает динамичность его мышления.

Помимо «популярной» и «практической» транскрипции мы можем также встретить понятие «русская транскрипция» для обозначения системы Палладия – китайско-русской практической транскрипции [Практическая транскрипция фамильно-именных групп, 2004].

Подтверждение того, что под этим термином скрывается именно практическая транскрипция, мы можем обнаружить в следующих словах ученого: «На основании того, что в *русской транскрипции* слова "рыба" и "дождь" пишутся буквами – ю и й. Следовательно, *если читатель не знает китайской фонетики, то прочтет юй*» [Поливанов, 1991, с. 517]. Здесь обозначено, что такой метод передачи иноязычной лексики, как практическая транскрипция, основывается на особенностях национального (в данном случае русского) алфавита и правил прочтения сочетаний его символов, которые сформировались в рамках данного языка.

«По *неточной русской транскрипции* сопоставления оказываются *совершенно необоснованными фонетически*» [там же, с. 544]. Здесь показано коренное отличие практической транскрипции от фонетической – невозможность точной передачи фонетического облика языка-источника.

«Но ведь если отбросить *условность русской транскрипции* (и пользоваться, напр., МФА²)» [там же, с. 556]. В данной цитате также выражено противопоставление фонетической транскрипции.

¹ Зд. и далее выделено нами. – М. Ш.

² МФА – международный фонетический алфавит.

Как и в предыдущих случаях обозначения практической транскрипции, номинация «русская транскрипция» запечатлевает речемыслительную операцию детализации, которая в данном случае конкретизирует язык-источник. Активность проявления детализации указывает на полнезависимый когнитивный стиль в терминах психологии [Холодная, 2004].

В своих работах Е.Д. Поливанов регулярно ссылается на Л.В. Щербу как на авторитет в области транскрибирования. Это можно обнаружить как в простой уточняющей отсылке к МФА [Поливанов, 1926; Поливанов, 1933а; Андронов, Симонато, Томеллери, 2017], так и в экспрессивном указании на авторитет автора: «...как читатель увидит, новшества, предложенные самим Л. В. Щербой, повторяются, в большинстве случаев, и в вышеприведенной моей (Е. П.) таблице согласных символов (выработавшейся у меня в процессе практической работы) и теоретических возражений против предложенных Л. В. Щербой знаков у меня не имеется...» [Поливанов, 1928, с. 178]. Приведенная цитата демонстрирует такое проявление когнитивных особенностей Е. Д. Поливанова, как ориентация на образцы.

Для мышления Е. Д. Поливанова характерна также практическая ориентированность. Она проявляется как в ранее упомянутом термине «практическая транскрипция», который конкретизирует внимание на утилитарной роли такого типа транскрипций, так и в термине «условная транскрипция». Ученый вводит данное понятие для обозначения ситуации, когда необходимо по тем или иным причинам выйти за границы уже установленных систем транскрибирования, например МФА или национальных алфавитов.

Причины могут носить следующий характер:

- 1) более точное отражение фонемного состава языка, который идёт вразрез с установленной в нём системой письменности: «...w [губно-губное]... Поэтому я и употребляю в моей *условной транскрипции* знак *w*. В каракалпакском письме, конечно, пишется *простой буквой v*» [Поливанов, 1933а, с. 7];
- 2) особенности типографской техники и наличие необходимых литер: «Но само собой разумеется, что поскольку *условности транскрипции оговорены*, мы имеем полное право *принять во внимание требования типографской техники*, и удовольствоваться знаками ... совпадающими с буквами каракалпакской латиницы для данных фонем» [Поливанов, 1933а, с. 14];

- 3) обеспечение доступности подготовки текста для печати: «*Пояснения транскрипции. В целях упрощения набора я пользуюсь не интернациональной системой ...а условной транскрипцией...*» [там же, с. 16];
- 4) обозначение особых фонетических явлений, которые не свойственны национальному алфавиту: «*Употребляя в условной транскрипции двоеточие (:) как символ долготы* (удвоения согласного звука, мы можем, транскрибировать эти окончания *тся* и *ться* следующим образом: [ц:а] *напр. драться* – в транскрипции [драц:а]» [Поливанов, 1933б, с. 137].

В каждом из пунктов видна ориентация на решение возникающих практических задач. К этому выводу можно добавить, что объяснение в п. 1 демонстрирует такой параметр когнитивного стиля, как узкий диапазон эквивалентности, а объяснение в п. 4 – полнезависимость.

СООТНОШЕНИЕ ТЕРМИНОВ «ТРАНСКРИПЦИЯ» И «АЛФАВИТ»

В одной из работ Е.Д. Поливанов называет алфавиты некоторых из тюркских языков «транскрипциями»: «*Транскрипции Аслата*» [Поливанов, 1926, с. 6]; «В конце 1917 года уже появилось первое издание „Якутского букваря“ с этой латинской „Новгородовской транскрипцией“» [там же, с. 4] и «...на самом способе *якутского письма-транскрипции*» [там же, с. 17].

Следует отметить, что Е. Д. Поливанов полностью не отождествляет понятия «транскрипция» и «алфавит» [Поливанов, 1933а, с. 9], однако использует данное обозначение, так как видит у проведенных систем письменности общие с фонетическими транскрипциями элементы:

- 1) использование специфичных для фонетических транскрипций символов [Практическая транскрипция фамильно-именных групп, 2017].
- 2) большая ориентация на фонетический уровень языка [Поливанов, 1926].

Данные особенности терминотворчества демонстрируют нам проявление такого типа речемыслительных операций, как категориальное смещение, которое заключается в отнесении реалии к близкой, в значительной степени пересекающейся с искомой, но всё же чужой категории [Евтушенко, Ба, 2016]. В терминах М. А. Холодной можно говорить о широте категорий и широком диапазоне эквивалентности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Понятия, имеющие размытые границы, могут являться источником информации о когнитивном стиле конкретного ученого, так как они провоцируют на поиск более точного означаемого либо на уточнение границ и структуры означаемого через формулирование дефиниции.

2. Е. Д. Поливанов сыграл значительную роль в формировании термина «практическая транскрипция» и в развитии теории практического транскрибирования.

3. На основании анализа использования термина «транскрипция» и его вариаций можно

сделать вывод, что для мышления Е. Д. Поливанова характерна динамичность, практико-ориентированность и ориентация на образцы. Также мы обнаруживаем такие характерные для его стиля мышления речемыслительные операции, как детализация и категориальное смещение. Все это соответствует таким характеристикам когнитивных стилей, как полнезависимость, гибкость познавательного контроля. Нами также установлено, что характеристики узкий / широкий диапазон эквивалентности, узость / широта категорий могут варьироваться в зависимости от задач, решаемых ученым в тот или иной момент научного поиска.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Холодная М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 2-е изд. СПб.: Питер, 2004.
2. Евтушенко О. В., Ба Юйсинь. Типология речемыслительных операций, лежащих в основе словотворчества / О. В. Евтушенко, Ю. Ба // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2016. Вып. 17(756). С. 26-38.
3. Поливанов Е. Д. Проекты латинизации турецких письменностей СССР: К туркологическому съезду II, 1926. Ташкент: Издание Узгиза, 1926.
4. Поливанов Е. Д. О русской транскрипции японских слов / Статьи по общему языкознанию. М.: Главная редакция восточной литературы, 1968. С. 236-286.
5. Андронов А. В., Симонато Е. И., Томеллеры В. С. Евгений Дмитриевич Поливанов, Абхазский аналитический алфавит. Издание текста с переводом на английский язык // Studi Slavistici XIV (2017). С. 191-252.
6. Кронгауз М. А. Транскрипция // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 517-518.
7. Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлеская В. И. Теоретическая грамматика японского языка. Книга 1. М.: Наталис, 2008.
8. Ермолович Д. И. Правила практической транскрипции имён и названий с 29 языков на русский и с русского на английский. М.: Аудитория, 2015.
9. Ба Юйсинь. Новые слова в современном российском политическом дискурсе когнитивный и коммуникативный аспекты: дис. ... канд. филол. наук. М., 2017.
10. Поливанов Е. Д. Введение в языкознание для востоковедных вузов. Ленинград: Издание Ленинградского Восточного Института имени Д. С. Енукидзе, 1928.
11. Турко У. И. О вариантности графического облика новых иноязычных лексем // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 12 (42): в 3-х ч. Ч. III. С. 185-187.
12. Гиляревский Р. С., Старостин Б. А. Иностранные имена и названия в русском тексте: Справочник. М.: Высшая школа, 1985.
13. Сумароков Л. И., Сумарокова О. Л. Е. Д. Поливанов. Неоконченная лингвистическая симфония. Документально-биографическая монография. Бишкек: КРСУ, 2021.
14. Практическая транскрипция фамильно-именных групп / С. Н. Аминев и др. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2004.
15. Поливанов Е. Д. Избранные труды по восточному и общему языкознанию. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991.
16. Поливанов Е. Д. Некоторые фонетические особенности каракалпакского языка: Труды Хорезмской экспедиции. Ташкент: ГИЗ УзССР, 1933а.
17. Поливанов Е. Д. Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком. Ташкент: ГОСИЗДАТ УзССР, 1933б.

REFERENCES

1. Kholodnaya, M. A. (2004). Kognitivnye stili. O prirode individual'nogo uma = Cognitive styles. Concerning the individual mind. Saint Petersburg: Piter. (In Russ.)
2. Evtushenko, O. V., Ba Yuxin. (2016). The typology of verbal and cognitive schemes underlying the creation of words. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Obshchestvennyye nauki. Humanities, 17(756), 26-38. (In Russ.)
3. Polivanov, E. D. (1926). Proekty latinizatsii turetskikh pis'mennostey SSSR: K turkologicheskomu s'ezdu II = Latinization projects of turkic languages alphabets of USSR: provided for the second congress on typology studies. Tashkent: Izdanie Uzgiza. (In Russ.)

4. Polivanov, E. D. (1968). O russkoy transkriptsii yaponskikh slov = About the Russian transcription of Japanese words. In E. D. Polivanov, Stat'i po obshchemu yazykoznaniyu. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury. (In Russ.)
5. Andronov, A. V., Simonato E. I., Tomelleri V. S. (2017). Evgeniy Dmitrievich Polivanov: The Abkhaz Analytical Alphabet. Studi Slavistici XIV, 191–252. (In Russ.)
6. Krongauz, M. A. (1990). Transkriptsiya = Transcription. In V. N. Jarceva (ed.), Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'. Sovetskaja jenciklopedija. (In Russ.)
7. Alpatov, V. M., Arkad'ev, P. M., Podlesskaya, V.I. (2008) Teoreticheskaya grammatika yaponskogo yazyka. Kniga 1 = Theoretical grammar of the Japanese language. Book 1. Moscow: Natalis. (In Russ.)
8. Ermolovich, D. I. (2015). Pravila prakticheskoy transkriptsii imen i nazvaniy s 29 yazykov na russkiy i s russkogo na angliyskiy = The rules of practical transcription of names for the Russian and the English languages. Moscow: Auditoriya. (In Russ.)
9. Ba Yuxin. (2017). Novye slova v sovremennom rossiyskom politicheskom diskurse kognitivnyy i kommunikativnyy aspekty = New words in modern Russian language political discourse cognitive and communicative aspects: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
10. Polivanov, E. D. (1928). Vvedenie v yazykoznaniye dlya vostokovednykh vuzov = Introduction to general linguistics for oriental studies universities. Leningrad: Izdanie Leningradskogo Vostochnogo Instituta imeni D. S. Enukidze, 1928. (In Russ.)
11. Turko, U.I. (2014). Concerning the graphical variety of new lexical units derived from foreign languages. Philology. Theory and practice, 12(42), 185-187. (In Russ.)
12. Gilyarevskiy, R. S., Starostin, B. A. (1985). Inostrannyye imena i nazvaniya v russkom tekste: Spravochnik = Foreign language names in Russian texts: reference material. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)
13. Sumarokov, L. I., Sumarokova, O. L., Polivanov, E. D. (2021). Neokonchennaya lingvisticheskaya simfoniya. Dokumental'no-biograficheskaya monografiya = Unfinished linguistic symphony. Documental and biographical monograph. Bishkek: KRSU. (In Russ.)
14. Amineva, S. N. et al. (2004). Prakticheskaya transkriptsiya famil'no-imennykh grupp = Practical transcription of family name groups. Moscow: FIZMATLIT. (In Russ.)
15. Polivanov, E. D. (1991). Izbrannyye trudy po vostochnomu i obshchemu yazykoznaniyu = Selected works on oriental and general linguistics. Moscow: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury. (In Russ.)
16. Polivanov, E. D. (1993a). Nekotorye foneticheskie osobennosti karakalpakskogo yazyka: Trudy Khorezmskoy ekspeditsii = Concerning some phonetical peculiarities of the Karakalpak language. Materials of the Khorezm expedition. Tashkent: GIZ UzSSR. (In Russ.)
17. Polivanov, E. D. (1933b) Russkaya grammatika v sopostavlenii s uzbekskim yazykom = Russian grammar in comparison with the Uzbek language. Tashkent: GOSIZDAT UzSSR. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Щепалин Максим Дмитриевич

аспирант кафедры русского языка и словесности переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Schepalin Maksim Dmitrievich

PhD student, Department of Russian
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

19.12.2022
24.01.2023
01.03.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья

УДК 81'34 +81'33 81'42 + 811.111 +81'221

DOI 10.52070/2542-2197_2023_4_872_135

Гендерная адекватность в современном немецком языке

Е. А. Юкляева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

e.yuklyaeva@linguanet.ru

Аннотация. В статье дается краткий обзор основных тем общественной дискуссии на тему гендерной адекватности в немецком языке в диахронии и синхронии; анализируются способы ее выражения, используемые в настоящее время в немецком лингвистическом и общественно-социальном дискурсе; определяются примерные тенденции преобладающих гендерных маркеров на ближайшую перспективу. Делается вывод, что преобладание тех или иных гендерных маркеров меняется в зависимости от типа дискурса.

Ключевые слова: гендерная адекватность в немецком языке, феминистская лингвистика, обобщающий мужской род, феминитивы, гендерная звездочка, гендерное маркирование

Для цитирования: Юкляева Е. А. Гендерная адекватность в современном немецком языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4 (872). С. 135–141. DOI 10.52070/2542-2197_2023_4_872_135

Original article

Gender Adequacy in Modern German

Elena A. Yuklyaeva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

e.yuklyaeva@linguanet.ru

Abstract. The article gives an overview of the basic issues of the public discussion about gender language adequacy in synchrony and diachrony and provides a review of gender adequacy expression means currently applied in the German linguistic and social discourse. Besides, prevailing gender markers' trends for the German language are estimated for a short run. The conclusion is drawn that prevalence of respective gender markers is varying in accordance with a discourse type.

Keywords: gender language adequacy in German language, feminist linguistics, generic masculine gender, femininitives, gender asterisk, gender marking

For citation: Yuklyaeva, E. A. (2023). Gender Adequacy in Modern German. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(872), 135–141. 10.52070/2542-2197_2023_4_872_135

ВВЕДЕНИЕ

Ни одно из новых явлений в развитии современного немецкого языка, будь то засилье англицизмов и американизмов, исчезновение родительного падежа или попытки написания существительных с маленькой буквы, не вызывает таких ожесточенных споров, как использование средств выражения в языке гендерной адекватности (*geschlechtergerechte Sprache*). Дискуссии, ведущиеся в немецкоязычных странах на эту тему, часто выходят за пределы лингвистики и проходят уже в рамках политического дискурса. Лингвисты, социологи и политологи говорят о настоящем «культуркампе» за современный немецкий язык, в котором активно участвуют языковые институты (например, издательство словаря «Duden»), университеты, государственные учреждения, средства массовой информации и даже немецкий бизнес. Но поддерживает ли общественное большинство в Германии такие новые явления, как гендерная звездочка, медиальная заглавная буква / или артикуляторная гортанная смычка? В данной статье предпринимается попытка дать краткий обзор способов выражения гендерной адекватности, используемых сегодня в немецком лингвистическом и общественно-социальном дискурсах, а также определить вероятные тенденции в применении указанных способов на ближайшую перспективу. Материалами для исследования послужили работы известных современных немецких лингвистов Л. Пуш, Х. Лобина и Х. Коттхофф, рекомендации словаря «Duden», а также специальные руководства по использованию гендерно-адекватного языка, размещенные на сайтах ведущих немецких университетов, некоторых муниципалитетов в федеральных землях Германии и немецких концернов.

ИЗ ИСТОРИИ ГЕНДЕРНОЙ АДЕКВАТНОСТИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В настоящее время в германистике не существует единой дефиниции для явления гендерной адекватности в языке; для его обозначения в немецком языке используются следующие словосочетания: *Geschlechtergerechte Sprache*, *Gendergerechte Sprache*, *Gendersensible Sprache*, *Genderinklusive Sprache*, *Inklusive Sprache*. Немецкий лингвист Х. Лобин отмечает, например, что гендерно-адекватный язык ставит во главу угла социальную концепцию категории пола, учитывая при этом многообразие полов; однако немецкий язык не обладает развитыми структурами для выражения подобной концепции [Lobin, 2021]. Анализ некоторых определений, предложенных лингвистами [Bayer, 2019; Eisenberg, 2020; Kottthoff, 2020], позволяет описать

гендерную адекватность в языке как использование лингвистических средств для обозначения лиц или групп лиц с целью обеспечения равноправия полов в устной и письменной речи. Все указанные средства в основном можно разделить на две группы: средства для визуализации гендерной принадлежности и средства для нейтрализации гендерной принадлежности.

Считается, что начало гендерной адекватности в языке было положено в 1987 году публикацией ЮНЕСКО документа под названием «Guide to Non-Sexist Language», в котором организация призвала весь мир следовать гендерному мейнстриму. Публикация также положила начало соответствующим изменениям в немецком языке. Однако некоторые немецкие лингвисты, например, Л. Пуш, утверждают, что гендерная адекватность в немецком языке была вызвана к жизни объективными социальными явлениями, прежде всего феминизмом [Pusch, 2014].

Феминистская лингвистика подвергла критике язык за его андроцентричность, т. е. ориентированность не на человека вообще, а на мужчину. Язык был обвинен в сексизме – дискриминации по признаку пола, которой подвергаются женщины. Такая дискриминация выражается в преобладании мужских форм в языке, вторичности и объектности женских форм, совпадений во многих языках понятий «человек» и «мужчина». Представительницы феминистского движения утверждали, что пол является определяющим фактором коммуникации и провозглашали своей целью не только вскрыть сексизм языка, но и преодолеть его, реформировав язык. В основе подобных рассуждений лежала гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа о том, что язык структурирует и направляет мышление, поэтому сознание человека в значительной степени определяется особенностями языка. Феминистская лингвистика предложила многочисленные рекомендации по реформированию языка; в русле этого движения Л. Пуш в 1980 году в соавторстве с тремя лингвистами-феминистками опубликовала «Директивы для предотвращения сексистского употребления языка» («Richtlinien zur Vermeidung sexistischen Sprachgebrauchs»), целью которых было «сделать “мужской” немецкий язык, закрепляющий доминирование мужчин и скрывающий женщин лучше, чем бурка, более женским» и добиться равноправия женщин средствами лексики и грамматики [Guentherodt et al., 1980].

В общественно-социальном дискурсе Германии существует мнение, что решающим толчком к «внедрению» гендерной адекватности в официальный немецкий язык послужило решение Федерального конституционного суда в Карлсруэ в 2017 году,

согласно которому разделение граждан ФРГ на две категории – мужчин и женщин – было признано дискриминационным для некоторых групп людей. На основе этого решения в свидетельствах о рождении и официальных формулярах для указания пола человека помимо «мужской» и «женский» стала указываться третья опция «Divers» («Иное»). Для того чтобы найти лингвистические соответствия для отображения такого гендерного многообразия, в современном немецком языке появились и стали использоваться различные способы выражения гендерной адекватности: окончания женского рода *-in*, медиальная заглавная буква *I*, гендерный (нижний) пробел, гендерная звездочка (астерикс) и двоеточие.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ДИСКУССИЯ О ВЕРБАЛЬНОЙ ГЕНДЕРНОЙ АДЕКВАТНОСТИ

Дискуссия о способах выражения гендерной адекватности в языке показывает, в какой мере язык в настоящее время стал ареной борьбы культур или «культуркампа», причем не только в Германии. Представители молодого поколения по всему миру реагируют таким образом на объективные или субъективные дискриминации любого рода. Начало подобным дискуссиям было положено в США, однако в эпоху социальных сетей этот тренд общественно-го развития быстро перекинулся на другие страны: по сути, некоторые понятия стали восприниматься как слова-раздражители, а названия определенных групп лиц и общественных движений – выполнять функцию своеобразного кода. Активисты общественных движений, осуществляющие подобное кодирование, тщательно контролируют выполнение придуманных ими правил и на основе определенного словоупотребления говорящего или пишущего выносят суждения об убеждениях последнего.

Примером подобного кодирования является словосочетание *People of Color*, или сокращенно *PoC*. В настоящее время данное словосочетание предпочитают использовать лица, сами подвергавшиеся дискриминации по расовому признаку. Общепринятого перевода этого словосочетания на немецкий язык не существует. Использование же таких выражений, как *colored people* и *Farbige* (цветные) в английском и немецком языках, несмотря на их схожесть с *PoC*, строго табуировано, поскольку считается, что коннотативное значение словосочетания *colored people* отсылает к североамериканскому расизму времен рабства. Существа дела не меняет даже то, что одна из самых известных американских правозащитных организаций со дня своего основания в 1909 году называется Национальной

ассоциацией за продвижение цветных (National Association for the Advancement of Colored People).

Цель различных движений за гендерную адекватность заявляется как внедрение аутентичности и адекватности вместо (реальной или выдуманной) дискриминации. При этом прошлое в основном выступает в роли естественного врага; вследствие этого параллельно с социальными движениями и желанием лингвистического дифференцирования возрастает скептицизм к героям прошлого. В США и Великобритании сносят с постаментов памятники, а в университетах Германии начались нападки на Иммануила Канта, обвинения философа в расизме и требования убрать книги Канта из университетских библиотек.

Социологи отмечают, что подобные тенденции в основном развиваются в социальных нишах и «коммуникативных пузырях» гуманитарных факультетов университетов, антирасистских групп и альтернативных движений, которые, хотя и объединены между собой глобальной сетью, тем не менее пока игнорируются немецким общественным мейнстримом. Однако, как только тенденции к гендерному маркированию проникают в язык, особенно в массмедиа, они начинают восприниматься гораздо большей аудиторией, которая формирует свое собственное отношение к таким языковым явлениям.

Изменения, происходящие (или насаждаемые) в немецком языке в этой связи, вызвали ожесточенную дискуссию в лингвистических, общественных и даже политических кругах Германии, причем споры о вербальной гендерной адекватности и «вербальной честности» («verbale Fairness») гораздо более эмоциональны, чем, например, дискуссии о том, сколько еще англицизмов может вынести немецкий язык. Причина этого кроется в том, что в ходе подобных дискуссий имплицитно речь идет также и о признании/непризнании различных стилей жизни. Сюда же примешивается возмущение большинства немцев тем, что неформальная «языковая полиция», состоящая из активистов различных групп и направлений, практически вынуждает их использовать политически корректный язык. Критики внедрения гендерно-адекватного языка, одним из представителей которых является, например, лингвист профессор В. Кремер (W. Krämer), председатель Ассоциации немецкого языка (Verein Deutsche Sprache), говорят о «языковом терроре» («Sprachterror») и «гендерном бесчинстве» («Genderunfug»)¹. Наблюдатели отмечают, что, подобная точка зрения, вероятно, представляет собой и позицию большинства немецкого общества, которое опасается «обезображивания» («Verhunzung») немецкого языка.

¹ URL: <https://www.nzz.ch/international/deutschland/gender-deutsch-intellektuelle-wehren-sich-mit-petition-ld.1465709?reduced=true>

ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ГЕНДЕРНОЙ АДЕКВАТНОСТИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

«Мужской» характер немецкого языка, подвергавшийся ожесточенной критике лингвистов-феминисток, еще до недавнего времени в основном проявлялся в использовании так называемого обобщающего мужского рода (*Generisches Maskulinum*) для обозначения лиц в том случае, если половая принадлежность таких лиц не имеет значения (нейтрализация), либо в том случае, если речь идет как о мужчинах, так и о женщинах (обобщение) (ср. *Autofahrer*, *Steuerzahler* и т. д.). В XXI веке, однако, использование существительных обобщающего мужского рода в государственных учреждениях, СМИ и немецких университетах целенаправленно и неуклонно снижается. Борьба с маскулинитивами иногда приводит к «перегибам», выходящим за рамки лингвистического дискурса: так, в сентябре 2021 года тогдашний министр юстиции ФРГ Кристине Ламбрехт (Christine Lambrecht) представила проект закона о банкротстве, в тексте которого встречались только феминитивы типа *Schuldnerin* (должница), *Gläubigerin* (кредиторша) или *Richterin* (женщина-судья). Соответствующие маскулинитивы практически не использовались. Только после того, как кабинет министров отклонил проект закона из-за «гендерного безумия», текст проекта был возвращен к стандартному юридическому языку.

Тем не менее в защиту маскулинитивов в немецком языке выступают многие лингвисты и писатели, и их аргументы, прежде всего утверждение о несовпадении между грамматическим родом и биологическим полом, очень весомы. Ученые утверждают, например, что никто не удивляется, если в булочной (*beim Bäcker*) всеми делами заправляет женщина, так как существительное обобщающего мужского рода *Bäcker* (пекарь) включает в себя и женщин-пекарей. Кроме того, по мнению лингвистов, двойные наименования типа *Kolleginnen und Kollegen*, как и различные знаки для выражения гендерной адекватности просто неэстетичны и неудобны. Критики новых способов выражения гендерной принадлежности видят в них не продукт естественного языкового развития, а некий общественно-политический проект, «маленькую насаждаемую сверху реформу» [Bayer, 2019; Eisenberg, 2020]. Ученые отмечают также, что кажущийся гендерно-адекватным язык не создает более справедливую для всех полов реальность.

Поборникам гендерной адекватности в языке, однако, удалось удивительно многого достигнуть. Даже знаменитый словарь немецкого языка «Duden», хранитель нормативного немецкого языка

в Германии, учитывая тенденции общественного развития, основательно занимается проблемой гендерной адекватности. В 28-е издание словаря «Duden», вышедшее в свет в 2020 году, впервые была включена глава о «гендерно-адекватном использовании языка»¹, одним из положений которой является утверждение о том, что немецкий язык в настоящее время предлагает множество возможностей для формулирования гендерной адекватности; в качестве примеров приводятся гендерно-нейтральные слова (*Person* /лицо), обобщающие обозначения среднего рода (*das Staatsoberhaupt* / глава государства) или субстантивированные прилагательные (*die Gewählten* / избранные). В онлайн-версии словаря «Duden»² его авторы пошли еще дальше: например, слова *Arzt, der* (врач, м. р.) и *Ärztin* (врач, ж. р.) имеют в онлайн-словаре свои собственные словарные статьи, так же как и тысячи других слов, обозначающих лиц и представителей профессий женского рода (в перспективе в словарь «Duden» должно быть включено 12 тысяч феминитивов).

Что касается рекомендаций в использовании тех или иных знаков гендерной адекватности в языке, то главный редактор словаря «Duden» К. Кункель-Рацум в интервью Обществу немецкого языка³ (Gesellschaft für Deutsche Sprache) в 2021 году просто рекомендовала выбрать какую-нибудь одну форму выражения гендерной адекватности и не смешивать разные формы в устной или письменной речи. Редакция словаря «Duden» и Институт немецкого языка им. Лейбница в 2021 году провели эмпирическое исследование с целью определения приоритетов использования орфографических способов выражения гендерной адекватности. В результате исследования было установлено, что наиболее предпочтительным способом является гендерная звездочка, за ней следуют медиальная заглавная буква *I*, гендерный (нижний) пробел и двоеточие. Медиальная заглавная буква *I*, использование которой в качестве гендерного знака при слиянии двойных существительных типа *Leserinnen und Leser* в *LeserInnen* берет свое начало в 1980-х годах, постепенно утрачивает свои позиции. Причиной этого является использование данного способа только для обозначения бинарного (мужского и женского) пола, что наталкивается на неприятие небинарных и трансгендерных сообществ. Но и гендерная звездочка начала терять свои лидирующие позиции в 2022 году; так, например,

¹ Duden Wörterbuch Die deutsche Rechtschreibung 28. Auflage. Berlin: Dudenverlag, 2020.

² URL: <https://www.duden.de/digitales/apps>

³ URL: <https://shop.gfds.de/produkt/60226/>

летом 2022 года специальный надпартийный комитет муниципалитета Цюриха принял решение «очистить город от звездочки» и даже провести «инициативу» (голосование) среди жителей города по этому поводу¹. Одновременно с этим стал заметен тренд на преобладающее использование двоеточия, которое на ближайшую перспективу может стать основным способом выражения гендерного соответствия в языке.

Редакция словаря «Duden» оказывает огромное влияние на формирование языковых норм в Германии, однако официальные решения в этой области принимаются Советом по немецкому правописанию (Rat für deutsche Rechtschreibung), регулятором немецкого языка, созданным в 2004 году на базе Межгосударственной комиссии по немецкому правописанию. Кроме представителей ФРГ в состав Совета входят специалисты из Австрии, Швейцарии, автономной области Южный Тироль (Италия) и немецкоязычного сообщества Бельгии и Лихтенштейна. В марте 2021 года в специальном заявлении Совет закрепил свою позицию, первоначально высказанную в 2018 году и состоящую в признании того, что адекватное обозначение в языке всех лиц и групп лиц является общественным запросом, который должен найти свое выражение и в письменном языке². Однако отмечается, что подобная общественно-политическая задача не может быть решена только с помощью орфографических правил и изменений в немецком правописании. Поскольку Официальный свод правил (Das Amtliche Regelwerk) орфографии немецкого языка, который публикует Совет (последняя редакция 2018 года)³, является официальной нормой для школ, административных учреждений и судопроизводства в немецкоязычных странах, Совет не включил в него гендерный астериск (гендерную звездочку), гендерный пробел (Gender-Gap), двоеточие и медальные заглавные буквы в качестве способов обозначения гендерной идентичности. Все вышеуказанные способы перечислены в специальном Приложении 2 к Официальному своду правил и названы «Лексическими и синтаксическими образованиями, не соответствующими орфографической норме» («Orthografisch nicht normgerechte Wort- und Satzbildungen»)⁴.

В то же время реальная действительность и прежде всего немецкий бизнес не ждут консенсуса в дискуссии о гендерно-адекватном языке,

проходящей на абстрактном уровне лингвистических теорий, а принимают свои собственные решения. В этом смысле показательны годовые отчеты некоторых немецких концернов из списка DAX: например, в годовом отчете концерна «Bayer» за 2020 год отмечается, что «выбранная форма маскулинитива используется для обозначения всех полов»⁵. Такие концерны, как «Adidas», «BMW», «Deutsche Post» и «Munich Re» также приняли решения не применять в своих годовых отчетах за 2020 и 2021 годы феминитивы или иные способы выражения гендерной адекватности с целью лучшей читабельности и «упрощения языка».

Похожая ситуация наблюдается и в бундесвере. Несмотря на то, что в течение 10 лет, начиная с 2013 года, пост федерального министра обороны Германии занимали женщины, так и не были созданы феминитивы для обозначения воинских званий военнослужащих-женщин. Пока все попытки гражданских чиновников из Министерства обороны ФРГ ввести гендерные соответствия для воинских званий наталкиваются на жесткую критику со стороны военных.

Гораздо более открыты к изменениям в языке государственные учреждения Германии; первопроходцем в этом отношении стало правительство федеральной земли Гессен, которое еще в 1984 году специальным указом удалило маскулинитивы из официальных документов земли. Мэрия Ганновера, столицы федеральной земли Нижняя Саксония, ввела в 2019 году в официальный оборот такие новые существительные, как *Dezernent*innen* (референт*ши) и *Antragsteller*innen* (заявитель*ницы), а также произвела замену некоторых лексем: лексема *Rednerpult* (трибуна оратора) была заменена на *Redepult* (трибуна для произнесения речей), лексема *Teilnehmerliste* (список участников) – на *Teilnehmerliste* (список участия). В соответствии с новыми гендерными правилами в сторону нейтральности изменилось и написание должностей и некоторых профессий: вместо *der Pädagoge* (педагог) используется словосочетание *pädagogische Fachkraft* (педагогические кадры), а слово *der Teamleiter* (руководитель группы) заменяется на *Teamleitung* (руководство группой)⁶. Схожие «гендерные руководства» разработали и другие немецкие города.

Свою гендерную политику также изменили редакционные коллегии крупнейших немецких массмедиа. Модераторы новостных блоков принадлежащего государству Второго немецкого телевидения ZDF (Zweites Deutsches Fernsehen)

¹ URL: <https://www.nzz.ch/zuerich/zuerich-svp-politikerin-will-genderstern-mit-initiative-stoppen-ld.1713287?reduced=true>

² URL: https://www.rechtschreibrat.com/DOX/rfdr_PM_2021-03-26_Anlage1_Geschlechtergerechte_Schreibung_seit_2018.pdf

³ URL: <https://grammis.ids-mannheim.de/rechtschreibung>

⁴ URL: https://www.rechtschreibrat.com/DOX/rfdr_PM_2021-03-26_Anlage2_Orthografisch_nicht_normgerechte_Wortbildungen.pdf

⁵ URL: <https://www.bayer.com/de/investoren/integrierte-geschäftsberichte>

⁶ URL: <https://www.hannover.de/Leben-in-der-Region-Hannover/Verwaltungen-Kommunen/Die-Verwaltung-der-Landeshauptstadt-Hannover/Gleichstellungsbeauftragte/C2%ADtragte-der-Landeshauptstadt-Hannover/Aktuelles/Regelung-f%C3%BCr-geschlechtergerechte-Sprache>

были одними из первых, кто стал использовать гортанную смычку (т. е. делать паузу между корнем слова и соответствующим окончанием женского рода при произнесении некоторых слов, например, слова *Wähler*innen* (*избиратели*) для иллюстрации гендерных знаков, что, однако, вызывает критику большинства телевизионной аудитории.

Опросы общественного мнения в Германии показывают: большинство населения в стране против признания гендерно-адекватного языка нормой. Один из последних онлайн-опросов, проведенных компанией «YouGov» в 2021 году, показал, что только 14 % опрошенных считают, что равноправие полов должно последовательно находить свое выражение в языке; 41 % придерживается позиции «Гендерно-адекватный язык важен, тем не менее мы против фанатизма в этом вопросе». Причем приверженцем такой позиции являются не только «старые белые мужчины», но и молодые женщины, например, писательница Неле Поллачек (Nele Pollatschek). В эссе, опубликованном в газете «Tagesspiegel» в августе 2020 года, Поллачек отмечает, что она не ставит во главу угла гендерный аспект¹. По мнению писательницы, не гендерные звездочки или другие символы выражения гендерной адекватности в языке, а сама гендерная адекватность, делая акцент на указание биологического пола и возводя его тем самым в ранг важнейшей идентификационной категории, является по своей природе сексистской, так как все прочие характеристики личности не находят грамматического выражения в гендерно-адекватном языке.²

¹ URL: <https://www.tagesspiegel.de/kultur/gendern-macht-die-diskriminierung-nur-noch-schlimmer-4192660.html>

² URL: <https://www.tagesspiegel.de/kultur/gendern-macht-die-diskriminierung-nur-noch-schlimmer-4192660.html>

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате предпринятого нами обзора основных способов выражения гендерной адекватности, используемых сегодня в немецком лингвистическом и общественно-социальных дискурсах, были выявлены следующие особенности и тенденции:

- академическая и общественно-социальная дискуссия о гендерно-адекватных лингвистических формах не является феноменом лишь последнего десятилетия; общественные и языковые изменения всегда теснейшим образом взаимодействуют между собой;
- основными способами выражения гендерной адекватности в современном немецком языке являются гендерная звездочка, медиальная заглавная буква /, гендерный (нижний) пробел и двоеточие; ни один из перечисленных способов на сегодняшний день не обладает статусом официальной орфографической нормы;
- основным способом выражения гендерной маркированности в языке на ближайшую перспективу может стать двоеточие, вытесняющее гендерную звездочку с лидирующих позиций;
- в различных областях общественной, политической и экономической жизни немецкоязычных стран заметно преобладание тех или иных гендерных маркеров в зависимости от конкретной коммуникативной ситуации. Данные факторы должны обязательно учитываться при переводе с русского на немецкий язык устной и письменной речи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Lobin H. Sprachkampf: Wie die Neue Rechte die deutsche Sprache instrumentalisiert. Berlin: Dudenverlag, 2021.
2. Bayer J. Sprachen wandeln sich immer – aber nie in Richtung Unfug // Neue Zürcher Zeitung. 2019, April 10. URL: <https://www.nzz.ch/feuilleton/die-geschlechtergerechte-sprache-macht-linguistische-denkfehler-ld.1472991?reduced=true>
3. Eisenberg P. Die Vermeidung sprachlicher Diskriminierung im Deutschen // Muttersprache. 2020. Heft 1. S. 3–17. URL: <https://gfd.s.de/muttersprache-1-2020/>
4. Kotthoff H. Gender-Sternchen, Binnen-I oder generisches Maskulinum? // Linguistik Online. 2020. Bd. 103. Nr. 3. S. 105–127. URL: <https://bop.unibe.ch/linguistik-online/issue/view/1086>
5. Pusch L. Gerecht und Geschlecht. Neue sprachkritische Glossen. Göttingen: Wallstein, 2014.
6. Guentherodt I. et al. Richtlinie zur Vermeidung sexistischen Sprachgebrauchs // Linguistische Berichte. 1980. Heft 69. S. 15–21. URL: <https://pub.ids-mannheim.de/extern/lb/lb1980-5.html>

REFERENCES

1. Lobin, H. (2021). Sprachkampf: Wie die Neue Rechte die deutsche Sprache instrumentalisiert. Berlin: Dudenverlag.
2. Bayer, J. (2019, April 10). Sprachen wandeln sich immer – aber nie in Richtung Unfug. Neue Zürcher Zeitung. <https://www.nzz.ch/feuilleton/die-geschlechtergerechte-sprache-macht-linguistische-denkfehler-ld.1472991?reduced=true>
3. Eisenberg, P. (2020). Die Vermeidung sprachlicher Diskriminierung im Deutschen. Muttersprache, 1, 3–17. <https://gfds.de/muttersprache-1-2020/>
4. Kotthoff, H. (2020). Gender-Sternchen, Binnen-I oder generisches Maskulinum? Linguistik Online, 103(3), 105–127. <https://bop.unibe.ch/linguistik-online/issue/view/1086>
5. Pusch, L. (2014). Gerecht und Geschlecht. Neue sprachkritische Glossen. Göttingen: Wallstein.
6. Guentherodt, I. et al. (1980). Richtlinie zur Vermeidung sexistischen Sprachgebrauchs. Linguistische Berichte, 69, 15–21. <https://pub.ids-mannheim.de/extern/lb/lb1980-5.html>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юкляева Елена Александровна

кандидат педагогических наук

и. о. заведующего кафедрой немецкого языка и перевода

переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yuklyueva Elena Aleksandrovna

PhD (Pedagogy), Acting Head of the Department of the German Language and Translation

Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

10.01.2023
27.01.2023
01.03.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья

УДК 82

DOI 10.52070/2542-2197_2023_4_872_142

Джейн Остен в странах Латинской Америки: расширение литературного поля

А. В. Костыря

*Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
a.v.kostyria@gmail.com*

Аннотация. В статье освещается феномен расширения семиосферы на примере развития литературного «поля Джейн Остен» в Латинской Америке. Теоретическая база исследования – разработанные Ю. М. Лотманом понятия о тексте культуры, семиосфере. В качестве отправной точки рассматривается работа Р. Коллинза о глобальной теории интеллектуального изменения. Делается вывод об особенном характере расширяющейся «вселенной Остен» в исследуемом регионе, выявляются составляющие каждого из компонентов «поля».

Ключевые слова: литературное «поле», вторичные тексты, семиосфера, массовая литература, Джейн Остен

Для цитирования: Костыря А. В. Джейн Остен в странах Латинской Америки: расширение «литературного поля» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4 (872). С. 142–147. DOI 10.52070/2542-2197_2023_4_872_142

Original article

Jane Austen in Latin America: Expansion of the Literary Field

Alyona V. Kostyria

*Perm State National Research University, Perm, Russia,
a.v.kostyria@gmail.com*

Abstract. The article highlights the phenomenon of the expansion of the semiosphere on the example of the development of the «literary field Jane Austen» in Latin America. The theoretical basis of the research is the concepts developed by Yu. M. Lotman concerning text of culture and semiosphere. The work of R. Collins on the global theory of intellectual change is considered as a starting point. The conclusion is made about the special nature of the expanding «Austen's universe» in the studied region, the components of each of the components of the «field» are revealed.

Keywords: «literary field», secondary texts, semiosphere, mass literature, Jane Austen

For citation: Kostyria, A. V. (2023). Jane Austen in Latin America: expansion of the literary field. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(872), 142–147. 10.52070/2542-2197_2023_4_872_142

ВВЕДЕНИЕ

Второе десятилетие XX века для поклонников Джейн Остен в Северной и Южной Америке было отмечено выходом замечательных изданий. Так, в США вышла в свет книга профессора Джулиет Велс «Reading Austen in America» [Wells, 2017], повествующая об истории «завоевания» Америки, начиная с первых публикаций романа «Эмма» (Austen, 2003)¹ в Филадельфии. Другое заметное явление – выход книги «All Roads Lead to Austen: A Yearlong Journey with Jane Amy Elizabeth Smith» (2012) [Smith, 2012] о путешествии английского профессора по странам Латинской Америки с целью организации в них книжных клубов. Данные публикации говорят о явном интересе современных читателей к творчеству английской писательницы.

Цель данной статьи – осветить развитие и состояние литературного и окололитературного «поля Джейн Остен» и его компонентов в Латинской Америке. При этом мы будем основываться на описанном Рендаллом Коллинзом в работе «Социология философии» нелинейном механизме распространения интеллектуального знания в виде «поля» [Collins, 2000]. Мы также опираемся на представления Ю. М. Лотмана о семиосфере как о пространстве, необходимом для коммуникации, которому свойственна ядерная структура (наличие ядра и периферии), диалогичность (стремление к взаимодействию с другими текстами культуры) и динамичность (соотнесенность моментов взрыва и поступательного развития) [Лотман, 2000].

СТРУКТУРА «ПОЛЯ ДЖЕЙН ОСТЕН» В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Структура «поля Джейн Остен» включает не только тексты (первичные и вторичные), но также и культурные сообщества, в рамках которых производятся тексты об Остен. Под вторичными текстами мы также понимаем и тексты культуры, рассматриваемые в социально-культурном контексте: фильмы и экранизации романов. Мы оставляем за скобками ядро этого литературного поля, поскольку его составляют собственно оригинальные произведения на английском языке [Костыря, 2016]. Вместо этого мы рассмотрим его периферию в Латинской Америке, а именно:

- переводы романов на испанский язык;
- профессиональные литературоведческие исследования текстов Остен;
- сиквелы;
- экранизации романов Д. Остен;
- сайты и группы в социальных сетях, посвященные творчеству Д. Остен, фан-клубы.

¹ Austen, J. (2003). *Emma*. Oxford: Penguin Classics.

Что касается таких вторичных текстов, как сиквелы или современные адаптации, то проведенный нами поиск информации и опрос респондентов из сообществ Джейн Остен в Латинской Америке показал, что продолжения к романам Остен пишутся только на уровне фан-фикшн и не публикуются официально (в отличие от Испании).

ПЕРЕВОДЫ

Развитие «поля Джейн Остен» в Латинской Америке в силу языковых отличий не могло быть реализовано без переводов романов на испанский язык. Художественные произведения на английском, прежде чем стать доступными широкой публике в Испании XIX века, обычно проходили сложный путь – они сначала должны были быть переведены на французский. Однако стоит отметить, что путь Остен в Латинскую Америку был иным. В частности, в Бразилии XIX века появилась сначала португальская версия романа Остен под названием «A família Elliot, ou A inclinação antiga». Впервые она была опубликована в Лиссабоне в 1847, и уже в 1858 году зарегистрирована в библиотеке Рио-де-Жанейро. В основе этой версии был французский перевод романа «Доводы рассудка» некой Изабель де Монтолье (Pivato Biajoli, 2019)². Последняя изменила язык повествования, посчитав его недостаточно романтическим и ввела в роман несколько новых сцен, другими словами, постаралась адаптировать текст Остен к французским вкусам в литературе того времени.

Интересно отметить, что новаторский стиль повествования Джейн Остен (диалоги, несобственно-прямая речь, английская ирония и сарказм вкупе с отсутствием пафоса героини и накала страстей, характерных для романтизма) не способствовал развитию популярности романов за рубежом. Отсутствие спроса и ряд других причин привели к тому, что в XIX веке романы Джейн Остен так и не были переведены на испанский язык. Только в начале XX века испаноязычная публика познакомилась с ее творчеством: «Доводы рассудка» были опубликованы на испанском в 1919 году, «Нортенгерское аббатство» в 1921 году, «Гордость и предубеждение» в 1924 году (Emsley, 2016)³.

В июне 1922 года был открыт офис испанского издательского дома «Calpe» в Буэнос-Айресе

² Pivato Biajoli, M. C. (2019). *Horrid Tropics? British Fiction and Jane Austen's Northanger Abbey in Brazil*. *Persuasions on-line*, no. 1, Volume 40. URL: <https://jasna.org/publications-2/persuasions-online/volume-40-no-1/pivato-biajoli/>

³ Emsley, S. (2016). *Jane Austen and her Emma in Spanish*. URL: <https://sarahemsley.com/2016/03/02/jane-austen-and-her-emma-in-spanish/>

(Sánchez, 2006)¹, и с этого момента началось активное распространение европейских изданий в Латинской Америке, и поэтому можно предположить, что романы Остен тоже пересекли океан. В 1924 году издательство добавило новый роман Остен в свою универсальную коллекцию: «Гордость и предубеждение» в двух томах. В декабре 1925 года издательство «Calpe» объединилось с мадридским «Espasa», чтобы основать новое издательство «Espasa-Calpe», где продолжалась работа над универсальной коллекцией до 1935 года. Гражданская война в Испании привела к закрытию многих проектов издательства и в 1937 году Буэнос-Айресе было основано «Colección Austral», в которое вошли три уже опубликованных романа Остен и тем самым продолжили ее распространение на континенте. Прошло несколько десятилетий, прежде чем «Espasa-Calpe» и «Austral» добавили еще одно произведение писательницы, но никогда все ее романы не были в печати, так как издательство просто продолжало переиздавать те три романа, которые у них уже были [Romero Sanchez, 2015]. Таким образом, до 1940-х годов Джейн Остен была почти неизвестна в испаноязычном мире, поскольку только издания первых трех переведенных романов оставались в широком доступе для читателей.

В новом тысячелетии наблюдалось некоторое отставание по количеству текстов на испанском языке в сравнении с англоязычным «полем Джейн Остен» в плане переводов. В 2016 году переводчиком и редактором новой книги «Lejos de Cassandra» («Вдали от Кассандры»), расширяющей исследуемое нами литературное поле выступила Анабель Паласиос. Издание представляет собой письма Джейн Остен, которые она адресовала родственникам, в том числе сестре Кассандре (Hablando de Jane Austen)².

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Представим далее обзор немногочисленных по сравнению с англоязычными странами профессиональных исследований творчества Джейн Остен в Латинской Америке.

Во второй половине XX века литературные критики из Латинской Америки начали обращать внимание на преемственность в английской литературной традиции. Так, Карлос Фуэнтес (Carlos Fuentes), известный мексиканский писатель, дипломат, журналист, посвятил Джейн Остен статью «La novel como reconocimiento: Jane Austen»

(«Роман как признание: Джейн Остен») в своем сборнике «Casa con dos puertas» (1970) и назвал роман «Гордость и предубеждение» «эпопеей об обществе в борьбе с самим собой» [Fuentes, 1970]. Мексиканский писатель и переводчик Серхио Питоль (Sergio Pitol) в работе «Семь женщин – писательниц: от Джейн Остен до Вирджинии Вульф» [Pitol, 1982] обратил свое внимание на развитие творческой мысли в работах мастеров слова XI–XX веков, начиная с Джейн Остен. Согласно его мнению, писателей данной эпохи объединяет умелое построение сюжета, талант рассказчика, чувство юмора и острое желание очертить грань между индивидуальным и социальным.

Интересен также взгляд на феномен популярности Джейн Остен в массовой культуре испаноязычных стран. Так автор книги «История Джейн Остен в XXI веке» Ромеро Санчес обращает внимание на развитие «литературного поля Остен» наряду с Испанией, опережающей другие испаноязычные страны, также и в Аргентине, Мексике и других странах региона [Romero Sanchez, 2015]. Стоит отметить, что автор прослеживает историю Остен в этих странах начиная с первых десятилетий XX века и затрагивает не только сферу литературы, но и кино, телевидение, театр, а также научные изыскания. К современным исследованиям можно также отнести работу Каталины Родригес (Catalina Rodríguez) «Героини Джейн Остен и Соледад Акоста де Сампер. Переписывание женского идеала», в которой автор проводит параллель между творчеством Джейн Остен и колумбийской писательницы XVIII века Соледад Акосты де Сампер, в романах которых главные героини постулируют схожие принципы: свобода выбора для женщин, отрицание брака как единственной цели в жизни женщины, независимость и т. п. [Rodríguez Rodríguez, 2016]. Творчество Джейн Остен и Клайва Стейплза Льюиса обсуждается в статье Мерседес Сарапура (Mercedes Sarapura) в связи с феноменом обмена между кинематографическим и литературным языком в качестве репрезентативного процесса современного общества³.

ЭКРАНИЗАЦИИ

Что касается киноадаптаций романов Джейн Остен в Латинской Америке, то они очевидно не носят массового характера, как это происходит в Англии и США. На это есть ряд причин. Во-первых, это популярность сериалов, как основного массового

¹ Sánchez V., Juan M. La editorial CALPE y el Catálogo general de 1923 // Documentación de las Ciencias de la Información. 2006. vol. 29. P. 259-277.

² Hablando de Jane Austen. URL: <https://hablandodejaneausten.com/> Здесь и далее перевод наш – А.В. Костыря.

³ Sarapura, M. M. (2016). Jane Austen y C. S. Lewis: de la literatura al cine. Análisis de transposición. Correspondencias & análisis. URL: <https://doi.org/10.24265/cian.2016.n6.15>

кинопродукта и их длительность. Во-вторых, массовый рынок сериалов в этом регионе носит ярко выраженный, аутентичный характер, поэтому зрители часто соотносят себя с персонажами той или иной теленовеллы. Таким образом, романы Джейн Остен по отдельности не могли бы служить основой для сериалов, ввиду ограниченного сюжета и, как следствие, ограничений в плане хронометража, на который бы не согласились создатели сериалов.

Опрос респондентов – членов сообществ Джейн Остен в Латинской Америке показал, что как таковых, классических киноадаптаций здесь не осуществляют. Однако нами были обнаружены ссылки на недавно вышедший сериал на португальском языке, основанный сразу на пяти романах Джейн Остен под названием «Гордость и страсть» («Orgulho e Paixão»)¹. Работая над сценарием, его создатели вдохновлялись романами «Чувство и чувствительность», «Гордость и предубеждение», «Эмма», «Нортенгерское аббатство» и «Леди Сьюзен». В этом сериале, который увидел свет в 2018 году действия происходят в Бразилии начала XX века, главой семьи является матриарх миссис Бенедито, которая, как и в романе «Гордость и предубеждение», мечтает выдать пятерых дочерей замуж. Тем не менее, как отмечается в статье BBC², отличий от оригинала больше чем сходств. Так, в семействе сохранено только количество дочерей, тогда как их прототипами послужили героини сразу нескольких романов. В сериале также активно поднимается феминистическая повестка, показываются постельные сцены, добавляются новые персонажи и т. д.

Таким образом, экранизации также могут быть отнесены ко вторичным текстам, которые способствуют, хоть и в меньшей степени, расширению семиосферы, развитию «поля Джейн Остен» и тем самым диалогу культур.

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

С развитием Всемирной паутины увлечение творчеством Джейн Остен по всему миру приобрело еще более значительные масштабы. В XXI веке феномен «фэндом» или иначе «субкультура фан-клубов» не могла не привести к «буму» Остен – «everything Austen» как его называют в Великобритании. Начально возникнув в англоязычных странах, сообщества почитателей Остен в Сети уже давно существуют во многих странах, включая Россию, Китай, Испанию и конечно страны Латинской Америки.

¹ Orgulho e Paixão. URL: <https://gshow.globo.com/novelas/orgulho-e-paixao/>

² Sandy, M. (2020). Pride and Passion: Jane Austen novels the Brazilian way. URL: <https://www.bbc.com/news/world-latin-america-46039045>

Поскольку суть фан-клубов состоит в общении, то, естественно, быстрый обмен информацией через социальные сети делает их основной формой существования «поля Джейн Остен» в Интернете [Enamorado, 2017]. Хотя, конечно, не стоит забывать и условно традиционные ресурсы – новостные порталы, сайты газет и т. п., которые регулярно сообщают читателям новости, касающиеся публикаций, исследований, киноновинок и т. п. Рассмотрим далее наиболее популярные группы текстов интернет-дискурса, посвященных Джейн Остен в Латинской Америке:

- сайты фан-клубов и форумы;
- сообщества, представленные в социальных сетях и видеохостингах;
- новостные сайты:
 - Sociedad Jane Austen de México³ – представляет собой новостной портал, дающий весьма исчерпывающую информацию о новых изданиях романов Джейн Остен, мероприятиях, а также любого рода событиях, связанных с писательницей и ее творчеством в Мексике;
 - Jane Austen Sociedade do Brasil⁴ – сообщество Джейн Остен в Бразилии, возникшее в 2008 году. На этом сайте публикуются анонсы вебинаров и онлайн-встреч, посвященных роли и месту писательницы в британской и мировой литературе, информация о новых изданиях, последних экранизациях и т. д. Немаловажно, что данное сообщество курирует выпуск ежемесячного журнала «Revista LiterAusten»;
 - Jane Austen Argentina⁵ как и другие подобные сообщества организует мероприятия (костюмированные балы), книжный клуб, а также публикует информацию посвященную выходу новых книг о Джейн Остен, экранизаций и т. п. Данное сообщество также продвигается в социальных сетях через страницы в Youtube, Facebook и Instagram;
 - Hablando de Jane Austen⁶ – сайт, который представляет собой информационный бюллетень о Джейн Остен на испанском языке. В нем собрана ключевая информация обо всех ключевых произведениях, фильмах и фестивалях. Есть разделы, посвященные кулинарии, музыке, истории и танцам эпохи Джейн Остен.
 - El Salón de Té de Jane Austen⁷ и Discutir la obra de Jane Austen⁸ – испаноязычные фо-

³ URL: <https://jasmex.wordpress.com/category/jane-austen-vida/>

⁴ URL: <https://janeaustenbrasil.com.br/category/americas-latina/>

⁵ URL: <https://jaustenargentina.wordpress.com/>

⁶ URL: <https://hablandodejaneausten.com/>

⁷ URL: <https://janeausten.mforos.com>

⁸ URL: <https://espanol.groups.yahoo.com/neo/groups/JAcastellano/info>

румы, посвященные обсуждению романов Джейн Остен, а также литературных новинок, связанных с ее именем.

Кроме специализированных сайтов, обзоры и новости об Остен в изобилии встречаются в социальных сетях. Это страницы под названием Jane Austen México¹, Jane Austen Monterrey² и Mundo Darcy³, а также, например, сообщество поклонников Джейн Остен в Чили – Jane Austen Chile⁴, у которого есть своя страница на YouTube⁵.

Публикуются материалы об Остен и на новостных сайтах и сайтах газет, например, таких как аргентинские «Ámbito Financiero», «Telam digital» и «Calrín», уругвайская газета «El País», ежедневная эквадорская «El comercio».

Среди последних публикаций стоит отметить следующие: в 2010 году в Аргентине вышла статья журналистки Марии Висенс (María Vicens) о феномене Остен в современной массовой культуре под названием «Jane Austen, curioso best seller posmoderno»⁶. Чилийская писательница Марсела Серрано (Marcela Serrano) в статье «Jane Austen, adelantada a su tiempo»⁷ газеты «El país» призывает всех читать роман Остен «Гордость и предубеждение». А в центральноамериканской газете «(Casi)lateral» гватемальская поэтесса и журналист Мария Грахедо Аревало (María Grajeda Arévalo) обращает внимание на современность идей Джейн Остен в нашу эпоху в статье «El fenómeno Jane Austen en el siglo de los intensos y las tóxicas»⁸. Наконец, на сайте Libropatas⁹, посвященном литературе и на странице Википедии¹⁰, дан довольно подробный анализ процесса зарождения и развития интереса к творчеству Джейн Остен в Испании и Латинской Америке.

¹ URL: <https://www.facebook.com/JaneAustenMex/>

² URL: <https://www.facebook.com/JaneAustenMty>

³ URL: <https://www.facebook.com/mundodarcy>

⁴ URL: https://www.instagram.com/janeaustenchile/?utm_source=ig_embed&ig_id=4eae6887-f143-4c25-a150-992f72c0bb7b

⁵ URL: https://www.youtube.com/channel/UCmCBcFKw_nyKsBfx5NwiRg

⁶ URL: <https://www.ambito.com/edicion-impresa/jane-austen-curioso-best-seller-posmoderno-n3620865>

⁷ URL: <https://elpais.com/cultura/2013/05/31/actualidad/1369985411726962.html>

⁸ URL: <https://casiliteral.com/divergencias/el-fenomeno-jane-austen-en-el-siglo-de-los-intensos-y-las-toxicas/>

⁹ URL: <https://www.libropatas.com/mundo-editorial/como-jane-austen-llego-a-espana-y-empezo-a-leerse-en-castellano/>

¹⁰ URL: https://es.wikipedia.org/wiki/Historia_sobre_la_recepci%C3%B3n_de_los_libros_de_Jane_Austen

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показало наше исследование, развитие литературного и околослитературного «поля Джейн Остен» в Латинской Америке шло по законам развития семиосферы – каждый из компонентов (или ветвей «древа Остен») порождал все новые и новые ответвления, вступал в диалог с культурой местных стран, порождая нелинейное, многомерное распространение информации вокруг ядра. Этим ядром или эпицентром выступают романы Джейн Остен, чье творческое наследие, переступив границы стран и континентов, являет собой пример объединяющей силы классической литературы.

Очевидно, что феномен Джейн Остен породил в странах Латинской Америки, как и во всем мире, настоящий «бум» вторичных текстов. В основной своей массе они относятся к массовой культуре и литературе – это и непрофессиональные исследования, и обсуждения на форумах с разным уровнем экспертности, и дискуссии в рамках вебинаров в социальных сетях. Их маргинальный статус в сравнении с самими романами, профессиональной критикой и исследованиями обусловлен не только их вторичной природой, но и глобальной тенденцией. Имеет место, на наш взгляд, ориентация массового читателя – потребителя на серийные формы, живой, онлайн-формат как более предпочтительный для презентации и обсуждения, а также возможность коллективно корректировать информацию на сайтах фан-клубов, форумах. С этим связано также и желание фанатов, как бы соприкоснуться с Остен, оживить ее мир, другими словами, наличие игровое восприятие литературной классики.

Существуют и свои отличия развития феномена Остен в этом регионе. Так, Латинская Америка пока не может похвастаться наличием текстов-продолжений к романам Остен или классическими киноадаптациями, как англоязычные страны. Однако можно заключить, что «завоевание» Джейн Остен Латинской Америки состоялось, а значит, и критическое осмысление и преумножение различного рода вторичных текстов здесь будет продолжаться, охватывая все новые горизонты – и географические, и информационные. В перспективе поточно-конвейерное производство, характерное для массовой культуры, позволит Латинской Америке заметно повлиять на расширение пространства культурных текстов и приращение информации о Джейн Остен.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Wells J. Reading Austen in America. London: Bloomsbury Publishing, 2017.
2. Smith A. E. All Roads Lead to Austen: A Yearlong Journey with Jane. New-York: Kindle Edition, 2012.

3. Collins R. The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change. Harvard University: Belknap Press, 2000.
4. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000.
5. Костыря А. В. Круги на воде: Джейн Остен и сетевое пространство литературы // Universum: Филология и искусствоведение. Научный журнал. 2016. № 11 (33). С. 14–17.
6. Romero Sanchez M. C. Historia de los Austenitas: Crónica sobre los aficionados en español a Jane Austen hasta el siglo XXI. Scotts Valley: CreateSpace, 2015.
7. Fuentes C. Casa con dos puertas. México: Planeta deAgosatini, 2002.
8. Pitol S. Siete escritores ingleses: de Jane Austen a Virginia Woolf. México: SepDiana, 1982.
9. Rodríguez Rodríguez C. Las protagonistas de Jane Austen y Soledad Acosta de Samper. Reescribiendo el ideal femenino // Estudios de literatura colombiana. 2016. № 38. P. 163–180.
10. Enamorado M. A. J. Analisis del estilo literario de Jane Austen. Valencia: Universidad de Valencia, 2017.

REFERENCES

1. Wells, J. (2017). Reading Austen in America. London: Bloomsbury Publishing.
2. Smith, A. E. (2012). All Roads Lead to Austen: A Yearlong Journey with Jane. New-York: Kindle Edition.
3. Collins R. (2000). The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change. Harvard University: Belknap Press.
4. Lotman, Iu. M. (2000). Semiosfera = Semiosphere. Saint Petersburg: Iskustvo-SPb. (in Russ.)
5. Kostyria, A. V. (2016). Krugi na vode: Dzhein Osten i setevoe prostranstvo literatury = Circles on the water: Jane Austen and the network space of literature. Universum: Filologiya i iskusstvovedenie. Nauchnyi zhurnal, 11(33), 14–17. (in Russ.)
6. Romero Sanchez, M. C. (2015). Historia de los Austenitas: Crónica sobre los aficionados en español a Jane Austen hasta el siglo XXI. Scotts Valley: CreateSpace.
7. Fuentes, C. (2002). Casa con dos puertas. México: Planeta deAgosatini.
8. Pitol, S. (1982). Siete escritores ingleses: de Jane Austen a Virginia Woolf. México: SepDiana.
9. Rodríguez Rodríguez, C. (2016). Las protagonistas de Jane Austen y Soledad Acosta de Samper. Reescribiendo el ideal femenino. Estudios de literatura colombiana, 38, 163–180.
10. Enamorado, M. A. J. (2017). Analisis del estilo literario de Jane Austen. Valencia: Universidad de Valencia.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Костыря Алёна Владимировна

кандидат филологических наук,

доцент кафедры лингвистики и перевода факультета современных иностранных языков и литератур

Пермского государственного национального исследовательского университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kostyria Alyona Vladimirovna

PhD (Philology), Associate Professor, Department of linguistics and translation

Faculty of Modern Languages and Literatures, Perm State National Research University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

28.12.2022
13.01.2023
01.03.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI 10.52070/2542-2197_2023_4_872_148

Экзистенциальные мотивы в творчестве А. Битова 1960-х годов

Чэнь Шаньшань

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
st103100@student.spbu.ru

Аннотация. Экзистенциальная философия фокусируется на вопросе об уникальности человеческого существования. Экзистенциализм в художественной литературе в основном принимает форму размышлений об одиночестве, отчуждении человека, о подлинности жизни и о смерти. С XX в. экзистенциализм в русской литературе перекликается с общемировой тенденцией, связанной с «экзистенциальным беспокойством», личным одиночеством, тревогой, отчуждением от мира и отчаянием от несовершенства жизни. В статье раскрываются экзистенциальные мотивы в раннем творчестве А. Битова.

Ключевые слова: А. Битов, экзистенциализм, одиночество, отчуждение, ранний период творчества

Для цитирования: Шаньшань Чэнь. Экзистенциальные мотивы в творчестве А. Битова 1960-х годов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4 (872). С. 148–153. DOI 10.52070/2542-2197_2023_4_872_148

Original article

Existential Motifs in the Work of A. Bitov in the 1960s

Chen Shanshan

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
st103100@student.spbu.ru

Abstract. Existential philosophy focuses on the issue of the uniqueness of human existence. Existentialism in fiction mostly takes the form of reflections on loneliness, human alienation, the authenticity of life and death. Since the 20th century existentialism in Russian literature has echoed a worldwide trend related to “existential anxiety”, personal loneliness, anxiety, alienation from the world and despair at the imperfection of life. This article reveals existential motifs in A. Bitov's early work of the 1960s.

Keywords: A. Bitov, existentialism, loneliness, alienation, early work

For citation: Shanshan, Chen. (2023). Existential motifs in the work of A. Bitov in the 1960s. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(872), 148–153. 10.52070/2542-2197_2023_4_872_148

ВВЕДЕНИЕ

Экзистенциализм – направление в философии XX века, известное как религиозное, основоположником которого был французский католический мыслитель Габриэль Марсель, и как атеистическое, разработкой которого занимался прежде всего немецкий философ Мартин Хайдеггер. Основные вопросы, обсуждаемые в экзистенциалистской философии, связаны с уникальностью человеческого бытия. Общие философские и социальные параметры экзистенциального сознания определяются такими категориями, как одиночество, отчуждение, обреченность, безнадежность, борьба противоречий, «пограничная» ситуация, тревога [Vsadnique, 2021]. Экзистенциалистская философия утверждает, что люди, живущие во Вселенной, уникальны. Это в первую очередь определяет ценность человеческого существования и предполагает, что свобода – это способ реализовать себя, причем в процессе самореализации каждый абсолютно одинок. Касаясь вопроса «как существует человек», Хайдеггер отмечал, что индивид сталкивается с «небытием», одиночеством и беспомощностью и всегда оказывается в ловушке неразрешимых проблем и боли. Одиночество и разлука суть модусов присутствия, поскольку присутствие как событие дает возможность встретиться в своем мире с другими [Хайдеггер, 2003].

На протяжении всего XX века экзистенциализм постепенно входил в литературу. Две мировые войны породили кризис интеллектуальной мысли. Экзистенциализм, который ставил личную жизнь, свободу и персональное существование превыше всего, обрел широкую популярность и постепенно занял важное место в художественной словесности. Классикой экзистенциалистской литературы считаются произведения французских авторов: роман Жана-Поля Сартра «Тошнота» и повесть Альбера Камю «Посторонний».

В отличие от западноевропейского экзистенциализма, основные экзистенциальные моменты в русской традиции – это понимание смерти как инобытия, а также иррационализм и антиидеологизм [Кибальник, 2005]. Принято считать, что экзистенциалистские идеи возникли в России еще в XIX столетии, их можно обнаружить даже в меланхолической поэзии Ф. И. Тютчева. К числу предшественников экзистенциализма, вне всякого сомнения, следует отнести Ф. М. Достоевского, поскольку печатью экзистенциалистской проблематики отмечен процесс становления таких персонажей этого великого писателя, как Николай Ставрогин, Алексей Кириллов, Парфен Рогожин, Родион Раскольников,

Аркадий Свидригайлов. Как знаток человеческой психологии Достоевский стремился исследовать уникальность каждого индивида. В отличие от Достоевского, экзистенциалистская мысль Л. Н. Толстого была сосредоточена на проблеме жизни и смерти. Острый конфликт между внутренним Я главного героя и миром в кризисных ситуациях играет ключевую роль в смысловой структуре поздних произведений Толстого. Н. А. Бердяев в работе «Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века» (1946) назвал русскую философию середины XIX – начала XX столетия, развивавшуюся «вне академических рамок», экзистенциальной, ее выразителями, по мнению автора, стали Н. В. Гоголь, Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский, а «из них вышли» такие экзистенциалисты, как, например, Л. И. Шестов [Бердяев, 1997]. Н. А. Бердяев также исследовал состояние личности во время экзистенциального прозрения.

Экзистенциализм в русской литературе перекликается с общемировой тенденцией, связанной с «экзистенциальным беспокойством», личным одиночеством, тревогой, отчуждением от мира и отчаянием от несовершенства жизни, острый конфликт между сердцем и обществом особенно очевиден в русской литературе XX века. В целом русская экзистенциальная философия имеет ярко выраженный эссеистский, фрагментарный и даже в определенной степени художественный характер, являя собой совокупность иррациональных попыток осмысления и описания экзистенциальных параметров. В этом плане русский экзистенциализм в большей степени, чем западноевропейский, прокладывал дорогу постмодернизму [Vsadnique, 2021].

В этой статье речь пойдет о влиянии, которое экзистенциализм оказал на творчество советского писателя Андрея Георгиевича Битова (1937–2018). 1960-е годы стали для Битова важным этапом формирования оригинальной художественной философии. В 1963 году вышел его первый сборник «Большой шар». В последующие несколько лет Битов опубликовал «Такое долгое детство» (1965), «Дачная местность» (1967), «Аптекарский остров» (1968), «Уроки Армении» (1969) и другие сборники, включающие в себя не только серию самостоятельных рассказов, но и несколько масштабных произведений, концептуально-смысловую основу которых составляет оригинальная художественная философия.

Экзистенциалистское сознание Битова появилось не внезапно, а постепенно формировалось на протяжении десятилетий творческой карьеры. Оригинальное экзистенциалистское мироощущение появилось в ранних текстах

автора в 1960-х годах как результат его озабоченности жизнью, подлинностью, гармонией и т. д. Размышления автора о самом человеке могут найти свой источник в художественном опыте Ф. М. Достоевского, оказавшем огромное влияние на становление экзистенциального сознания в целом как концептуально-жанрового. Аналитический строй художественного мышления Достоевского подготавливал сознание XX века [Заманская, 2002]; как и Достоевский, Битов был не просто психологом, но и метафизиком, постоянно погруженным внутрь себя, глубоким исследователем природы человеческого духа. Можно предположить, что экзистенциалистское мироощущение Битова сформировалось, когда пошатнулось его изначально просветленное миропонимание. Молодой человек почувствовал замешательство и растерянность, что и привело его к размышлениям об экзистенциальной природе человека. В своих первых произведениях писатель стремился выразить страх человека перед окружающим миром, безнадежно несовершенным. Говоря о рецепции раннего творчества прозаика за рубежом, Л. Шевченко ссылается на работу Т. Дудек-Листвана: «Уже в появившихся в эти же годы, а также позднее работах американских славистов Э. Чансес, К. Шоу и других была выявлена экзистенциальная составляющая битовского психологизма, а в качестве основной декларирована тенденция, касающаяся отчуждения битовского героя от действительности как таковой».¹ Действительно, проблема одиночества и отчуждения человека доминирует в творчестве Битова в этот период.

Главными героями, описываемыми писателями в эти годы, являются дети и молодые люди. С образами этих персонажей, которые вот-вот оторвутся от изначальной чистоты и безгрешности, чтобы столкнуться с реальным миром, всегда связаны мотивы одиночества и беспомощности. Сложность мира оказывает огромное влияние на их юные сердца, и они кажутся нерешительными и слабыми пред лицом хаоса внешнего мира, но желают найти свое место в жизни. Кроме того, с самого начала бросается в глаза битовская сосредоточенность на духовном измерении персонажей, что дает возможность лучше понять природу человека, герои этого периода наполнены всевозможными глубокими размышлениями. Битовский герой зачастую откровенно аутистичен, являя собой alter ego молодого писателя.

¹ URL: https://www.studmed.ru/russkaya-literatura-issledovaniya-sbornik-nauchnyh-trudov-2008-12_4a108167f45.html?ysclid=18355fchlb421785632

ОДИНОЧЕСТВО КАК ПРИНЦИП СУЩЕСТВОВАНИЯ

Одиночество – один из центральных вопросов, обсуждаемых в экзистенциалистской философии. В рамках экзистенциализма одиночество означает, что человек не способен понять мир других, и каждый индивид заключен в своем собственном теле. Так, например, у Достоевского именно одиночество часто является главным фактором, приводящим личность к крайнему индивидуализму и обособленному сознанию. В произведениях Битова одиночество описывается как полевая структура с множеством семантических слоев. По мнению А. В. Бобровой, одиночество – это не только неодинаковость мысли, чувства и действия, но и физическое (пространственное) состояние несовместности с миром людей, в то же время одиночество – это чувство и болезнь, поэтому концепт «одиночество-уединение» в художественной картине мира Андрея Битова сложен, неоднозначен (за счет семантической биполярности), во многом индивидуален и оригинален [Боброва, 2009]. Они даже находясь толпе, всё равно чувствуют себя одинокими. Их одиночество формируется естественным образом, и кажется, что герои Битова сознательно отказались от контакта с внешним миром и утратили способность к социализации. Герои его произведений не в состоянии осмыслить мир, чувствовать других и как будто не способны реагировать на внешние факторы.

В рассказе «Бездельник» автор показывает молодого человека, которому не остается ничего другого, кроме бегства от реальной жизни. Виктор, только что прошедший стажировку студент университета, сталкивается с давлением руководства, рутинной работы и удушающей жизнью и отстраняется от действительности. По дороге с работы домой Виктор тянется к красным трамваям, белым книгам, тихим старикам и красочному миру, но внезапно его охватывает мысль, что окружающий мир недостижим, и дорога превращается в одинокий, безнадежно темный переулочек. Бродя по улицам Ленинграда, он постоянно ощущает внутреннее напряжение, чувствует себя изолированным от мира, начинает задумываться о смысле собственного существования, уверенный, что

должно же существовать это 'что-то'... И оно как ключ ко всему, ко всему... И вот у меня этот ключ... (А. Битов. *Бездельник*).

Виктор – типичный образ отчужденного от мира, одинокого и отчаявшегося человека. Его волнует только то, что непосредственно касается

его лично, он «лишний человек», который не чувствует себя частью окружающей действительности. Для него важны не люди или события, а его собственная психологическая реакция на них. В этом состоянии оцепенения Виктор предпочитает погрузиться в некое подобие сна, однако в глубине души он всё ещё жаждет чего-то захватывающего, что могло бы разбудить его, оправдать его существование.

Школьник Зайцев в рассказе «Но-га» постоянно находится в изоляции: Он всегда ждал дружбы, и она не удавалась, как-то он не был нужен, а в его возрасте это уже стало важнее всего. Наконец-то герой дождался одноклассников, которые захотели поиграть с ним. Зайцев пообещал отцу вернуться домой пораньше, но ради эфемерной дружбы забыл про обещание. Однако затем все иллюзии героя развеиваются: получив травму ноги, он безжалостно высмеян и брошен «друзьями». Испытывая не только физическую боль, но и сильное душевное унижение, герой вынужден разговаривать со своей вывихнутой ногой – по сути, единственным собеседником:

Ну, пошли... Ну давай, нога ... Молодец, нога. Ты у меня очень хорошая нога... Не отстаешь, хотя тебе очень больно. Спасибо, нога... (А. Битов. *Но-га*)

Бедный ребенок, вернувшись домой, не встречает понимания и сочувствия также и от родителей. Автор здесь подчеркивает трагическую неразрешимость, непреодолимость конфликта между героем и внешним миром – Зайцев мечтал найти друзей, надеялся на любовь членов семьи, но в конце концов ничего не получил. Внешний мир представляется ему странным, страшным и враждебным. Аптекарский остров – это полумистическая территория, на которую никогда не ступала нога главного героя:

«Друзья» прошли по заснеженному саду и обошли пруд, где обнаружили таинственный остров, а затем оказались под трибунами стадиона... Все это были очень неизвестные Зайцеву вещи, он смотрел во все глаза (А. Битов. *Но-га*).

Это приключение – не только попытка выхода во внешний мир, но и испытание на прочность, но оно заканчивается неудачей. Главный герой не мог найти смысл своего существования, и ему остается только вести диалог со своим единственным другом – «ногой». Писатель несколько раз менял заглавие рассказа. А в последнем варианте «Но-га», как отмечает И. А. Якунина, «предельно эксплицируется конфликт между героем и окружающим его

миром. Постигая суть человеческой индивидуальности Зайцева, Битов пытается разрешить противоречие 'я' и 'не-я'. Каждое слово в напряженном, драматическом повествовании обретает двойное звучание. Через самосознание главного героя в тексте интенсивно реализуется авторское сознание» [Якунина, 2008, с. 377].

В художественном мире Битова одиночество – это «чуждо все чужое и безнадежно это чужое понять» [Боброва, 2009, с. 68]. Следовательно, обреченность, необъяснимая разлука, непреодолимость, всевозможные болезненные переживания и истощение – всё это ассоциируются с темой одиночества. У каждого есть непреодолимый путь к одиночеству. Для героя Битова одиночество – это уход в себя, в собственный внутренний мир.

Перенос фокус духовной жизни поколения из общественной деятельности в сферу частного существования, Битов раскрывает суть современной ему эпохи с помощью изображения одинокого состояния главного героя. А. Битов, как подчеркивал В. Ерофеев, является первым писателем (или одним из первых) в современной русской прозе, кто заговорил о слабости человека, о его душевных пределах, об эмоциональном «оледенении» [Ерофеев, 1996]. Т. А. Сотникова также отмечает, что битовский герой не отождествляет себя с действительностью, однако по экзистенциальным, а не идеологическим причинам. В этом он не похож на персонажей многих других авторов-шестидесятников [Русские писатели XX века ... 2000].

ОТЧУЖДЕНИЕ ГЕРОЯ ОТ РЕАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Экзистенциализм предлагает универсальную модель отношений между человеком и миром, основой которой является отчуждение, т. е. отчуждение от природы, реальности и окружающей среды, отделение человека от общества и возвращение к самому себе. Н. А. Бердяев утверждал, что корень отчуждения лежит в самом бытии. Мир объективации – это мир падший, мир, потерявший свободу и свою сущность. В работе «Я и мир объектов» Бердяев постулирует: «Объективация есть отчуждение и разобщение. Объективация есть возникновение 'обществ' и 'общего' вместо 'общения' и 'общности', 'царство кесаря' вместо 'царства Божьего'» [Бердяев, 1934, с. 56]. В философии Л. И. Шестова отчуждение рассматривается как ситуация предельно жесткой конфронтации между миром необходимости и человеком как личностью, его духовным потенциалом. Необходимость выступает в рамках самого

индивида в виде начала, враждебного духовной структуре личности [Шестов, 1992]. Э. Чансес, рассуждая отчасти в духе концепции Л. И. Шестова, подчеркивает, что «Битов слой за слоем избавляется от готового мира, чтобы увидеть все по-новому, спонтанно, в моменте, сейчас» [Чансес, 2012, с. 208]. Битовский герой, как правило, демонстрировал тенденцию к отчуждению от реальности.

В вышеупомянутом рассказе «Бездельник» герой, чтобы отвлечься от работы и жизни, как уже подчеркивалось, предпочитает бродить по городу, он видит, что у каждого есть свои дела, но чувствует, что они вне его досягаемости. Окружающая Виктора действительность призрачна и симулятивна. В какой-то степени герой не утратил всех своих социальных характеристик: увидев открытое ветром и снегом окно, он поможет его закрыть, но это скорее исключение – перед нами индивид, который активно уходит от контакта с реальностью.

В «Жизни в ветреную погоду» писатель Сергей вырывается из городской суеты, на даче ему не нужно работать, не нужно спешить, но вскоре он ощущает пустоту, у него возникает тайное ощущение утраты:

Время было неподвижно, а дни уходили (А. Битов. *Жизнь в ветреную погоду*).

Сергея мучает какая-то непонятная пустота, которую ему нечем заполнить, и он даже пытается «создать ее для этой цели». Плавая в море времени, Сергей наблюдает за окружающим его сыном, чувствуя себя благодаря ребенку полным жизни, но в то же время осознавая иллюзорность этой полноты. Время для героя остановилось, жизнь замерла, и Сергей в отчаянии пытается вернуться в город:

Каким-то образом он проснулся, и в тот же момент тривиальность и злобность его расколотого мира набросилась на него и вошла в него (А. Битов. *Жизнь в ветреную погоду*).

Но приехав в город, Сергей испытывает чувство всё той же бессмысленной тоски, потому что обнаруживает, что и в деревне, и в городе царит пустота, а жизнь настолько скучна, что, где бы он ни был, он чувствует отчаяние и хаос. Поэтому ему остается только имитировать самоубийство с помощью игрушечного пистолета и засовывать голову в холодную воду, чтобы избавиться от мрака. Однако хаос овладевает его существом – вплоть до невозможности совершать даже самые простые бытовые действия:

Когда он услышал внизу всплескивания и восклицания и ему надо было бы тоже стоять сейчас в дверях и приветствовать, мысли его стали разъезжаться, стройность их покинула (А. Битов. *Жизнь в ветреную погоду*).

И только тогда, когда он катает своего сына в коляске и учит его говорить, он ощущает подлинность, органичность своего существования:

он чувствовал себя богом, нигде и во всем, обнимавшим и пронизывающим мир (А. Битов. *Жизнь в ветреную погоду*).

Однако длится подобное просветленно-гармоническое состояние недолго, и герой возвращается к прежней давящей пустоте.

Материализованный мир в произведениях Битова – это мир абсурдный и развращенный, одинокий и отчужденный герой – носитель авторской воли, а само отчуждение – неизбежный результат существования. Отчуждение означает, что в процессе познания мира человек не осознает, что он источник и творец. Мир кажется ему чужим, и его отношения с ним чужие, в то время как сам человек, как объект существования, возможно, является их собственным творением.

Отчужденный главный герой воспринимает мир и себя пассивно, отделяя себя от внешнего мира, субъекта от объекта в постоянной саморефлексии. Для достижения какого-то определенного баланса герои Битова скрывают свое восприятие окружающего мира и поддаются этому отчуждению от самих себя, уходя таким образом в свой собственный воображаемый мир, который они считают реальным существованием.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно сделать вывод, что ранние произведения А. Битова содержат мотивы и концепты, родственные экзистенциалистской философии, среди которых прежде всего следует выделить одиночество и отчуждение. Герою Битова присуща внутренняя неудовлетворенность собой, его мучает разлад между индивидуальным сознанием и внешним миром. Можно уверенно сказать, что битовский герой является носителем типично экзистенциалистского мироощущения, и только в постоянных болезненных размышлениях ему открывается смысл существования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Vsadnique. Экзистенциализм в русской литературе. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5e0dcd0ea3f6e400b6cd2d89/ekzistencializm-v-russkoi-literature-60582e32277cb60abff41742>
2. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Библихина. Харьков: Фолио, 2003.
3. Кибальник С. А. Экзистенциализм в русской литературе и мысли // Литературоведческий журнал. 2005. № 19. С. 131–139.
4. Бердяев Н. А. Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX в. и нач. XX в.; Судьба России. М.: ЗАО Сварог и К, 1997.
5. Заманская В. В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2002.
6. Боброва А. В. «Одиночество» и «уединение» как ключевые концепты в структуре художественной картины мира Андрея Битова // Сибирский филологический журнал. 2009. № 4. С. 66–70.
7. Якунина И. А. Автор и герой в прозе А. Битова 1960-х годов // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 22. С. 375–381.
8. Ерофеев В. В. Памятник прошедшему времени. Андрей Битов (Пушкинский дом) // Собрание сочинений: в 3 т. М.: Союз фотохудожников России, 1996. Т. 3.
9. Русские писатели XX века: биографический словарь / гл. ред. П. А. Николаев. М.: Большая российская энциклопедия: Рандеву-АМ, 2000.
10. Бердяев Н. А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения. Париж: Ymca-Press, 1934.
11. Шестов Л. И. Кьеркегард и экзистенциальная философия. М.: Прогресс-гнозис, 1992.
12. Чансес Э. Другие измерения. Сундук / чемодан Андрея Битова // Русская литература: Историко-литературный журнал. 2012. № 3. С. 204–210.

REFERENCES

1. Vsadnique. (2021). Existentialism in Russian Literature. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5e0dcd0ea3f6e400b6cd2d89/ekzistencializm-v-russkoi-literature-60582e32277cb60abff41742>
2. Heidegger, M. (2003). By'tie i vremya = Being and Time / transl. from German. V. V. Bibikhin. Harkov: Folio. (In Russ.)
3. Kibalnik, S. A. (2005). E'kzistencializm v russkoj literature i my'sli = Existentialism in Russian literature and thought. Literary journal, 19, 131–139. (In Russ.)
4. Berdyayev, N. A. (1997). Russkaya ideya: Osnovny'e problemy` rus. my'sli XIX v. i nach. XX v. = The Russian idea: The main problems of Russian thought of the 19th century and the beginning of the 20th century; The Fate of Russia. Moscow: CISC "Svarog and K". (In Russ.)
5. Zamanskaya, V. V. (2002). E'kzistencial'naya tradiciya v russkoj literature XX veka. Dialogi na granicax stoletij = The existential tradition in Russian literature of the 20th century. Dialogues on the Boundaries of Centuries: Textbook. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.)
6. Bobrova, A. V. (2009). «Odinochestvo» i «uединenie» kak klyuchevy'e koncepty` v strukture xudozhestvennoj kartiny` mira Andrey'a Bitova = "Loneliness" and "solitude" as key concepts in the structure of Andrei Bitov's artistic worldview. Siberian Philological Journal, 4, 66–70. (In Russ.)
7. Yakunina, I. A. (2008). Avtor i geroj v proze A. Bitova 1960-kh godov = Author and hero in A. Bitov's prose of the 1960s. Problems of history, philology, culture, 22, 375–381. (In Russ.)
8. Erofeev, V. (1996). Pamyatnik proshedshemu vremeni. Andrej Bitov (Pushkinskij dom) = Monument to the past time. Andrej Bitov (Pushkin House). Moscow: Union of Photo Artists of Russia. (In Russ.)
9. Nikolaev, P. A. (ed.). (2000). Russkie pisateli 20 veka = Russian writers of the 20th century: biograph. dictionary. Moscow: Bolshaya rossiskaya enciclopedia. (In Russ.)
10. Berdyayev N. A. (1934). Ya i mir ob`ektov = I and the world of objects. Experiencing the Philosophy of Solitude and Communication. Paris: Ymca-Press. (In Russ.)
11. Shestov, L. I. (1992). Kirkegard i e'kzistencial'naya filosofiya = Kierkegaard and existential Philosophy. Moscow: Progress-Gnosis. (In Russ.)
12. Chances, E. (2012). Drugie izmereniya. Sunduk / chemodan Andrey'a Bitova = Other dimensions. Andrej Bitov's trunk. Russian Literature: A historical and literary journal, 3, 204–210. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Чэнь Шаньшань

аспирант кафедры русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Chen Shanshan

PhD student, Department of Russian Literature, St. Petersburg State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

19.12.2022
24.01.2023
01.03.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 008+316.722
DOI 10.52070/2542-2197_2023_4_872_154

Культурная идентичность иракских курдов: методологические подходы к изучению

И. В. Малыгина¹, Т. П. Некрасова²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹irinamalygina@yandex.ru, ²nekir08@mail.ru

Аннотация: В статье предпринята попытка описать культурные особенности идентичности иракских курдов и предложить методологию исследования этого феномена. Авторы подчеркивают доминирующую роль этнических элит в консолидации иракских курдов на протяжении последних столетий, определяют эвристический потенциал и методологические ограничения конструктивизма и инструментализма в изучении идентичности народа. Обоснование сложной структуры идентичности иракских курдов, обусловленной наложением племенной / клановой, этнической и национальной идентичности, требует обращения к методологии примордиализма.

Ключевые слова: идентичность, этнокультурная идентичность, курды, Иракский Курдистан, Ближний Восток, конструктивизм, инструментализм, примордиализм

Для цитирования: Малыгина И. В. Некрасова Т. П. Культурная идентичность иракских курдов: методологические подходы к изучению // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4 (872). С. 154–162. DOI 10.52070/2542-2197_2023_4_872_154

Original article

The Cultural Identity of the Iraqi Kurds: Methodological Approaches to the Study

Irina V. Malygina¹, Tatiana P. Nekrasova²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia,

¹irinamalygina@yandex.ru, ²nekir08@mail.ru

Abstract: The article is devoted to identifying the cultural foundations of Iraqi Kurdish identity and justifying the methodology for studying this phenomenon. The authors emphasize the dominant role of ethnic elites in the consolidation of Iraqi Kurds over the past hundred years, justifying the heuristic potential and methodological limitations of constructivism and instrumentalism in the study of people's identity. The justification of the complex structure of Iraqi Kurdish identity, due to the layering of tribal / clan, ethnic and national identities, also requires an appeal to primordialist methodology.

Keywords: Identity, ethno-cultural identity, the Kurds, Iraqi Kurdistan, the Middle East, constructivism, instrumentalism, primordialism

For citation: Malygina, I. V., Nekrasova, T. P. (2023). The cultural identity of the Iraqi Kurds: methodological approaches to the study. Vestnik of the Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(872), 154–162. DOI 10.52070/2542-2197_2023_4_872_154

ВВЕДЕНИЕ

Курды – один из древнейших народов, компактно проживающих на Ближнем Востоке, и на сегодняшний день – самый большой этнос, не имеющий собственного государства [Дюрре, 2019].

Падение Османской империи и переформатирование геополитического пространства Ближнего и Среднего Востока, установление границ современных государств, образовавшихся в результате колониального передела имперских территорий после поражения Турции в Первой мировой войне, послужили толчком к новому этапу социокультурной динамики во всем регионе, который ознаменовался кризисом самоопределения населяющих его народов.

Наряду с причинами геополитического характера, проблема сохранения этнокультурной идентичности стала одним из факторов повышенной конфликтности в Ближневосточном регионе, до сих пор не исчерпав ресурс собственного воспроизводства.

Эти процессы в полной мере затронули курдов, которые исторически проживали на территории Османской империи и Персии. Это был первый значительный акт в истории разделения курдского народа, получившей свое продолжение в XX веке. Падение Османской империи не привело к воссоединению народа: в результате геополитических трансформаций, ставших следствием Лозаннского мирного договора 1923 года, один из самых многочисленных народов, населяющих регион не только не получил возможности объединения, но был разобщен и интегрирован в политическое и социокультурное пространство теперь уже четырех государств: Турции, Ирана, Сирии и Ирака, ориентированных на культурную ассимиляцию, арабизацию, тюркизацию курдов. Истекшие сто лет показали, что курды не смирились ни с положением разделенного народа, ни с формальным положением этнического меньшинства, демонстрируя устойчивое стремление к консолидации и созданию единого независимого национального государства.

Как отмечает М. Э. И. Дюрре, самоорганизация и политическая активность курдского населения «становятся важным элементом развития четырех государств Ближнего и Среднего Востока (Сирия, Ирак, Турция, Иран). Несмотря на внутренние противоречия <...> национальное самоопределение курдов приобрело собственную динамику, и этот процесс, вероятно, нельзя будет остановить» [Дюрре, 2019, с. 15].

Очевидно, что стремление к образованию независимого национального государства сегодня является важнейшим маркером курдской

идентичности, культурного и ментального единства разделенного народа. Это стремление приобретало в постосманский период тем более радикальные формы проявления, чем агрессивнее становились попытки культурной ассимиляции курдов и дискуссии о сохранении государственной целостности государств Ближнего и Среднего Востока как внутри региона, так и за его пределами.

«Курдский вопрос» сложившийся на пересечении идентификационных стратегий и внутренних противоречий развития этноса, региональных и внешних геополитических интересов и конфликтов, характеризуется рядом прецедентных казусов, позволяющих говорить об уникальном опыте этнокультурного самоопределения курдов. Самый очевидный из них – манифестация этносом, не являющимся государствообразующим, зрелой национальной идентичности при отсутствии национального государства.

На сегодняшний день данная тенденция в наибольшей степени характеризует иракских курдов, чем и обусловлен выбор объекта данной статьи как наиболее репрезентативного в контексте дискурса курдской идентичности.

Что касается остальных курдских анклавов региона, то мы исходим из того, что национальная идентичность курдов Ирана, Турции и Сирии формируется в ином политическом и социокультурном контексте, находится под влиянием политических элит своих государств, а потому нуждается в отдельном исследовании. При этом учитывается то, что «...большинство курдов региона настроены, как минимум, на тесное и мирное сотрудничество со своими собратьями, а как максимум, на построение единого Курдистана, объединяющего всех курдов. Однако политика соседних государств часто провоцировала и продолжает провоцировать враждебные настроения между отдельными сообществами курдов» [Хавлла Хошави, 2017, с. 100].

ИДЕНТИЧНОСТЬ ИРАКСКИХ КУРДОВ: КОНСТРУКТ ИЛИ СУДЬБА?

Исследования этнокультурной идентичности нередко осложнены многозначностью термина и методологическими противоречиями в интерпретации сущности данного феномена. Мы используем понятие «этнокультурная идентичность» как компромиссное для обозначения идентичности народа, сохраняющего представления о своем единстве в силу устойчивости культурного ядра, поддерживающегося на разных этапах этногенеза: *родовой / племенной* (основанной, преимущественно, на отношениях родства), но при этом обладающего определенным этнокультурным ресурсом,

этнической и национальной [Малыгина, 2015]. Этнокультурная идентичность – сложный социально-психологический феномен, сущность которого может быть раскрыта только в контексте междисциплинарного подхода, позволяющего учесть взаимосвязь и взаимозависимость трех компонентов:

1) *осознание* индивидом своей принадлежности определенному этносоциальному образованию на основе общей культуры, характерной для той или иной стадии его исторической динамики и *осознание* народом своей целостности по основанию культурного единства;

2) глубинное эмоциональное, почти сакральное переживание этого единства;

3) *культурообусловленные практики*, с помощью которых представители племени / этноса / нации манифестируют свое единство и культурную общность – этногенетическая мифология, религиозные практики, язык, символы, обычаи, ритуалы, обладающие конвенциональными смыслами для данного сообщества, а на стадии формирования современных национальных государств – политическая, экономическая, правовая, образовательная системы и т. д.

Стремление к научному обоснованию сложной природы идентичности обусловило появление различных научных подходов, как узкодисциплинарных, так и универсальных, обладающих значительным эвристическим потенциалом и получивших широкое применение в социально-гуманитарных исследованиях. К числу междисциплинарных методологических подходов традиционно относят две принципиально отличающиеся объяснительные модели: примордиализм, сформировавшийся в рамках отечественной этнологии, и конструктивизм (и инструментализм как его «частный случай»), основные положения которого были сформулированы западными исследователями. Поскольку в рамках данных научных подходов генезис этнокультурных явлений и процессов получили взаимоисключающее обоснование, то всякий раз исследователь оказывается перед необходимостью выбора одной из полярных позиций.

Так, в рамках теории этноса, в ее «оригинальной» отечественной версии и зарубежных модификациях, постулируется онтологичность и историчность этнонациональных образований, преемственная связь их исторических типов (племя – народность – нация / род – этнос – нация), обеспечиваемая наличием определенного культурного инварианта – устойчивого культурного ядра, на основе которого формируется самосознание народа. Как результат, теорию этноса отличает диахронное видение этнического феномена, не ограничиваемое никакими

историческими рамками: племя – этнос – нация это лишь разные исторические стадии одного и того же этносоциального образования.

В рамках конструктивизма этносу и нации как объективным историко-культурным реальностям противопоставляется субъективность и ситуативность этничности (этнокультурной идентичности), которая «предшествует» этнонациональному образованию и «конструирует» его в формах научных, идеологических и политических концептов, лишенных каких-либо онтологических оснований. В этом смысле известная метафора «воображаемые сообщества» [Андерсон, 2016, с. 10] применительно к современной нации максимально точно передает суть конструктивистского подхода. Историчности и преемственности этнических феноменов, постулируемых примордиализмом, конструктивизм противопоставляет исключительную ситуативность групповой солидарности и манифестации этнического / национального единства, обусловленных не столько объективными культурными признаками, сколько целями и интересами этнонациональных сообществ, а точнее – их элит. Таким образом в рамках конструктивизма этносам и нациям, по сути, отказывается в онтологической определенности и исторической континуальности.

Что касается инструментализма как частного случая конструктивистской методологии, представляющего особый интерес в рамках исследования идентичности иракских курдов, то в контексте данной методологии этнос и этничность предстают как ситуативная реакция этнокультурного сообщества на определенные обстоятельства и события; как результат мобилизационной деятельности этнонациональных элит (политических или военных) как правило на фоне межэтнических конфликтов; как своеобразный ресурс или *инструмент* для получения социальных, политических и экономических предпочтений [Малыгина, 2018].

В соответствии с приверженностью исследователя одному из методологических подходов к трактовке природы этнических явлений и процессов решается, как правило, и проблема этнокультурной идентичности.

Поскольку весь постосманский период истории отмечен борьбой политических элит Иракского Курдистана за признание прав на культурный, политический и экономический суверенитет, а «национальная идея» независимого существования «опережает», предшествует образованию реально-го суверенного государства (которому история может и не дать шансов на рождение) – велик соблазн в интерпретации особенностей самоопределения и самопрезентации народа применить объяснительную модель конструктивизма / инструментализма.

Между тем ответ на вопрос о сложной природе курдской идентичности, формировавшейся в контексте длительной истории народа, «удерживающего» свою идентичность вопреки почти неограниченным возможностям современных национальных государств, международных политических альянсов и глобальных медиа в переформатировании коллективных представлений, требует выхода за рамки традиционной методологической ограниченности и обращения к возможностям взаимодополнительности исследовательских парадигм [Малыгина, 2015].

Важно отметить, что сегодня национально-государственные амбиции иракских курдов имеют под собой реальные основания – факторы политического, экономического, социокультурного и ментального уровней, формирующие в коллективных представлениях народа матрицу параметров самоопределения.

Сегодняшняя консолидированность иракских курдов во многом явилась результатом усилий этнических элит в 20-е годы XX века, ставших ответом на «историческую несправедливость» – игнорирование курдского фактора при определении границ новых государств Ближневосточного региона. Спровоцированный Лозаннским мирным договором «курдский вопрос» и сепаратистские тенденции стали неотъемлемой частью региональной повестки на многие десятилетия.

Наиболее активный и бескомпромиссный период борьбы за независимость в Иракском Курдистане пришелся на 60–70-е годы XX века. Его по праву связывают с именем и деятельностью муллы Мустафы Барзани, политического и военного лидера иракских курдов, основателя одной из влиятельных политических сил государства – Демократической партии Курдистана. Подъем курдского национального движения во главе с Мустафой Барзани, политическая риторика единства и независимости привели к укоренению в сознании иракских курдов идеи безальтернативности суверенного развития, к значительному укреплению этнокультурной идентичности и накоплению политического потенциала, на фундаменте которого Иракский Курдистан впоследствии добился автономии в составе Республики Ирак.

Совершенно очевидно, что обретение автономии стало результатом многих внутрирегиональных и внешнерегиональных факторов, в том числе непоследовательной политики Саддама Хусейна в отношении курдов и их устремлений. Однако в данном случае для нас важно подчеркнуть фактор политических элит в формировании идентичности иракских курдов на этом этапе, ее мобилизационный, конструируемый характер.

Важно добавить в этой связи, что М. Барзани стал значимым символом «национальной идеи», образом идентичности, прочно закрепившимся в коллективном сознании и социальной мифологии современного Иракского Курдистана [شێخ عەبدول وەحید, 2019]. Прежде всего потому, что сегодня коллективная идентичность иракских курдов во многом обеспечивается прецедентом конституционно закрепленной политической автономии с широкими полномочиями, которыми в 2005 году был наделен Курдский автономный район (КАР) в составе федеративного Ирака.

Эта очевидная победа курдских элит, основы которой заложил М. Барзани, сопровождалась утверждением государственного статуса курдского языка наряду с арабским, а также закреплением неотъемлемых атрибутов и символов национального государства: «иракские курды добились беспрецедентных для себя, да и для других национальных меньшинств, прав и свобод: у них есть свои флаг, гимн, свод региональных законов, парламент, президент, правительство, судебные органы, вооруженные силы, полиция, спецслужбы, право на внешнеполитическую и внешнеэкономическую деятельность, на местные налоги и таможенные сборы» [Иванов, 2011, с. 85].

Политические условия стали основой для формирования автономной экономической системы в Иракском Курдистане и ее интеграции в глобальную экономику. Этот процесс также был непростым, поскольку на сырьевые ресурсы Курдистана претендовали многие мировые игроки, без договоренностей с которыми доступ на мировой рынок, а также к инвестициям и технологиям был невозможен. И все-таки богатые нефтяные ресурсы (одно из крупнейших в мире нефтегазовых месторождений расположено в иракском городе Киркук) и фактически неподконтрольный иракскому правительству экспорт нефти обеспечили поступательный рост экономической независимости курдов [Дюрре, 2019].

Современное государство немыслимо без боеспособной армии, обеспечивающей гарантии сохранности государства. Безопасность и независимость Иракского Курдистана защищают военизированные подразделения пешмерга, задачи кратного повышения численности и уровня подготовки.

Еще одним важным государственным институтом, отвечающим за формирование и воспроизводство идентичности является национально ориентированная образовательная система. Образование – это пространство репрезентации культурных достижений нации, эффективный инструмент формирования единого пространства национальной

культуры, конструирования национальной идентичности. Несмотря на то, что сейчас в Иракском Курдистане система образования – эклектичная система, включающая национальные и зарубежные учебные заведения, значительным достижением, ставшим возможным в условиях автономии, является образование на курдском языке наряду с арабским.

Признавая значимость институциональных факторов, конституирующих координаты самоопределения и самопрезентации иракских курдов, не менее важным нам представляются культурные и ментальные основания курдской идентичности – высокая степень культурной самобытности и этнического самосознания курдов, а также консолидированный социальный запрос на объединение разделенного народа и образование суверенного Курдистана.

Подтверждением данных интенций могут служить убедительные итоги плебисцита, состоявшегося в Ираке 25 сентября 2017 года по вопросу об отделении Южного Курдистана от Ирака [Ахмедов, 2021]. Несмотря на то, что проведение референдума преследовало, скорее, мобилизационные цели и не завершилось желаемым результатом, игнорировать данный факт – значит недооценивать глубинные причины современных этнонациональных процессов, лежащие, в частности, в плоскости этнокультурной идентичности. Поскольку именно фактор идентичности зачастую рассматривается как «объяснительный принцип» конфликтов и столкновений в современном мире, подобное упущение чревато превращением латентных очагов напряжения в регионе в открытый конфликт, способный, по оценкам специалистов, выйти за пределы региона [Чернобров, 2013].

В этой связи в процессе исследования курдской идентичности необходимо учитывать некоторые положения примордиализма, для которого принципиальным является обоснование «родственной парадигмы» [Малыгина, 2018] в исторической динамике народа, обеспечивающей не только актуальное, но и континуальное единство этноса, преемственность его культуры, сакральность «крови и почвы», культурную память и глубинные эмоциональные переживания событий общей истории – как триумфальных, так и пораженческих.

Этногенез курдов неочевиден. Как пишет З. А. Юсупова в предисловии к статье В. Ф. Минорского: «В 1983 г., на XX Международном конгрессе ориенталистов в Брюсселе В. Ф. Минорским была выдвинута концепция мидийского (т. е. иранского) происхождения курдов в противовес гипотезе их автохтонного происхождения, предложенной в свое время акад. Н. Я. Марром» [Минорский, 2013, с. 206].

Сторонники иранской версии полагают, что курдские племена пришли на территорию их современного проживания за 2 тыс. лет до н. э. и обосновались на территории Вавилона и в горах Загрос, завершив на этом кочевой период своей истории [Никитин, 1964]. При этом есть основания полагать, что впервые курды появились именно в Ираке, а точнее на территории современного города Киркук [Лазарев, 2012], поэтому и сегодня этот город является одним из сакральных образов курдской идентичности и эмоционально воспринимается как «колыбель курдского народа» [там же, с. 45].

Территориальная локализация и природный ландшафт согласно методологии примордиализма играют важную роль в формировании культуры и самосознания этноса [Бромлей, 2020]. Для курдов эти факторы также имели определяющее значение и обусловили своеобразное преломление родственной парадигмы через племенной и клановый принципы консолидации курдов: «проживание в горах способствовало клановости курдского сообщества. Территорию, относимую сегодня к этническому Курдистану, заселяли курдские племена, объединенные в несколько ведущих кланов» [Хавлла Хошави, 2017, с. 100].

Фактор клановой консолидации курдских племен, до сих пор сохраняющийся и оказывающий влияние на этнокультурные процессы, играет не столько консолидирующую, сколько дифференцирующую роль в курдском сообществе, обеспечивая определенный уровень внутриэтнического культурного разнообразия, проявляющегося в особенностях речи, паттернах поведения, элементах материально-бытовой культуры: «Как правило, представители клана говорят на одном языковом диалекте, признают власть знатных вождей..., ассоциирует себя с определенной территорией, на которой проживали их предки» [там же].

Этноконсолидирующая функция в сообществе иракских курдов во многом является прерогативой религии – важнейшего этнического признака, наиболее строгого с точки зрения демаркации «своих» и «чужих». В Иракском Курдистане подавляющее большинство населения исповедует ислам суннитского толка шафиитского мазхаба, причем является достаточно религиозным. При этом иракские курды веротерпимы, в регионе бесконфликтно проживают представители различных конфессий. Важная культурная особенность курдов – отсутствие религиозного фанатизма, что для данного региона является, скорее, исключением, чем нормой [Мирзоев, 2016].

Влияние ислама на культуру курдов обнаруживает себя не только в архитектуре, языке,

традициях и праздниках, но также в сохранении коллективистского типа общества, сохранении его патриархального устройства при соблюдении всех гражданских прав и свобод женщин. Курдская женщина может быть главой семьи, клана, участвовать в политике, экономической и общественной деятельности [Никитин, 1964]. Коллективизм и исламское понятие уммы во многом определяет социальное устройство общества. И сегодня значительную роль в обществе Иракского Курдистана играют племена, принадлежность к которым определяют место человека в социальной иерархии.

Наряду с исламом курды исповедуют и другие религии, прежде всего – езидизм, которого в Иракском Курдистане придерживается незначительная этноконфессиональная группа езидов. Религиозная доктрина езидизма изложена особым шрифтом в двух священных книгах «Джилва» и «Масхафе Рэш» [Омархали, 2004]. Езидизм представляет собой замкнутую синкретическую религию, приверженцы которой используют самоидентификатор «эзда» [Мирзоев, 2016]. К сегодняшнему дню не сложилось единого мнения относительно генетических корней езидов: являются ли они самостоятельным этносом или это субэтнос курдов, отличающийся преимущественно религиозным мировоззрением [Лях, 2020]. По мнению некоторых исследователей, истоки езидизма восходят к раннему «народному» зороастризму и комплексу древнейших индоиранских представлений, близких к индоарийским [Омархали, 2004]. В основе езидизма – культ солнца, огня. Поклонение эзда солнцу и огню дает основание представителям других конфессий воспринимать их как язычников, огнепоклонников, дьяволопоклонников [Базиленко, 2017], что, безусловно, увеличивает социальную дистанцию между разными группами этноса и создает латентное напряжение. Сами езиды связывают свою веру с древней доисламской религией, а себя позиционируют приверженцами монотеистического вероисповедания, унаследованного от предков.

Религиозные различия, существующие в общине иракских курдов, отчасти «снимаются» в культурных практиках, например в праздничной культуре, что позволяет избежать серьезных внутриэтнических конфликтов на религиозной почве. Известный на весь мир праздник Навруз (Новый год) является неотъемлемым элементом традиционной культуры и курдов-мусульман, и курдов-езидов. Как у многих народов Востока, новый год у курдов начинается 21 марта, в день весеннего равноденствия [Жигалина, 2008]. Наврузу предшествуют менее значительные традиционные праздники – Хыдыр-Наби [Мирзоев, 2016] и Эйде серсале – курдский Навруз, который празднуют

только езиды. Курдский Навруз сопровождается разжиганием огня и танцами вокруг большого костра. Как правило, исполняется народный танец-хоровод – Гованд (Говенд).

Таким образом и кланово-племенная социальная организация, и религиозные конфессии реализуют как этноконсолидирующую функцию, так и демонстрируют видимые внутриэтнические различия, затрудняющие достижение культурного единства, стимулирующие центробежные тенденции внутри курдского сообщества.

Важнейший культурный признак, демонстрирующий целостность культуры курдов – курдский язык и его диалекты сорани и курманджи. Как заметил в свое время В. Ф. Минорский: «Главным и поразительным фактом древнего единства курдов является их язык» [Минорский, 2013, с. 209].

Поэтому таким важным достижением курдской автономии стало закрепление в Конституции Ирака 2005 года статуса курдского языка (с его диалектами) как официального языка КАР и второго государственного языка Республики Ирак [Акопов, 2020]. На курдском языке, преимущественно на диалекте сорани, в КАР говорит практически всё население, ведется делопроизводство, издаются книги, функционируют СМИ. Курдский язык смог сохранить свою относительную чистоту, несмотря на влияние других региональных языков – арабского, персидского, а также английского, французского. Поэтому сохранилось и значительное количество относительно ранних текстов, литературных произведений Средних веков, которые также способствовали консолидации народа и формированию национальной идентичности.

Благодаря одному из величайших курдских поэтов Нали диалект сорани стал литературным языком Иракского Курдистана, а также основным диалектом курдского языка в КАР и в Иранском Курдистане [Мирзоев, 2016].

Литературные произведения Нали способствовали возрождению курдского языка. Его самые известные произведения были написаны на диалекте нижнего курманджи и сорани на фоне османской политики по ассимиляции курдов. Это стало настоящим вызовом правящей элите Османской империи, способом консолидации общества и манифестации курдской идентичности [там же].

Акцентируя роль языка как идентификационного основания М. Х. Хавлла Хошави пишет: «Целостность и единство курдского языка по фонетическим и грамматическим признакам является одним из веских научных аргументов, подтверждающих монолитность курдской нации и укрепляющих национальную идентичность курдов» [Хавлла Хошави, 2017, с. 101]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Культурная идентичность иракских курдов представляет собой сложный социально-психологический феномен, исследование которого предполагает выход за пределы эвристических возможностей одного из традиционных методологических подходов к интерпретации этнонациональных явлений и процессов – примордиализма или конструктивизма / инструментализма. В данном исследовании использован ресурс взаимодополнительности этих познавательных парадигм, позволивший учесть как исторические аспекты формирования, так и актуальный контекст конструирования идентичности иракских курдов, связанный с мобилизационными усилиями национальных элит.

Курды – один из иранских народов, унаследовавших элементы персидской культуры, которые до сих пор сохраняются на уровне праздничной культуры, обычаев, языка и т. д. Однако геополитические потрясения, исторические травмы, полиэтничность региона, его культурное разнообразие, обусловленное переплетением культурных и конфессиональных традиций арабов, евреев, ассирийцев и других народов, не могли не оказать влияние на культуру курдов, сформировав ее уникальную архитектуру. Несмотря на клановость, диалектное, культурное и конфессиональное разнообразие в сознании иракских курдов их культура переживается как коллективное достояние, общая граница между «своими» и «чужими».

Ментальное и культурное единство народа, запрос на объединение в составе единого суверенного Курдистана, казус сформированности и активной манифестации курдами Ирака национальной идентичности в отсутствие национального государства – результат исторического «наложения» и взаимодополнительности причин, лежащих в основе консолидации курдов на разных этапах развития этноса. Культурно обусловленные практики репрезентации идентичности иракских курдов (праздники, литературные тексты, официальная символика и т. д.) позволяют зафиксировать одновременное органичное существование народа в ценностном и культурно-символическом пространстве своего племени и клана, этноса / субэтноса и условной нации.

Показательным примером может служить официальная символика – флаг и гимн Курдского автономного района Республики Ирак как важнейшие из актуальных образов, маркеров и способов репрезентации идентичности.

Флаг, появившийся в 1920-е годы как неофициальный символ национально-освободительной борьбы, легитимированный в 1992 году, сохранил свою первоначальную иконическую и цветовую символику и семантику: «Красный цвет символизирует кровь курдских мучеников в длительной борьбе за курдскую свободу и достоинство, зеленый – красоту ландшафтов и пейзажей Курдистана, белый – мир и равенство, желтый – начало жизни и свет для людей»¹. Иконический знак солнца, размещенный в центре флага, отсылает, как мы отмечали выше, к древним, доисламским символам культуры курдов, а количество лучей указывает на сакральный смысл числа 21 в древних религиозных представлениях и культах народа.

Смысловые и выразительные средства гимна иракских курдов как художественная форма репрезентации идентичности (ئێهێ ڕه‌قیب یا Эй, враг!) также символичны, содержат мобилизационный, консолидирующий посыл.

Таким образом, взаимодополняемость исследовательских парадигм позволяет объяснить сложную структуру идентичности иракских курдов, одновременно включающую культурные основания консолидации на племенном / клановом, этническом и национальном уровнях, рациональные устремления в будущее в рамках единого независимого Курдистана и сакральные переживания, эмоциональную связь на уровне «крови и почвы», религиозных практик и языка. Продуктивность данной методологии позволяет не только объяснить сложность оснований самоопределения иракских курдов на современном этапе развития народа, но и учесть возможности и риски развития Иракского Курдистана в контексте общей социокультурной динамики региона, обусловленные этноментальным опытом народа, высоким уровнем его консолидации и идентичности, вопреки постоянному воздействию внешних сил и попыток культурной ассимиляции.

¹ URL: <https://cihanekurdistan.livejournal.com/22380.html>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дюрре М. Э. И. Курдский вопрос в современных реалиях Ближнего Востока // Россия и мир: развитие цивилизаций. Трансформация политических ландшафтов за период 1999–2019 гг. : материалы IX Международной научно-практической конференции ; в 2 ч. 2019. С. 64–67.
2. Хавлла Хошави М. Х. Южный Курдистан: факторы, влияющие на национальное самосознание иракских курдов // Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ. 2017. Т. 17. № 1. С. 96–105.

3. Малыгина И. В. Методологические дискурсы этнокультурной идентичности: ресурс взаимодополнительности // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 5. Том I (Гуманитарные науки). С. 217–223.
4. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева, вступ. ст. С. П. Баньковской. М.: Кучково поле, 2016.
5. Малыгина И. В. Идентичность в философской, социальной и культурной антропологии: учебное пособие. 3-е изд. М.: Согласие, 2018.
6. ههولێر — شێخ عەبدول وەحی / نیشتمانی کورد. شێخ عەبدول وەحی : Fêrbûn, 2019. – ١٣٤. (In Kurd.) = Sheyh Abdalla Wasi. Kurdish nation. 2019. Knowledge. Erbil.
7. Иванов С. М. Иракский Курдистан на современном этапе (1991–2011 гг.). М.: ИМЭМО РАН, 2011.
8. Ахмедов Т. А. Референдум о независимости Южного (Иракского) Курдистана в 2017 г.: истоки, ход, итоги и последствия. Вестник Томского государственного университета. 2021. № 465. С. 58–65.
9. Чернобров Д. В. Идентичность в современном международном конфликте: периодизация истории конфликтов через призму «другого» // Вестник МГИМО-У. 2013. Вып. 3 (30). С. 86–91.
10. Минорский В. Ф. Курды – потомки мидян / предисл. и комм. З. А. Юсуповой // Письменные памятники Востока. 2013. № 3. С. 206–208.
11. Никитин В. Курды / пер. с фр. И. О. Фаризова. М.: Прогресс, 1964.
12. Лазарев М. С. Лазаревские чтения / отв. ред. О. И. Жигалина. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. Вып. 1. С. 26–112.
13. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: URSS, 2020.
14. Омархали Х. Езидизм древнейшая религия курдов. 2004. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ezidizm-drevneyshaya-religiya-kurdov/viewer>
15. Лях Е. Е. Проблемы культурной самоидентификации езидов в современной России. Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 4 (23). С. 180–188.
16. Базиленко И. В. Езидизм. Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ezidizm>
17. Жигалина О. И. О некоторых курдских народных праздниках и обрядах М.: Институт востоковедения РАН, 2008. С. 26 – 112. URL: <https://eziin.org/stati?artid=8845>
18. Мирзоев Н. К. Курды. История и современность. КазНПУ: им. Абая, 2016.
19. Акопов Л. В., Алдаллал А. Современная конституционная модель Республики Ирак: аксиологический аспект. Проблемы конституционного, международного и административного права. Северо-Кавказский юридический вестник. 2020. № 1. С. 70–73.

REFERENCES

1. Dyurre, M. E. I. (2019). Kurdskiy vopros v sovremenny`x realiayah Blizhnego Vostoka = The Kurdish question in the modern realities of the Middle East. In Rossiya i mir: razvitie civilizacij. Transformaciya politicheskix landshaftov za period 1999–2019 gody` (pp. 64–67): Materials of the IX International Scientific and Practical Conference: in 2 parts. (In Russ.)
2. Xavlla Xoshavi, M. X. (2015). Kurdistan: faktory`, vliyayushhie na nacional`noe samosoznanie irakskix kurdov = South Kurdistan: factors affecting the national identity of Iraqi Kurds. RUDN Bulletin. Series: SOCIOLOGY, 17(1), 96–105. (In Russ.)
3. Malygina, I. V. (2015) Metodologicheskie diskursy` e`tnokul`turnoj identichnosti: resurs vzaimodopolnitel`nosti = Methodological discourses of ethnocultural identity: a resource of complementarity. Yaroslavl Pedagogical Bulletin, 5(1), 217–223. (In Russ.)
4. Anderson, B. (2016). Imagined communities. Reflections on the origins and spread of nationalism. Moscow: Kuchkovo Pole. (In Russ.)
5. Malygina, I. V. (2018). Identichnost` v filosofskoj, social`noj i kul`turnoj antropologii = Identity in philosophical, social and cultural anthropology: textbook. Moscow: Soqlasie. (In Russ.)
6. ههولێر — شێخ عەبدول وەحی / نیشتمانی کورد. شێخ عەبدول وەحی : Fêrbûn. (In Kurd.) = Sheyh Abdalla Wasi (2019). Kurdish nation. Knowledge. Erbil.
7. Ivanov, S. (2011). Irakskii Kurdistan na sovremennom e`tape (1991–2011 gg.) = Iraqi Kurdistan at the present stage (1991–2011). Moscow: IME`MO RAN. (In Russ.)
8. Akhmedov, T. A. (2021). Referendum o nezavisimosti Yuzhnogo (Irakskogo) Kurdistan v 2017 g.: istoki, hod, itogi i posledstviya = The referendum on the independence of Southern (Iraqi) Kurdistan in 2017: origins, course, results and consequences. Bulletin of Tomsk State University, 465, 58–65. (In Russ.)
9. Chernobrov, D. V. (2013) Identichnost` v sovremennom mezhdunarodnom konflikte: periodizaciya istorii konfliktov cherez prizmu «drugogo» = Identity in modern international conflict: periodization of the history of conflicts through the prism of the “other”. Bulletin of MGIMO-U, 3(30), 86–91. (In Russ.)

10. Minorskij, V. F. (2013). Kurdy` – potomki midyan. Publikaciya, predislovie i kommentarii Z. A. Yusupovoj = Kurds – descendants of the Medes. Publication, preface and comments by Z. A. Yusupova. Pis'menny'e pamyatniki Vostoka, 3, 206–208. (In Russ.)
11. Nikitin, V. (1964). Kurdy` = Kurds. Translated from the French by I. Farizov. Moscow: Progress Publishing House. (In Russ.)
12. Lazarev, M. S. (2012). Lazarevskie chteniya = Lazarev readings (issue 1). Ed. by O. I. Zhigalina. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS. (In Russ.)
13. Bromlej, Yu. V. (2020). Ocherki teorii e`tnosa = Essays on the theory of ethnos. Moscow: URSS. (In Russ.)
14. Omarkhali, X. (2004). Ezidizm drevnejshaya religii kurdov = Yezidism is the oldest religion of the Kurds. 2004. <https://cyberleninka.ru/article/n/ezidizm-drevnejshaya-religiya-kurdov/viewer> (In Russ.).
15. Lyax, E. E. (2020) Problemy` kul'turnoj samoidentifikacii ezidov v sovremennoj Rossii = Problems of cultural self-identification of Yezidis in modern Russia. (In Russ.)
16. Bazilenko, I. V. (2017). Ezidizm. Trudy` kafedry` bogosloviya Sankt-Peterburgskoj Duxovnoj Akademii. = Yezidism. Proceedings of the Theology Department of the St. Petersburg Theological Academy. <https://cyberleninka.ru/article/n/ezidizm> (In Russ.).
17. Zhigalina, O. I. (2008) O Nekotory`x kurdschix narodny`x prazdnikax i obryadax = About some Kurdish folk festivals and rituals. <https://eziin.org/stati?artid=8845> (In Russ.).
18. Mirzoev, N. K. (2016). Kurdy`. Istoriya i sovremennost` = Kurds. History and modernity. (In Russ.)
19. Akopov, L. V., Aldallal, A. (2020). Modern constitutional model of the Republic of Iraq: axiological aspect. Problems of constitutional, international and administrative law. North Caucasian Legal Bulletin, 1, 70–73. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Малыгина Ирина Викторовна

доктор философских наук, профессор
заведующий кафедрой мировой культуры Института гуманитарных и прикладных наук
Московского государственного лингвистического университета

Некрасова Татьяна Петровна

аспирант кафедры мировой культуры Института гуманитарных и прикладных наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS:

Malygina Irina Victorovna

Doctor of Philosophy (Dr.habil.), Professor, Head of the Department of World Culture
Institute of Humanitarian and Applied Sciences, Moscow State Linguistic University

Nekrasova Tatiana Petrovna

PhD Student of the Department of World Culture, Institute of Humanitarian and Applied Sciences
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

28.12.2022
10.02.2023
01.03.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья

УДК 130.2+397

DOI 10.52070/2542-2197_2023_4_872_163

Диалог непересекающихся семиосфер в едином пространстве культуры

А. В. Маслова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

an_maslova@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматривается межкультурный диалог в философском и культурологическом аспектах. Используются методы неоантропологии, провозгласившей онтологический поворот в исследовании инаковости Другого и биосемиотики, в рамках которой семиосфера расширяется за пределы не только цивилизации, но и человечества в целом. Предложен способ преодоления дуальной оппозиции, поляризующей природное и культурное, погружающее сознание в застывшие категории, препятствующие понимающему диалогу.

Ключевые слова: понимание, семиотика, диалог культур, семиосфера, интуиция, неоантропология

Для цитирования: Маслова А. В. Диалог непересекающихся семиосфер в едином пространстве культуры // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4 (872). С. 163–169. DOI 10.52070/2542-2197_2023_4_872_163

Original article

The Dialogue of Non-Intersecting Semiospheres in a Single Cultural Space

Anastasiya V. Maslova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

an_maslova@inbox.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of intercultural dialogue and the problem of understanding in the culturological and philosophical aspects. The methods of neoanthropology, which proclaimed an ontological turn in the study of the otherness of the Other, and biosemiotics, which extends the semiosphere beyond not only civilization, but humanity as a whole, are applied to the identification of factors of understanding. The article offers a way of overcoming the dual opposition that polarizes the natural and the cultural, immersing consciousness in rigid categories that prevent an understanding dialogue.

Keywords: understanding, semiotics, dialogue of culture, semiosphere, intuition, neoanthropology

For citation: Maslova, A. V. (2023). The dialogue of non-intersecting semiospheres in a single cultural space. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(872), 163–169. 10.52070/2542-2197_2023_4_872_163

ВВЕДЕНИЕ

Проблема понимания в современной культурологии имеет прямое отношение к вопросу о диалоге культур, который сегодня является главной темой в решении культурных аспектов антропологического кризиса. Это требует и исследования глубинных факторов, которые лежат в основе предпонимания в процессе диалога. Именно культурные коды, установки сознания и стереотипы мышления являются подчас препятствием для достижения согласия и ведения понимающего диалога.

Признание непересекающихся семиосфер, инаковости представителя другой культуры является первым шагом в установлении понимающего межкультурного диалога. Второй шаг состоит в выявлении единого поля, в контексте которого происходит общение. Для нового осмысления понятий культуры и природы автор статьи обращается к методам неоантропологии, провозгласившей онтологический поворот в исследовании инаковости Другого. С Нового времени философия вернула вопросы онтологии физике, а сама сосредоточилась на эпистемологической проблематике, однако сегодня данное разделение антропосферы недопустимо, поэтому мы обращаемся к современным исследованиям в антропологии, которая предложила свой подход для преодоления кризиса дуалистической позиции исследователя и объекта своего исследования.

Сегодня, когда мир нуждается в фактическом взаимопонимании многих Других необходим ключ к раскрытию этой инаковости и первая стадия взаимопонимания – это принятие радикальной инаковости, после этого возможно выйти на новый уровень взаимопонимания, выстраивая интересующие (под субъектами мы понимаем не только персоналию, но и национальные государства) взаимоотношения.

АСПЕКТЫ КРИЗИСА СОВРЕМЕННОГО МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

Современная западно-европейская цивилизация сформировала бинарное отношение к окружающему миру на основании субъект-объектных отношений. Наука является вершиной этого позиционирования, на основании чего сформировался background межкультурных отношений. Однако западная культура имеет три смысловых периода своей истории, каждый из которых является инаковым по отношению друг к другу. Семиосфера древнего грека, его способ мышления не пересекается с мышлением человека Средних веков,

это также справедливо для представителя Нового времени, т. е. внутри самого культурного континуума появляются дискретные семиотические ряды, с психологической точки зрения представляющие собой ядерное внутреннее единство. Более того, каждая культура несет свои ядерные смыслы и базовые семиотические отношения с природой, с представителями своей культуры и с представителями иных культур.

Первый аспект кризиса современного межкультурного диалога состоит в навязывании единой глобалистской повестки развития человечества, единых стандартов для всего мира, что стирает культурное многообразие, а это ведет к самоуничтожению. Согласимся, что «текущий способ злокачественной глобализации предполагает процесс, отличный от интеграции, а именно ассимиляцию стран и народов, для вписывания их в современный неолиберальный проект» [Мухина, 2022, с. 73].

В связи с этими вызовами культурология и философия культуры должны включить в свой исследовательский органон методы смежных наук, в частности, современные антропологические исследования. Именно внутри гуманитарных наук может сложиться модель совершенной межкультурной коммуникации, по меткому выражению М. Эпштейна: «сама культурология в своей потенции – это не просто знания, но особый способ транскультурного бытия: на перекрестке культур» [Эпштейн, 2019, с. 114]. Бытие на перекрестке культур предполагает понимание, глубинное согласие с инаковым способом мышления и отношения к миру. В достижении такого понимания и глубинного признания инаковости состоит путь к преодолению кризиса межкультурного диалога.

Второй аспект кризиса межкультурного диалога связан с проблемой понимания, которое включает в себя не только рациональное мышление, логику и правила суждения, но и внерациональный аспект познания, такой как интуиция. Известно бинарное деление на свой / чужой, когда представитель определенной культуры интуитивно чувствует «чужака», причем такая идентификация происходит почти мгновенно [Егоров, 2020]. Чуждость другого является, с одной стороны, условием самого акта диалога, с другой – препятствием, часто сильным, для достижения понимания. Сам процесс понимания состоит из трех стадий: предпонимание, озарение, осознание смысла понятого, что соответствует герменевтической схеме. Второй компонент акта понимания располагает заложенными культурными аутентичными ядерными смыслами, которые определяются как «свои», «правильные», «достойные»

и т. д. Проблема в достижении взаимного понимания в процессе межкультурного диалога состоит в признании ценности другого, чуждого представления о мире, времени и пространстве, но при этом не теряя себя в другом. Здесь можно согласиться с Э. Тисельтоном, современным специалистом в области герменевтики: «герменевтика воспитывает уважение к чуждому мнению, терпение и стремление к взаимопониманию, не умаляя искренней преданности человека к собственным убеждениям» [Тисельтон, 2011, с. 21]. Непересечение семиосфер все-таки не является приговором для понимающего диалога, это условие его начала, поскольку сам диалог происходит в стихии культурного.

СЕМИОТИКА КОНТЕКСТА И МИР ИНАКОВОСТИ

Проблема диалога настолько сегодня стала востребованной, что наводит на мысль об отсутствии самого диалога или, по крайней мере, о том, что здесь есть проблема и причем принципиальная, вбирающая в себя проблему самосознания и выбора. Рассмотрим на примере антропологических исследований способа мышления племен Амазонии бразильскими учеными то, как устроена наша собственная семиосфера, без усвоения и понимания которой невозможно вступать в продуктивный диалог с другими культурами. Принципиальный фактор здесь в том, что логика мышления и видение мира отличается настолько в иной культуре, что мы вправе сказать об иной онтологии. Здесь хотелось бы остановиться подробнее, поскольку в этом состоит понимание того, что называется онтологическим поворотом в современной антропологии.

Исторический путь онтологии как философской дисциплины включает нескольких периодов, один из которых является слепым пятном именно в философском отношении данной дисциплины. Начиная с Парменида, который фактически ввел термин «бытие» ($\tau\acute{o} \epsilon\acute{\iota}\nu\alpha\iota$), получив развитие в учениях Платона и Аристотеля, к Новому времени проблемы онтологии постепенно исчезают из чисто философского поля и вверяются физике, а философия сосредоточивается на вопросах гносеологии и проблемах научного знания.

Только в XX веке М. Хайдеггер призвал воскресить вопрос о бытии, что, во многом связано не только с имплицитным зовом внутри самой философии, но и с нарастающим кризисом в научном знании, в физике, которая, начиная с оформления классической научной картины мира фактически стала монополистом в области онтологии.

Сегодня, когда кризисы приобретают иную тональность, становятся перманентными не только в науке, но и в социальном пространстве, особенно возрастает интерес к практическим исследованиям природы человека, к тому, как его рассматривает современная антропология. Удивительно, что возрождение онтологии происходит именно в контексте антропологического дискурса, что может говорить о сплетенной междисциплинарности философии и наук о человеке. Стоит подчеркнуть своевременность подхода к другому как живущему не только иначе (*modus vivendi*), но и в другом мире, онтологически другом, а не эпистемологически, как это принималось раньше.

«Онтология выдвинулась именно в тот момент, когда онтологические основания нашей цивилизации – и – непререкаемое культурное превосходство создавших ее народов – стали рассматриваться как причина всех бед» [Вивейруш де Кастру, 2022, с. 179]. Сотериологичность новой онтологии, рожденной в русле антропологии выражается в стремлении показать бытийственный статус инакового мира, созданного образом мысли и образом действия представителей иных культур.

В своей работе по гносеологии «Критика чистого разума» И. Кант предлагает, как ему видится, универсальную модель когнитивного аппарата человеческого познания, однако его априорные формы пространства и времени могут быть *a priori* лишь в контексте классической картины мира, модели западно-европейского рационализма. Из этой модели выпадает большое число иных форм не просто мышления, но форм познавательной реальности, поскольку познать мы способны ту часть реальности, которую сконструировала наша когнитивная архитектура мышления, встроенная в культурный контекст.

Мы вправе, с одной стороны, утверждать, что бытие является единым, отличаются лишь жизненные миры, по-своему отграничивающие в нем зоны актуального. Однако эта зона актуального не есть ли само онтологическое, не тот же самый мир, но бытие ($\tau\acute{o} \epsilon\acute{\iota}\nu\alpha\iota$), поскольку мириады тел, наполняющих мир кристаллизуются в осмысленные единицы и только после этого становятся частью бытия.

Бытие семиотично, поскольку родилось в пространстве семы ($\sigma\eta\mu\alpha$), но не только греческой, поскольку семиотическая система существует не только среди людей, но и среди нечеловеческих существ. Всё поле взаимодействий живых существ становится областью семиотических связей и успешность этого взаимодействия зависит от степени понимания, высшая степень которого обеспечивает единство многообразия, того баланса, который поддерживает природа.

Общение, весь мир состоит из разных уровней общения с помощью знаков. Важно уточнить, что расширенное понимание знака, предложенное еще Ч. С. Пирсом, подразумевает, что семантическая сторона сообщения присутствует только в человеческом мире, тогда как в мире нечеловеческом имеет место семиозис первого и второго порядка [Пирс, 2000]. Возникает биосемиотический ансамбль знаков, гармонично коррелирующих друг с другом. Каждое живое существо становится биотическим агентом коммуникации, приводящей всех ее участников к пониманию. Понимание наряду с семиотикой становится частью онтологии.

Человеческий язык выделяется из всех естественных языков свойством рекурсии, которое выделил Н. Хомский, поскольку «только человек способен участвовать в совместной интенциональности или совместной коммуникации одновременно» [Остапенко, 2010, с. 273]. Данное свойство человеческой коммуникации создает условие для появления смысловой составляющей, т. е. возможности абстрактных и метафизических аспектов языка. Мы можем говорить, что нас с прагматической точки зрения не волнует в данный момент, он является *sub specie aeternitatis*. Проблема понимания, таким образом, еще более усложняется, приобретая культурный семиотический контекст, не зная который, коммуникация, скорее всего, не увенчается пониманием.

Рассмотрим человеческие культуры в связи с их онтолингвистической парадигмой. Обратимся к результатам исследований современной неоантропологии, в русле которой активно изучаются племена Амазонии и соотнесем их с концептом «Umwelt» (жизненный мир). Язык репрезентует образ жизни народа, является маркером культурной идентичности, что прекрасно демонстрируется на закрытых культурных ценностях, таких как племена лесов Авилы или юга Африки.

Высоко ценяемая субъектность западно-европейских народов подобно априорным формам пространства и времени у Канта была представлена как нечто само собой разумеющееся, естественное для человека и не принадлежащее другим нечеловеческим существам. Однако, как оказалось, это не так, что дает основания для пересмотра понятия субъектности и фундаментального изменения отношения к природе (*environmental*) и в целом к жизни. Культура в этом контексте может быть понята не только как «комплексное целое», но так же как и «открытое целое» [Кон, 2018].

Субъект, утвержденный Декартом в апофеозе отчужденности *cogito ergo sum* возомнил о себе, что он есть цель, ради которой совершилась вселенская эволюция. Антропоцентризм, поставивший

не человека, но декартовского субъекта на пьедестал эволюции стал принципом в процессах описания, объяснения и создания технологий. Дихотомия природы и культуры превратилась в пропасть, в которую сбрасывались иные перспективы восприятия человека, субъекта, культуры и природы. Это те четыре феномена, от определения которых зависит онтология, посредством которой народ полагает себя и окружающий мир.

Абсолютная инаковость в определении субъекта и самой субъектности встречается в племенах Амазонии, а также в некоторых племенах Африки. В племени кечуа, проживающем в лесах Авилы, животные, на которых можно охотиться и которые при этом сами охотятся, являются субъектами, личностями (*aents*) [Дескола, 2012].

Более того, не только охотников по природе, таких как ягуары, ачуары и кечуа считают субъектами, но и всю природу в целом, она наделяется не просто душой, что соответствует анимизму, но и субъектностью. Действительно, если на минуту представить, что случится с мегаполисом, бетонными джунглями, если перестанет работать инфраструктура, поддерживающая существование современной цивилизации, город будет погружен в ту часть бытия, которая выносится за скобки городского пространства.

Природа врывается стихийно, погружая мегаполисы в первоначальное синкретическое единство с собой. Действие, которое совершит таким образом природа можно толковать в духе А. Шопенгауэра, что это иррациональная безумная воля, но этот взгляд присущ человеку Нового времени, уже привитый антропоцентром. Иная точка зрения увидит в деянии природы осознанные действия субъекта, существа, наравне с человеком, имеющим сознание и способность делать выбор, способность общаться. Интересно в этом контексте отношение некоторых племен Амазонии (ачуары, макуна) к тем существам, на которые происходит охота для выживания и блага самого племени. Ягуар всегда бывший человек, и всегда актуальный субъект, актер, который связан с охотником как родственник. Для женщин растения – это родные по крови, для мужчин животные – родственники, приобретенные в результате брака, но все они подлинные социальные партнеры [там же, 2012].

Культура пронизывает природу, всех обитателей ойкумены и не как менее сознательные «автоматы», но как самостоятельные сущности, требующие соответствующего к себе отношения, подобно умершему родственнику, выказывая почтительное отношение к останкам убитого животного. Отсюда происходят разнообразные ритуалы, встраивающиеся в ткань языка, меняющего его, создавая

единое семиотическое поле взаимодействия. Так, охота представляет собой не способ добывания пропитания, она становится диалогом с тем живым видом, на который направлены действия охотника. Охота превращается в культурное действие, захватывающее всех акторов, где проводником является знаковая система, которая выходит за пределы только человеческого языка. Метаязыковое пространство заполняется смыслами, правда, которыми его наделяет человек, но нечеловеческие существа способны считывать знаки и воспроизводить их, поддерживая симбиотическую связанность между собой и духами, человеком и собой (которые по представлениям ачуаров, кечуа, хиваро и др. являются такими же людьми-субъектами). Диалог на наш взгляд является предикатом культуры, только благодаря которому может формироваться культурная идентичность. В процессе диалога «люди и звери взаимно формируют друг друга, определяют свои идентичности и свои личные особенности» [Дескола, 2012, с. 30].

Справедливы в этом смысле слова, что «жизнь мыслит; мысль жива» [Кон, 2018], что соответствует идеям аутопоэзиса и биосемиотики. Согласно биосемиотическому подходу к исследованию жизни как системы взаимодействий все живые существа пребывают в состоянии перманентной интерпретации информации, поступающей посредством разнообразных источников (как изнутри организма, так из окружающего мира).

Успешная интерпретация ведет к пониманию и достижению цели, неуспешная приводит в дальнейшей перспективе к гибели живого существа. В этом смысле интересна аналогия, сделанная К. Поппером относительно различия Эйнштейна и амебы: казалось бы, что в них может быть общего, кроме как наличие того, что биологи называют жизнью. Однако различие кроется в том, по мнению австрийского ученого, что ошибка амебы стоит ей жизни, но ошибка Эйнштейна стоит ему лишь времени на исправление уравнения. Эти две ошибки относятся к двух разным уровням интерпретации, биологической и культурной, но смысл заложен в них один, поскольку сама жизнь включает в себя процесс познания.

«Жизнь есть процесс семиозиса, порождена знаков, их функционирования и толкования» [Князева, 2018, с. 88]. Каждый живой организм становится частью единого семиотического пространства знаков, обретая свою идентичность в акте коммуникации с иными существами. Лес как экосистема ни что иное как семиосфера, о которой Ю. М. Лотман говорил как о важнейшем условии диалога, конструирующего семиотическое тело культуры. Диалог пронизывает все сферы жизни.

«Семиотические системы проявляют, сталкиваясь в семиосфере, способность выживать и трансформироваться и, как Протей, становясь другими, оставаясь собой...» [Лотман, 1992].

В лесах Амазонии, в суровой Сибири, у тех народов, которые сохранили свою первородную связь с природой, мир живых существ не оторван от жизни человеческого социума, но является неотъемлемой его частью. С того момента, как человек начал понимать физическую смерть еще и как отход души в мир более могущественных и невидимых духов, где ее ждет особый посмертный путь с препятствиями, он для себя открыл семиотическое пространство третьего порядка – символическое. С этого момента принято отсчитывать начало культуры, примерно с периода позднего палеолита. Однако, как мы уже отметили выше, понятие культура, которое мы противопоставляем природе не всеми может быть принято и не должно быть принято. С этого и начинается диалог инаковостей.

Символический мир один из, наряду с миром икон и индексов, если следовать Ч. С. Пирсу, который смог расширить семиотику до *нечеловеческих* масштабов и вынести ее за пределы человеческого разума. Если признать, что жизнь мыслит, что признает биосемиотика (*βίος жизнь + ημεσιωτική наука о знаках*), то все живые существа обладают смыслом, порождающим их собственный мир (онтос). Согласно Ч. Пирсу: «.. мысль есть главный, если не единственный, способ репрезентации» [Пирс, 2000, с. 76], при этом мысль мы уже должны понимать в расширенном смысле, не только как нечто присущее только человеку.

Я. фон Икскуль видел в каждом живом существе субъекта, поскольку оно выстраивает свой собственный субъективный мир. «Умвелт – это мир смыслов живого существа» [Князева, 2018, с. 91]. В некотором смысле можно сказать, что каждый живой организм субъектен и имеет свою идентичность, однако культурную идентичность мы можем относить лишь к человеческим существам и к окружающему миру (*environbental*) народов Амазонии или Сибири (жителей тундры).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как мы указали выше, культура и природа имеют переплетенное множество сходных свойств и эта дихотомия становится условным трафаретом, по которому изучаются иные способы существования и способы мышления. Культура природна, а природа культурна, поскольку семиотична.

Обратимся к японскому философу Вацудзи Тэцуро, к его критике декартовского Его, которое представляет единственно несомненное подлинное

существование по Декарту. Тэцуро замечает, что само выражение *cogito ergo sum* внутренне противоречиво, поскольку исключает мыслящего субъекта из контекста мыслимого и самого себя ставит в невозможное положение, поскольку сами слова, язык, на котором они произносятся является уже, по мнению Ф. Шлейермахера, индивидуальным всеобщим. «Уже само письмо – это выражение в буквах и словах, а слова появляются только в случае общественной жизни – когда тебе жизненно необходимым становится общение с себе подобными» [Скворцова, 2015, с. 186].

Расширенное представление понятия субъекта и горизонта тех, кто может быть субъектом (иметь Самость) позволит выйти из сложившегося антропологического кризиса, в который погружено современное общество. Смена перспективы, способность принять точку зрения Другого и попытаться воспринять окружающий мир не как абсолютного объекта, но и увидеть в нем самостоятельного культурного субъекта, в этом пожалуй, состоит новый смысл заколдовывания мира, где каждая семиосфера становится субъектной.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мухина И. К. Есть ли жизнь после цифры? М.: Концептуал, 2022.
2. Эпштейн М. Н. Будущее гуманитарных наук. М.: РИПОЛ-Классик, 2019.
3. Егоров В. К. Еще раз об оппозиции «свой / чужой» // Коммуникология. 2020. Т. 8. №1. С. 138–154.
4. Тисельтон Э. Герменевтика. Черкассы: Коллоквиум, 2011.
5. Вивейруш де Кастру Э. Кто боится онтологического волка? Несколько комментариев к текущей антропологической дискуссии // Логос. 2022. Т. 32. № 2. С. 167–192.
6. Пирс Ч. С. Начала прагматизма. СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000.
7. Остапенко Г. И. Биокommunikационная парадигма Гюнтера Витцани: язык и коммуникация в биологических процессах // Метод: Московский ежегодник трудов из общественных дисциплин: сб. науч. тр. / ИНИОН РАН. Центр перспект. Методологий социально-гуманит. исслед. М., 2020. Вып. 10: Вслед за Декартом. Идеальная чистота и материальная основа мышления, познания и научных трудов. С. 269–287.
8. Кон Э. Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека. М.: Ad Marginem Press, 2018.
9. Дескола Ф. По ту сторону природы и культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
10. Князева Е. Н. Биосемиотика: истоки междисциплинарного направления // Вопросы философии. 2018. №11. С. 86–98.
11. Лотман М. Ю. Культура и взрыв. М.: Гнозис; Прогресс, 1992.
12. Скворцова Е. Л. Человек и общество в воззрениях японского философа Вацудзи Тэцуро // Вопросы философии. 2015. № 6. С. 179–188.

REFERENCES

1. Mukhina, I. K. (2022). Est' li zhizn' posle cifry? = Is there life after the digit? Moscow: Konceptual. (In Russ.)
2. Epshtejn, M. N. (2019). Budushchee gumanitarnyh nauk = The future of Humanity. Moscow: RIPOL-Klassik. (In Russ.)
3. Egorov, V. K. (2020). Again on the "us versus them." Kommunikologiya, 8(1), 138–154. (In Russ.)
4. Tisel'ton, E. (2011). Hermenevtika = Hermeneutics. Cherkassy: Kollokvium. (In Russ.)
5. Vivejrush de Kastru, E. (2022). Who is afraid of the ontological wolf? Some comments on the textual anthropological discussion. Logos, 32(2), 167–192. (In Russ.)
6. Pirs, Ch. S. (2000). Nachala pragmatizma = The beginnings of pragmatism. St. Petersburg: Laboratoriya metafizicheskikh issledovanij filosofskogo fakul'teta SPbGU; Aletejya. (In Russ.)
7. Ostapenko, G. I. (2020). Biokommunikacionnaya paradigma Gyuntera Vitcani: yazyk i kommunikaciya v biologicheskikh processah. Method: Moskovskij ezhegodnik trudov iz obshchestvennyh disciplin (Issue 10: Vsled za Dekartom. Ideal'naya chistota i material'naya osnova myshleniya, poznaniya i nauchnyh trudov, pp. 269–287). RAN. INION. Moscow. (In Russ.)
8. Kon, E. (2018). Kak myslyat lesa: k antropologii po tu storonu cheloveka = How forests think: towards anthropology on the other side of human. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.)

9. Deskola, F. (2012). Po tu storonu prirody i kul'tury = On the other side of nature and culture. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
10. Knyazeva, E. N. (2018). Biosemiotics: origins interdisciplinary field. Voprosy filosofii, 11, 86–98. (In Russ.)
11. Lotman, M. Yu. (1992). Kul'tura i vzryv = Culture and explosion. Moscow: Gnozis; Progress. (In Russ.)
12. Skvorcova, E. L. (2015). Human and society in Watsuji Tetsuro views. Voprosy filosofii, 6, 179–188. (In Russ.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Маслова Анастасия Владиленовна

кандидат философских наук,
доцент кафедры философских наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maslova Anastasiya Vladilenovna

PhD (Philosophy),
Associate Professor at the Department of Philosophy
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	29.12.2022	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	01.02.2023	
	01.03.2023	

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Сетевое электронное научное издание

Network electronic scientific publication

**ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 4 (872)**

**VESTNIK
of Moscow State
Linguistic University
Humanities
Issue 4 (872)**

Ответственный редактор выпуска
А. М. Дементьева
кандидат филологических наук, доцент

Executive editor
A. M. Dement'eva
PhD (Philology), Associate Professor

Редактор Н. Г. Павлова
Верстка: А. В. Алымов
Разработка макета: А. Алымов

Editor N. G. Pavlova
Layout: A. V. Alymov
Layout design: A. Alymov

Подписано в печать 13.06.2023
Усл. печ. л. 21,3. Формат 60x90/8
Заказ № 32/23

Signed for print: 13.06.2023
Conventional printed sheets: 21,3. Layout format 60x90/8
Order 32/23

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
Электронная почта: ipk-mglu@rambler.ru

Address:
Ostozhenka St., 38, 1, Moscow, 119034
Tel.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2023

© FSBEI HE MSLU, 2023

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru
Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Website domain name: vestnik-mslu.ru
Founder: FSBEI HE MSLU

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

The edition is registered June, 10, 2016, ЭЛ № ФС77-66051
The Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(ROSKOMNADZOR)

За аутентичность цитат отвечают авторы.
Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном
согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна.

The authors are responsible for the authenticity of citations.
Reprinting of materials is possible
with the editors' obligatory written consent.
Reference to the publication is obligatory when reprinting.

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям:

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (10.01.01)
- 5.9.2. Литературы народов мира (10.01.03)
- 5.9.3. Теория литературы (10.01.08)
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (10.02.01)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Германские языки) (10.02.04)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Романские языки) (10.02.05)
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (10.02.19, 10.02.20, 10.02.21)
- 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (24.00.01)
- 5.12.3. Междисциплинарные исследования

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».